

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственное учреждение образования
«ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОПЫТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Минск, 12–13 октября 2022 г.)

Минск
ИНБ
2022

УДК 351.746.1(06)
ББК 67.401.132я431
А43

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, доцент *Г. Г. Краско* (главный редактор);
кандидат юридических наук, доцент
Е. А. Шаркова (секретарь редколлегии);
кандидат юридических наук *А. Л. Баньковский*;
кандидат психологических наук, доцент *А. А. Колмаков*;
кандидат философских наук, доцент *А. А. Мушта*;
кандидат юридических наук, доцент *И. Л. Петрик*

Актуальные вопросы и опыт обеспечения национальной и
А43 **региональной безопасности** : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск,
12–13 окт. 2022 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.:
Г. Г. Краско [и др.]. – Минск, 2022. – 164 с.
ISBN 978-985-7040-93-3

В материалах Международной научно-практической конференции представлены научные публикации по актуальным направлениям теории и практики обеспечения международной, региональной и национальной безопасности, правовому обеспечению государственной политики в сфере национальной безопасности, противодействию экстремистским и террористическим проявлениям, деструктивному информационно-психологическому воздействию на личность, общество, государство, совершенствованию системы подготовки сотрудников системы обеспечения национальной безопасности на современном этапе, а также по психологическим аспектам обеспечения информационной безопасности и информационным технологиям.

Издание адресовано специалистам в сфере обеспечения национальной безопасности, а также всем, кто интересуется данной проблематикой.

УДК 351.746.1(06)
ББК 67.401.132я431

ISBN 978-985-7040-93-3

© ГУО «Институт национальной безопасности
Республики Беларусь», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Асабин А. Ю.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ИММАНЕНТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКСТРЕМИЗМА..... 6

Базаров Е. Т.

МОДЕЛИРОВАНИЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 10

Баньковский А. Л.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ 21

Болтянов О. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМАЦИОННЫХ
МАТЕРИАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 27

Бородавкин А. В.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ
«МЯГКОЙ СИЛЫ» В СТРАТЕГИИ США И НАТО..... 31

Василькович С. Н.

ГАЗЛАЙТИНГ КАК МЕТОД МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ..... 34

Войцехович В. А.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭКСПЕРТОВ И ИНДИКАТОРОВ ОЦЕНКИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 38

Воронюк С. И.

О ПРИВЕРЖЕННОСТИ ОФИЦЕРА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СЛУЖЕБНОМУ ДОЛГУ..... 43

Журов А. В.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ СИСТЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
С ПОМОЩЬЮ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И СРЕДСТВ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ 47

Зарубанова Е. В.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
КАК ОСОБЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ..... 50

Кондратенко А. В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДРЫВА 53

<i>Литвинко В. А.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОДВЕРЖЕННОСТЬ НЕГАТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ....	58
<i>Лычковская Л. А.</i>	
ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ДОПУСКА ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАМ	62
<i>Мамонов В. В.</i>	
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	67
<i>Марищук Л. В., Воронюк С. И.</i>	
ПОНЯТИЕ «ДОЛГ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	73
<i>Мещеряков М. Н.</i>	
ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ	77
<i>Мушта А. А.</i>	
НОВАЯ РЕДАКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ	82
<i>Нехайчик Д. А.</i>	
ТИПОВОЙ АЛГОРИТМ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ФОРМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ АКЦИИ	87
<i>Перевалов Д. В.</i>	
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	90
<i>Петрик И. Л.</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТРОЕНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	95
<i>Платонов В. А.</i>	
О РОЛИ ИНСТРУМЕНТОВ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА В ПОДБОРЕ КАДРОВ	99
<i>Радковец И. С.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ КОЛЛЕКТИВА КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	103
<i>Сивцов А. В.</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УСТРОЙСТВА ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ СССР НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	107

Скляр В. К.

О РОЛИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ВЫЯВЛЕНИИ
КАНАЛОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 111

Слипенко А. В., Пустовойт А. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФЕЙКОВ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО..... 114

Смеян А. А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ
В ДОСТИЖЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА 118

Тарасов И. А.

ОСОБЕННОСТИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 123

Тупикин В. А.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПОИСК КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ
ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 126

Хромушин М. А.

ПРОБЛЕМНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАТИВНЫХ
СОТРУДНИКОВ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 129

Челядинский С. А.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ 133

Шамёнов В. И.

МЕЖРАЙОННЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОГБ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 138

Шаркова Е. А.

ПОИСК И АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ..... 142

Швецов М. В.

О ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ИСТОЧНИКАХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ 146

Швецов М. В.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ 151

Шингель А. Л.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА 155

Шитиков А. В.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЕМНИКА..... 160

А. Ю. Асабин,
кандидат юридических наук,
Республика Беларусь

РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ИММАНЕНТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКСТРЕМИЗМА

Устойчиво проходящие в последние десятилетия процессы глобализации и интеграции торговых, производственных, социальных отношений содействовали не только прогрессивному развитию национальных экономик, но и трансферу деструктивных политических, социальных, этноконфессиональных практик, из которых ведущими являются практики экстремизма, представляющие значимую угрозу архитектуре международной безопасности и актуализирующие необходимость научного познания данного социальноопасного феномена с целью выработки оптимальных и адекватных инструментов противодействия их проявлениям с позиций достижений современных политических, социально-экономических и уголовно-правовых доктрин.

Как указывает С. Н. Фридинский, экстремизм является социальным системным явлением, в рамках которого представители, объединенные на основе общих политических, идеологических, религиозных и иных взглядов и убеждений, совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение других, отличных от отстаиваемых ими [1, с. 9].

Рассматривая экстремизм как общественно опасное явление следует отметить, что процессам, предшествующим его уголовно-правовым формам, выступает зарождение, принятие идей, убеждений, оправдывающих и обосновывающих экстремизм в качестве средства достижения социальных, политических и иных целей, то есть формирование радикализации личности либо группы лиц.

Термин «радикализация», так же как и «радикализм», в современных условиях довольно плотно вошел в политический дискурс и научный оборот в качестве имманентных признаков экстремизма и терроризма. Несмотря на наличие определенных дискуссий в его определении, в научных источниках значительное число авторов под радикализацией понимают процесс обращения к насилию как средству преобразований.

В национальном правовом пространстве не дается определение понятия «радикализация», однако ее дефиниция изложена в локальных правовых актах ряда специальных служб стран ЕС, в последнее время активно сталкивающихся с проявлениями насильственного экстремизма и, в частности, религиозного терроризма.

Так, в нормативных документах Службы безопасности и разведки Дании радикализация определяется в качестве процесса, в рамках которого лицо в большей степени принимает использование недемократических или насильственных средств, включая терроризм, в попытке достичь конкретной политической (идеологической) цели. В документах Общей службы разведки и безопасности Нидерландов под радикализацией понимается осуществление и (или) поддержка далеко идущих изменений в обществе, потенциально представляющих опасность для правопорядка, что может включать использование неправовых методов, которые способны нанести ущерб функционированию правопорядка. В нормативных актах Службы безопасности Швеции радикализация трактуется как процесс, ведущий к идеологическому или религиозному активизму для радикального изменения общества, так и процесс, приводящий к тому, что человек или группа лиц используют, поощряют либо пропагандируют насилие в политических целях [2, с. 62–63].

Таким образом, несмотря на некоторые различия в формулировках определения понятия «радикализация», ее семантическое толкование в указанных источниках свидетельствует об общих генерализующих признаках, включающих принятие и использование насилия в достижении политических, религиозных и иных целей.

При этом само насилие выступает в качестве основного приемлемого способа достижения поставленных целей и представляет собой деятельность противоправного характера, направленную на причинение физического, морального, материального вреда отдельным лицам либо целевым группам.

Однако, по мнению автора, признак насилия не является имманентным при определении содержания понятия «радикализация». Принятие взглядов и убеждений, носящих крайний (худший) характер, в первую очередь обуславливает отрицание общепринятых в обществе моральных, культурных ценностей или иных фундаментальных понятий, а самое главное – правовых норм, регулирующих общественные отношения между членами общества и государством. При этом нарушение указанных норм может не сопровождаться проявлением насилия, но в то же время будет носить противоправный характер.

На основании указанного, по мнению автора, радикализация представляет собой культивирование крайних взглядов и убеждений, одобряющих социально порицаемые политические, религиозные и иные практики, находящиеся вне правового поля, в том числе носящие социально опасный, насильственный характер.

Рассматривая радикализацию в качестве социального феномена, следует отметить, что она представляет собой социальный, психологический процесс изменения (трансформации) взглядов и убеждений отдельного лица либо группы лиц, ведущих к отказу от доминирующих социальных, культурных, правовых ценностей и принятию крайних аксиологических установок, оправдывающих противоправные, в том числе насильственные методы в деятельности радикализованных лиц.

В политической сфере радикализация подразумевает трансформацию от участия в политическом процессе с использованием законных средств и методов до принятия на вооружение агрессивных деструктивных политических практик, находящихся вне правового поля.

Социальный феномен радикализации характеризуется крайней степенью общественной опасности, заключающейся в возможности использования субъектами террористических и иных методов насильственного экстремизма, негативно влияющих на стабильность функционирования политических и государственных институтов и социально-политическую ситуацию в обществе.

Радикализация, как любой социальный процесс, может иметь определенные уровни своего распространения в обществе, позволяющие их дифференцировать. В частности, в трудовых коллективах уровни радикализации в зависимости от степени распространенности могут включать: радикализацию отдельной личности, по каким-либо причинам принявшей крайние политические, социальные и иные взгляды; радикализацию отдельных групп, как правило, микрогрупп в трудовых коллективах, референтных группах общения и т. д.; радикализацию больших социальных групп, социальная стратификация которых обусловлена отсутствием (снижением) социальных дистанций между отдельными индивидами (трудовые коллективы, участники интернет-чатов, дворовые объединения и т. д.).

Некоторыми научными деятелями, в частности В. Т. Сакаевым, выделяются этапы радикализации, которые могут происходить в современном обществе. В качестве таковых им выделяются: зарождение и циркуляция радикальных идей в обществе; достижение критической массы лиц, разделяющих радикальные идеи в обществе;

переход к радикальным ненасильственным действиям для достижения целей экстремистского характера; переход к насильственным действиям для достижения целей экстремистского характера [2, с. 67].

Хронологическая последовательность указанных этапов не имеет четко определенных временных рамок, кроме того, они могут не реализовываться в указанной последовательности либо налагаться друг на друга, оказывая негативное воздействие на общество одновременно. Однако знание развития этапов радикализации, социальной сущности и содержания данного понятия способствует принятию заинтересованными государственными органами и организациями своевременных мер реагирования, направленных на купирование данных деструктивных социальных процессов на ранних этапах их развития, и выработке действенных социальных практик, направленных на дерадикализацию взглядов и убеждений членов общества, препятствование вовлечению в деятельность экстремистского характера.

Список цитированных источников

1. Фридинский, С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / С. Н. Фридинский ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2011. – 43 с.

2. Сакаев, В. Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе / В. Т. Сакаев // Антиномии. – 2021. – № 2, Т. 21. – С. 45–72.

Е. Т. Базаров,
доктор PhD,
Республика Казахстан

МОДЕЛИРОВАНИЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современном мире глобализационные процессы осуществляются в новых исторических условиях, сопряженных с глобальными вызовами, кризисными явлениями мировой экономики, конфликтами между ведущими странами мира. Отдельные негативные тенденции создают препятствия для реализации национальных интересов различных стран.

В этой связи возникает проблема целостного представления технологии моделирования угроз национальной безопасности. Для решения данной проблемы возникает потребность в построении самой модели угрозы национальной безопасности, которая включала бы набор ключевых параметров, характеризующих моделируемый объект в целом и его составные части. Данная модель послужит своеобразным шаблоном, использование которого позволит идентифицировать какое-либо конкретное явление или процесс как угрозу национальной безопасности, описать ее содержательную сторону.

За длительную историю своего существования сформировались различные подходы к описанию самого термина «угроза». Вместе с тем накопленных знаний недостаточно для разработки и эффективного применения единой и универсальной для всех сфер общественных отношений научно обоснованной модели угрозы национальной безопасности.

По мере развития различных теорий и совершенствования практической деятельности человеческих сообществ стало формироваться понятие «угроза» как элемент условий жизнедеятельности и научная категория. Наиболее существенный вклад в разработку понятия «угроза», применительно к различным отраслям науки, внесли представители таких теорий, как рискология [3], риск-менеджмент [4–6], теория национальной безопасности [7; 8], теория принятия решений [9], политология [10], социология [11], геополитика [12] и др.

С учетом этого за основу взята модель угрозы, ранее разработанная сотрудниками Академии КНБ РК [2], которая, как представляется автору, включает набор универсальных, наиболее значимых параметров, характеризующих моделируемый объект в

целом и его составные части. Понятие «угроза национальной безопасности» автором рассмотрено с позиции его законодательной трактовки.

В подпункте 7 статьи 1 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» раскрывается понятие «угроза национальной безопасности» как «совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующих или могущих препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан» [1].

В данной модели на базе общепринятых правил формирования понятийного аппарата определены структурные элементы понятия «угроза национальной безопасности», систематизированы подходы к классификации угроз, обеспечивающие объем данного понятия. По результатам проведенного исследования различных источников [3–12], в модели угрозы национальной безопасности выделены три элемента:

- 1) объект угрозы;
- 2) источник угрозы;
- 3) характер влияния источника на объект угрозы.

Затем посредством обобщения различных подходов к классификации угроз описаны свойства угрозы, обеспечивающие системность ее восприятия [2].

Рис. 1. Структура угрозы национальной безопасности

Анализ основных вопросов о смежных понятиях и терминах, касающихся «угроз национальной безопасности», показывает, что в научной литературе и нормативно-правовых документах можно встретить примеры использования терминов «риск» и «угроза» применительно как составляющих друг друга. При более тщательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что на уровне потенциальной угрозы используется такая научная категория, как риск. По вопросам теории рисков и прикладного анализа рисков существует обширная научная и учебно-методическая литература. На уровне реальной угрозы, когда речь идет о национальной безопасности, традиционно используется в основном термин «угрозы». Данное различие имеет принципиальное значение, поскольку уровень методологической разработанности этих двух научных категорий существенно различается. Теоретические исследования понятия «риск» с точки зрения рискологии, риск-менеджмента, политологии, социологии и геополитики рассматривают содержание понятия «риск» через следующие элементы:

источник риска – элемент, который сам по себе или в комбинации с другими имеет внутренний потенциал для возникновения риска;
 событие – появление или изменение определенных обстоятельств и их причины;

последствие – исход события;

вероятность – возможность того, что что-то произойдет.

У различных авторов теории национальной безопасности и геополитики в содержании угроз национальной безопасности выделяются такие элементы, как:

причины, ведущие к возникновению угрозы;

источники и носители угрозы;

объекты посягательства;

способы нанесения вреда;

результат реализации угрозы [7, с. 59–60].

В целом, обобщение результатов названных различных источников позволяет представить модель угрозы национальной безопасности (рис. 2).

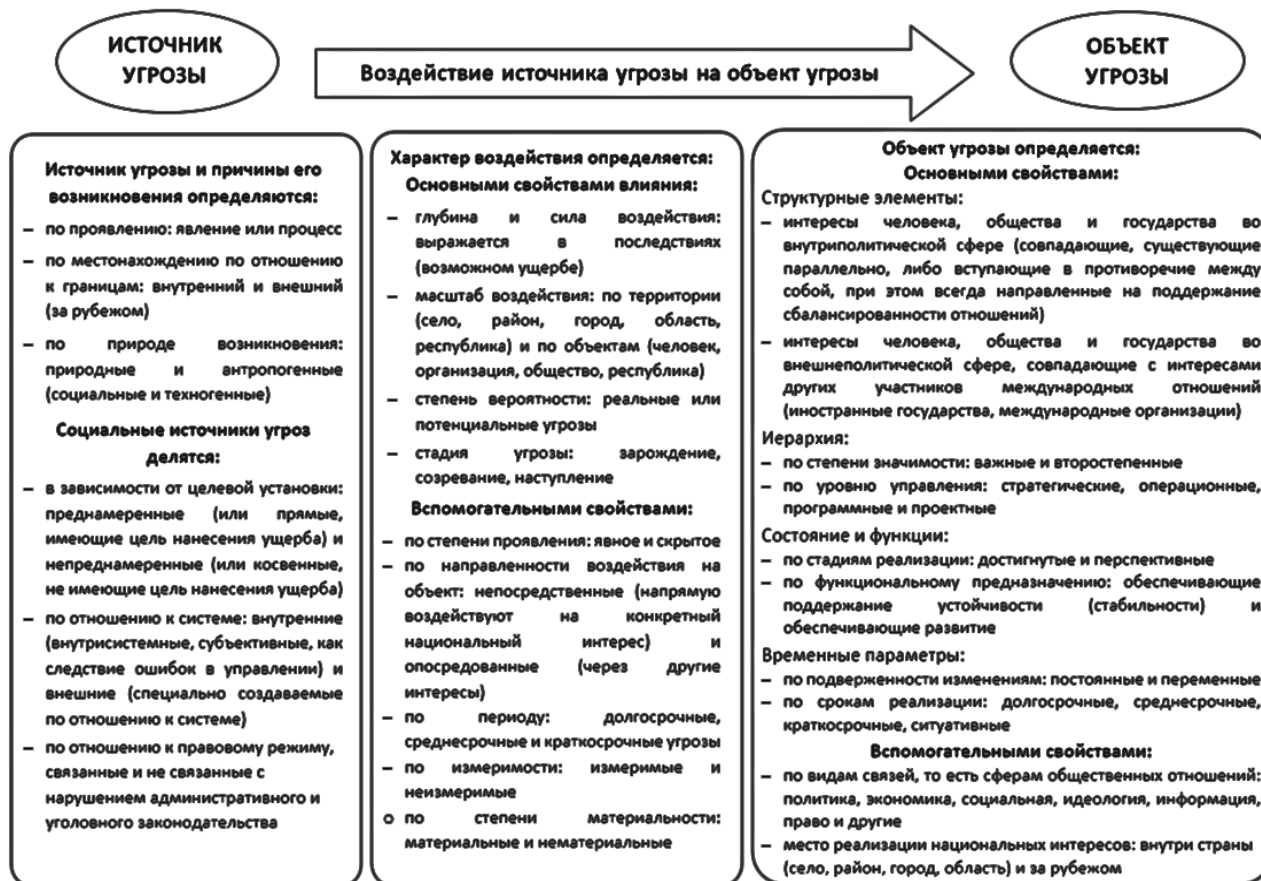

Рис. 2. Структура угрозы национальной безопасности (расширенная)

Для восполнения возможных пробелов, связанных с описанием каждой угрозы по отдельности в рамках, предлагаются технология *Check list* (контрольный лист), указания их взаимосвязи и влияния друг на друга. Целесообразно использование других методов, уточняющих

мультипликативность характера, причинно-следственные связи различных видов угроз. В качестве таких методов нами предлагается применение метода постановки вопросов «5 зачем? (или 5 почему?)» [13] и метода «5W2H» («метод 7 вопросов»), позволяющего ответить на различные вариации 5 вопросов, начинающихся с буквы «W» и 2 вопросов, начинающихся с буквы «H» в английском языке: *What?* – что? *When?* – когда? *Why?* – почему? *Who?* – кто? *Where?* – где? *How?* – как? *How much?* – как много? [13].

Например, Агентством по исследованиям в сфере здравоохранения и качества министерства здравоохранения и социальных служб США метод «5W2H» используется для описания проблем путем постановки вопросов. Что это за проблема? Почему это проблема? Где мы столкнулись с этой проблемой (время, место, иные условия)? Кто (что) мог быть источником этой проблемы? Когда мы впервые узнали о проблеме? Как мы узнали, что это проблема? Как часто проявляется данная проблема? [13].

Полагаем, что по аналогии с понятием «проблема», постановку указанных вопросов можно также осуществлять к угрозе, которая, по сути, отражает несоответствие желаемого и действительного с обозначением возможного ущерба и вероятности его нанесения (табл.). При этом перечисленные в таблице вопросы могут быть не исчерпывающими, а дополняться, корректироваться и уточняться.

Таблица

**Уточнение характеристик угрозы методом «5W2H»
(«метод 7 вопросов»)**

5W/2H	Вопросы	Ответы
5W	Что (какая) это за угроза?	Описание сути (факта) угрозы. Связь угрозы с другими событиями.
	Почему это угроза?	Это угроза по причине того, что... (описание влияния на национальные интересы, наносимый ущерб).
	Где мы столкнулись с этой угрозой?	Время, место, иные условия...
	Кто или что мог быть источником этой угрозы?	Угроза исходит от...
	Когда мы впервые узнали об угрозе?	Сведения об угрозе получены...
2H	Как мы узнали, что это угроза?	Источник и канал получения информации об угрозе...
	Как часто проявляется данная угроза?	Тенденции, закономерности появления угрозы...

Метод «5 зачем? (или 5 почему?)», на наш взгляд, целесообразно использовать в интерпретации: «почему возникла это угроза?», «что послужило ее причиной?», «какие еще угрозы могут последовать за этой угрозой», «с какими еще угрозами она связана?» (табл. 1).

Постановка 5 указанных вопросов применительно к имеющимся фактам, а затем фактам, обнаруженным на их основе, и так далее позволяет определить систему взаимосвязей различных угроз с последующим составлением *Check list* (контрольного листа) на каждую из угроз по отдельности либо их совмещения в рамках одного контрольного листа.

Казахстан, находясь в русле мировых трендов, в 2017 году осуществил внедрение риск-менеджмента в Систему государственного планирования [14].

Согласно пункту 11 данного документа, на этапе разработки проекты документов Системы государственного планирования рассматриваются на предмет выявления возможных внешних и внутренних рисков и обстоятельств, которые могут помешать достижению целей и задач документа, а также определению мер, которые должны быть предприняты для предупреждения их возникновения, в случае возникновения – для их преодоления либо корректировки документа [14].

Согласно пункту 16 в Системе государственного планирования осуществляется мониторинг документов, который обеспечивает осуществление оперативного анализа поступающей информации в целях оценки хода реализации документа, выявление рисков его неэффективной реализации и определение возможностей для оптимизации управленческих решений [14].

В дополнение пункт 56 Системы государственного планирования предусматривает в качестве реализации Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан уполномоченным органом по государственному планированию разработку Плана действий по управлению рисками национальной безопасности Республики Казахстан.

В целом в рамках названных положений Системы государственного планирования следует отметить, что риск, в зависимости от характера последствий, может представлять собой как возможность, так и угрозу. Негативные последствия напрямую связываются с нанесением ущерба и охватываются понятием «угроза», а положительные – с возможностями и перспективами. При этом на одном уровне документов Системы государственного планирования риск может представлять угрозу, а на другом – трансформироваться в возможность, и наоборот. При этом, с точки зрения обеспечения национальной безопасности, интерес представляет именно категория «угроза».

По этой причине представляется целесообразным расширить аналитический инструментарий, применяемый для оценки состояния защищенности национальных интересов при разработке и реализации документов Системы государственного планирования.

По нашему мнению, данный инструментарий должен объединять технологию «дорожной карты» (*Roadmap*), технологию «когнитивного моделирования» и метод «сценарiotехники», которые также нашли широкое применение в государственном управлении [15–17].

В виде инфографики соответствующая «дорожная карта» представлена на рис. 3.

Рис. 3. «Дорожная карта»

Построение «дорожной карты» осуществлялось в соответствии с требованиями к подготовке документов Системы государственного планирования. В частности, предусмотрено их структурирование согласно уровням, расположенным в определенной иерархии, где документы нижестоящего уровня вытекают из документов, стоящих на уровне выше.

Далее следует отражение взаимосвязи данных документов с видами национальной безопасности и факторами, характеризующими угрозы.

Непосредственно в «дорожной карте» используются следующие структурные, графические элементы и акронимы:

1. Национальные интересы.
2. Стратегия развития Казахстана до 2050 года.
3. Общеприоритетные приоритеты.
4. Национальный план развития Республики Казахстан.
5. Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан.
6. План территориального развития страны.
7. Концепция развития отрасли/сферы.
8. Национальные проекты.
9. Планы развития государственных органов, планы развития области, города республиканского значения, столицы.
10. Планы развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний.
11. Виды национальной безопасности (общественная безопасность, военная безопасность и др.).
12. Факторы, влияющие на состояние защищенности национальных интересов по методу *PESTLEIRMC*.

Необходимо отметить, что в аналитических исследованиях широко применяется анализ *PESTLE* [18], который расширен нами до *PESTLEIRMC*, где буквы обозначают названия факторов:

<i>P</i> – политика;	<i>E</i> – экология;
<i>E</i> – экономика;	<i>I</i> – идеология;
<i>S</i> – социум;	<i>R</i> – религия;
<i>T</i> – технологии;	<i>M</i> – оборона;
<i>L</i> – законы;	<i>C</i> – культура.

В отличие от традиционного метода *PESTLE*, включение дополнительных факторов связано с необходимостью учета всех явлений и видов общественных отношений для их адекватной и всесторонней оценки.

Предложенные нами факторы «идеология», «религия», «оборона», «культура» отражают направления противодействия актуальным угрозам современности.

Идеологический и культурный факторы связаны с глобальным кризисом идентичности, информационными войнами, проблемами трансформации духовно-нравственных ценностей. Актуальность религиозного фактора обусловлена проявлениями религиозного экстремизма и терроризма в общемировом масштабе. Модернизированный военный фактор в новых исторических условиях начал проявляться с изменением характера ведения военных действий – появлением иррегулярных вооруженных формирований, методов ведения войны, а также с повышением степени их влияния на безопасность субъектов политических отношений.

Метод *PESTLEIRMC* наиболее подходит для описания и анализа ситуации, то есть позволяет более точно формализовать факторы, установить причинно-следственную и обратную связи. Этот аналитический инструмент ориентирован на общественные отношения, классифицируемые по сферам жизнедеятельности, которые в последующем отражаются в видах национальной безопасности (общественная безопасность, военная безопасность, политическая безопасность, экономическая безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность).

1. Угрозы национальной безопасности (описание каждой угрозы в отдельности на основе карты рисков и угроз национальной безопасности). Разработка указанной карты является предметом самостоятельного исследования.

2. Анализ текущей ситуации, который осуществляется на основе метода «сценарийной техники» и может быть дополнен технологией принятия решений, а также технологией прогнозов, дающими возможность представить вероятные альтернативные варианты развития ситуации.

Далее представлены графические элементы и акронимы, используемые в «дорожной карте» (рис. 4–7).

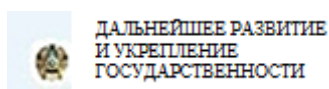

Рис. 4. Первостепенные цели Стратегии «Казахстан-2050»

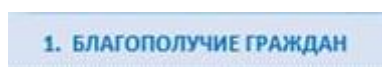

Рис. 5. Общегосударственные приоритеты

Рис. 6. Угрозы национальной безопасности

На рисунке 7 буква *E* (латинская) означает экономику, в соответствии с технологией *PESTLEIRMC*.

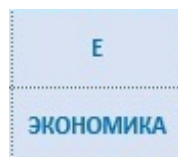

Рис. 7. Факторы, влияющие на состояние защищенности национальных интересов

К числу графических элементов относятся направленные стрелки ($\longrightarrow$), обозначающие логические, причинно-следственные связи, сценарии и пути достижения, взаимосвязывающие различные структурные компоненты «дорожной карты».

На «дорожной карте» снизу вверх показаны: угрозы, выявленные на основе анализа текущей ситуации, в той или иной степени влияющие на факторы *PESTLEIRMC*, а также влияние угроз на виды национальной безопасности, то есть на данной стадии становится возможным установить причинно-следственную связь между угрозами, факторами и видами национальной безопасности.

Обобщенно указанная связь отражается в виде отдельных «когнитивных карт», на основе которых имеется возможность построить различные сценарии развития ситуации (рис. 8).

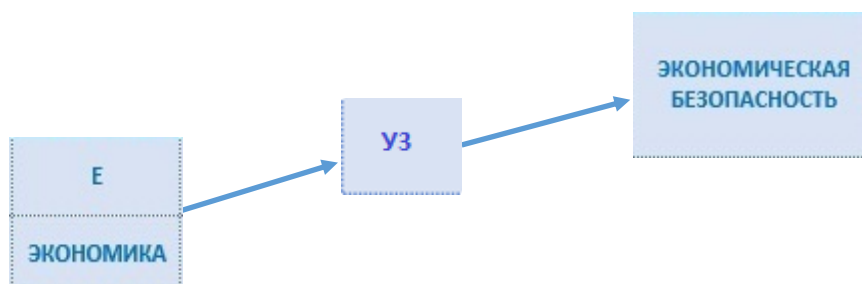

Рис. 8. Когнитивная карта

Стрелки на рисунке 3, которые находятся выше видов национальной безопасности, показывают влияние угроз на приоритеты и цели развития, отраженные в документах Системы государственного планирования [14].

В итоге, исходя из построенной «дорожной карты», посредством моделирования угроз, можно предложить следующий порядок оценки состояния защищенности национальных интересов Республики Казахстан.

1. Диагностика и анализ ситуации.
2. Выявление, анализ и оценка угроз.
3. Определение влияния угроз на факторы, которые в свою очередь влияют на состояние защищенности национальных интересов.
4. Определение влияния угроз на виды национальной безопасности, с учетом факторов, повлиявших на состояние защищенности национальных интересов.
5. Определение влияния угроз и факторов на реализацию стратегических документов Системы государственного планирования.
6. Определение влияния угроз на общенациональные приоритеты.
7. Выводы о количественных и качественных параметрах, отражающих состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан.

Список цитированных источников

1. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527 (дата обращения 19.09.2022).
2. Ергазиев Б.Б., Базаров Е.Т., Смаилова У.Е. Модель угрозы национальной безопасности // Вестн. КазНУ им. аль-Фараби. Юридическая серия. – 2019. – № 3 (91). – С. 11–22.
3. Рягин Ю. И. Рискология: учебник для вузов : в 2 ч. – М.: Юрайт, 2019; Екатеринбург: Изд -во Урал. ун-та. – Ч. 1. – 255 с.
4. Международный стандарт ISO 31000 «Менеджмент риска – руководство = Risk management – Guidelines» / Перевод АНО ДПО «ИСАР». – 2 -е изд. – 2018. – 29 с.
5. Risk Management Fundamentals // Homeland Security Management Doctrine, 2011. – 31 с. – URL: <https://www.dhs.gov/assets> (дата обращения 18.09.2022).
6. Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology. Henry H. Willis, Mary Tighe, Andrew Lauand, Liisa Ecola, Shoshana R. Shelton, Meagan L. Smith, John G. Rivers, Kristin J. Leuschner, Terry Marsh, Daniel M. Gerstein. – Published by the RAND Corporation. – Santa Monica, Calif., 2018. – 81 с.

7. Опалев А.В., Пирумов В.С. Национальная безопасность. – М.: Оружие и технологии, 2010. – 232 с.
8. Общая теория национальной безопасности: учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – Изд. 2. – М.: РАГС, 2005. – 344 с.
9. Силкина Г.Ю. Теория принятия решений и управление рисками. Модели конфликтов, неопределенности, риска: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. – 72 с.
10. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
11. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2016. – 302 с.
12. Геополитика современного мира: учебник для бакалавров / И.А. Василенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 420 с.
13. Method «5w2h». – URL: <https://healthhit.ahrq.gov/halth-it-tools-and-resources/evaluation-resources/workwof-assessment-health-it-toolkit/all-work-flow-tools/5w2h> (дата обращения 21.09.2022).
14. Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан: постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 ноября 2017 г. № 790 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL:<http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790> (дата обращения 25.09.2022).
15. Кулинич А.А. Система когнитивного моделирования «Канва» [Электронный ресурс] // Программные продукты и системы. – № 3. – URL: <http://www.raai.org/about/persons/kulinich/pages/kanva2003.html> (дата обращения 19.09.2022).
16. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
17. Глушко Е.К. Дорожные карты в государственном управлении // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 11 (119). – С. 53–59.
18. Kolios A., Read G. A Political, Economic, Social, Technology, Legal and Environmental (PESTLE) // Approach for Risk Identification of the Tidal Industry in the United Kingdom, 2013. – URL: www.mdpi.com/journal/energies (дата обращения 22.09.2022).

А. Л. Баньковский,
кандидат юридических наук,
Республика Беларусь

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Анализ различных источников и специальной литературы показывает, что в условиях аномального роста неопределенности («новой нормальности», «черных лебедей» и т. п.) потребность в профессиональной системной оценке происходящих процессов в интересах национальной безопасности значительно возрастает. Одним из важнейших направлений повышения качества выработки, обоснования и подготовки выверенных альтернатив для принятия наиболее оптимальных управленческих решений выступает совершенствование информационно-аналитической деятельности (далее – ИАД).

Промежуточные результаты проводимого автором комплексного исследования применительно к теории и практике обеспечения национальной безопасности позволили выявить ряд ключевых проблем, затрудняющих дальнейшее поступательное развитие ИАД [1], среди которых одной из основных остается наличие методологической неопределенности в отношении ее структуры, сущности и содержания, места и роли в системе обеспечения национальной безопасности, соответствующих отраслях гуманитарных наук, определения статуса ИАД и т. п.

С учетом недостатка доступных для анализа серьезных разработок в указанной сфере следует отметить вклад в решение данной проблемы коллектива авторов Академии КНБ Республики Казахстан, которые провели заслуживающее высокой оценки комплексное научно-прикладное исследование, посвященное методологическим основам обеспечения национальной безопасности [2]. В частности, можно согласиться с авторским выводом о том, что национальная безопасность по своей природе целостное явление, требующее поиска единой точки опоры в подходах к познанию и преобразованию общественных отношений [2, с. 4].

Указанные и иные обстоятельства обуславливают необходимость разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию ИАД в системе обеспечения национальной безопасности.

Представляется, что разрешению указанных и других проблемных аспектов, с которыми в той или иной степени сталкиваются в повседневной деятельности сотрудники ИАП, во многом может способствовать разработка стройной научно обоснованной теоретико-прикладной модели современной ИАД применительно к целям и задачам субъектов системы обеспечения национальной безопасности. Для ее структурно-функционального и содержательного наполнения предлагается следующее определение информационно-аналитической деятельности в системе обеспечения национальной безопасности – это сложный феномен, охватывающий самостоятельный вид мыслительной и организационно-управленческой деятельности индивида по сбору, систематизации, анализу, оценке рисков, вызовов и угроз, поиску и хранению информации, информационно-технологическому обеспечению указанных процессов, прежде всего направленной: на удовлетворение информационно-аналитических потребностей лиц, принимающих решение (далее – ЛПР), как для решения внутренних, так и внешних задач обеспечения национальной безопасности; получение качественно новых знаний в отношении заданной проблемной области в рамках оценки состояния национальной безопасности; прогнозирование и моделирование основных тенденций развития обстановки; выработку предложений и рекомендаций ЛПР с целью адаптивного управления и нейтрализации рисков, вызовов и угроз.

Основным отличием приведенного подхода к пониманию современной ИАД является ее постулирование в отличие от некоторых ученых как самостоятельного вида специфической деятельности, предполагающего наличие трех ключевых взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов (либо их отдельных элементов) – аналитической, информационной и информационно-технологической, комплексное применение которых способно дать новый позитивный синергетический эффект. При этом перспективным является рассмотрение ИАД в качестве сложной саморазвивающейся многоуровневой системы, имеющей соответствующие подсистемы, встроенные в различные иерархичные, сетевые управленческие и иные процессы. В зависимости от стоящих задач данная система одновременно может находиться в разных нелинейных функционально-логических и пространственно-временных ипостасях.

Основными потребителями результатов ИАР (продукции ИАП), используя принцип масштабирования в зависимости от особенностей анализируемой управленческой системы, являются:

на стратегическом уровне: высшее руководство страны, правительство, парламент (министерство, концерн, холдинг и т. п.);

оперативном уровне: руководители местных органов власти, субъектов хозяйствования и т. д.;

тактическом уровне: подразделения государственного органа всех уровней, сотрудники.

В целом ИАД условно можно разделить на три уровня:

первый уровень ИАД (уровень работника) с преобладанием информационной составляющей – информационное сопровождение (обеспечение) управленческого процесса;

второй уровень ИАД (уровень руководителя) с преобладанием аналитическо-управленческой составляющей – информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности;

третий уровень (уровень аналитика ИАП) с преобладанием информационно-аналитической составляющей – подготовка выводной и прогнозной информационно-аналитической продукции, как правило, стратегического характера.

Таким образом, ЛПР находится в двойной ипостаси: с одной стороны, он является заказчиком для ИАП конкретной информационно-аналитической продукции; с другой – ее основным потребителем, используя ее для принятия управленческого решения.

Необходимо особо отметить, что в качестве важнейшего условия организации эффективной ИАД является обязательное встраивание ИАП в систему (подсистему) прохождения информации, управляющих сигналов (воздействий), их оценки, верификации, «обратной связи». В противном случае такая деятельность будет находиться в информационно-технологическом и ценностном разрыве с иными профильными подразделениями субъекта системы обеспечения национальной безопасности, а информационно-аналитическая продукция не будет способна удовлетворить информационно-аналитические потребности ЛПР при выработке и принятии им соответствующего управленческого решения.

Предлагаемая многомерная модельная конструкция ИАД позволяет успешно адаптироваться в условиях повышенной сложности и неопределенности обстановки для достижения базовой целевой установки – максимально корректного и качественного удовлетворения информационно-аналитических потребностей ЛПР.

Кроме того, важным является и указание на использование в качестве прикладного инструментария ИАД оценки состояния национальной безопасности, имеющей ряд существенных отличий от общей теории и практики управленческой деятельности, а также направленность на получение качественно новых знаний, формирование так называемой «добавленной аналитической стоимости», а не

на простую систематизацию и линейную интерпретацию уже имеющихся данных и знаний (что наиболее характерно для деятельности ряда частных «фабрик мысли»).

Одновременно большое значение для раскрытия сущностного содержания ИАД имеет поиск и определение ее общеметодологического фундамента, в качестве которого представляется целесообразным использовать помимо имеющихся гносеологических подходов разработанный нашим соотечественником, основателем т. н. минской методологической школы, директором Института философии РАН академиком В. С. Степиным, постнеклассический универсальный эволюционизм [3, с. 641–646], предложенный им в качестве основы современной научной картины мира. В данном контексте чрезвычайно важной видится оценка международного значения философских открытий В. С. Степина со стороны почетного президента Международной академии философии профессора Х. Ленка.

По его мнению, в результате развития, изменения и дополнения идей Т. Куна [4] В. С. Степин пришел к концепции «парадигматических трансплантаций» – новому виду научных революций, лишенных соответствующих куновских кризисов нормальной науки, когда даже благодаря простому взаимодействию различных наук при определенных обстоятельствах возникают научные переломы в одной, двух или большем числе соответствующих дисциплин [5, с. 8–9].

В связи с этим полагаем целесообразным исходить из общего вывода В. С. Степина о том [3, с. 642–646], что универсальный эволюционизм предполагает соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении он не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но и преодолевает ограниченность феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа, что наиболее важно для решения прикладных полифункциональных задач ИАД.

Предложенная авторская дефиниция ИАД включает не только оценку текущего состояния национальной безопасности, прогнозирование и моделирование основных тенденций ее развития, но и предусматривает необходимость выработки предложений и рекомендаций ЛПР с целью адаптивного управления и нейтрализации существующих рисков, вызовов и угроз. Данное обстоятельство существенно повышает ответственность сотрудников и руководства ИАП за качество их конечной продукции, а также позволяет завершить («замкнуть») соответствующий информационно-аналитический цикл для перехода на следующий новый уровень непрерывного

процесса оценки обстановки. При этом необходимо учитывать, что при таком понимании ИАД аналитик (сотрудник ИАП) в определенной степени приближается по своим функциональным обязанностям к ЛПР, встраивается в соответствующий управленческий цикл, максимально сужая таким образом в результате своей профессиональной информационно-аналитической деятельности область неизвестного и предлагая наиболее рациональные альтернативы для принятия ЛПР более выверенных управленческих решений.

Применительно к раскрытию сложного и до сих пор до конца не изученного вопроса о специфике мыслительной деятельности аналитика, которую часто определяют по характерным проявлениям через так называемый «черный ящик», возможно учитывать предложенную профессором теоретической физики Городского университета Нью-Йорка, доктором философии Калифорнийского университета Беркли М. Каку пространственно-временную теорию сознания [6, с. 86–87, 92]. Согласно данному подходу сознание определяется как процесс создания модели мира с использованием множественных обратных связей по различным параметрам (например, по положению в пространстве, времени, отношениям с сородичами) ради достижения поставленной цели. Человеческое сознание, по мнению М. Каку, – это специфическая форма сознания, предусматривающая посредничество между обратными связями при помощи оценки прошлого и моделирования будущего.

Экстраполируя пространственно-временную теорию сознания на проблемное поле ИАД, рациональной видится предложенная ее автором возможность формирования заданной (искомой) картины мира на основе системного анализа всей совокупности уже имеющихся знаний с учетом бесконечного количества так называемых рефлексивных связей, особенно характерных для процесса активного аналитического исследования неявных и, как правило, латентных проблем национальной безопасности.

В рамках решения задачи совершенствования правового регулирования ИАД перспективным видится использование зарубежного опыта правового закрепления статуса данного специфического вида деятельности в нормативных правовых актах о целях, задачах и организационно-правовом механизме функционирования ключевых субъектов системы обеспечения национальной безопасности. Помимо традиционных специальных служб, уже имеющих подобные задачи в соответствующих законах, например, «Об органах государственной безопасности», указанные полномочия целесообразно нормативно расширить с целью ликвидации имеющегося правового пробела

(в ряде случаев неявного) как на ведомственном, так и на межведомственном уровнях. В частности, имеет место практика формирования профильных информационно-аналитических подразделений, определение им функциональных задач, но без соответствующего нормативного регулирования, что при отсутствии базового целеполагания затрудняет их дальнейшее поступательное развитие.

Одновременно целесообразно продолжить системную работу по совершенствованию подготовки и переподготовки профессиональных аналитиков для потребностей субъектов системы обеспечения национальной безопасности на основе образовательных стандартов, определяющих квалификационные требования к подобного рода специалистам [7].

Список использованных источников

1. Баньковский, А. Л. О направлениях совершенствования информационно-аналитической деятельности в системе обеспечения национальной безопасности / А. Л. Баньковский // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 дек. 2019 г. : в 5 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 44–48.

2. Методологические основы обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан: системный подход : монография / под общ. ред. В. В. Мамонова. – Алматы : Акад. КНБ Респ. Казахстан, 2020. – 128 с.

3. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2000. – С. 641–646.

4. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.

5. Ленк, Х. Международное значение философских идей В. С. Степина / Ханс Ленк // Академик В. С. Степин: тайна долгого пути / сост. А. Н. Данилов ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2019. – С. 8–19.

6. Каку, М. Будущее разума / Митио Каку ; пер. с англ. – 4-е изд. – М., 2020. – 646 с.

7. Баньковский, А. Л. О совершенствовании переподготовки аналитиков в интересах обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / А. Л. Баньковский // Информационная революция и вызовы новой эпохи – стимулы формирования современных подходов к информационной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 ноября 2018 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: С. Н. Князев [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 55–61.

*О. А. Болтянов,
Республика Беларусь*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

События, происходившие в Республике Беларусь в период 2020–2022 годов (электоральная кампания, несанкционированные митинги и марши, гибель сотрудника КГБ, уничтожение имущества сотрудников правоохранительных органов, иные преступные акции), сопровождались активной деструктивной информационной подпиткой в Интернете (в группах и чатах различных социальных сетей и мессенджеров), в особенности, в оппозиционных общественно-политических информационных ресурсах.

Неотъемлемой составляющей современного, в том числе политического, дискурса стала открытая «речевая агрессия», что отмечалось российскими и белорусскими учеными еще с 2000-х годов [1, с. 131; 2, с. 238; 3, с. 86]. К сожалению, с того времени эта тенденция многократно усилилась.

Протестная риторика, продолжающаяся с 2020 года, усиленная осложнением международной обстановки сегодня, фактически свидетельствует о ведении против Республики Беларусь информационно-психологической войны.

Не вызывает сомнений тот факт, что процессы, происходящие в информационной сфере государства, оказывают существенное влияние на экономическую, политическую и социальную обстановку в стране [4]. Информационная среда используется в качестве нового вида оружия психологического (ментального) воздействия, целью которого является сознание как отдельных людей, так и целых социальных групп [5]. Следовательно, правоохранительные органы, в компетенцию которых входит защита информационного пространства, обязаны адекватно реагировать и нейтрализовывать источники внутренних и внешних угроз, возникающие в информационной сфере.

Источником внутренних угроз, оказывающим деструктивное воздействие на индивидуальное и групповое сознание и создающим условия для обострения социальных противоречий, в настоящее время является «вербальный экстремизм», его инструмент – «речевая

агрессия» [6, с. 51]. Одна из форм его проявления представляет собой текстовую деятельность, продуктом которой являются тексты (сообщения, высказывания и т. п.), размещаемые в открытом публичном (массовом) информационном пространстве (СМИ, Интернет, агитационные материалы и т. д.). «Речевая агрессия», «язык вражды» являются составными элементами текущего политического дискурса, который можно с полной уверенностью называть «враждебным дискурсом» [6, с. 58].

В современном правовом поле Республики Беларусь вербальное выражение враждебности (вражды) в отношении различных социальных групп и их представителей рассматривается как экстремизм и влечет уголовную ответственность (ст. 130 УК Республики Беларусь) [7]. Законом Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (далее – Закон) предусмотрено 18 типов экстремистских действий, 7 из которых можно отнести к «вербальному экстремизму» [8].

Отдельным блоком в антиэкстремистском законодательстве стоит проблема противодействия реабилитации нацизма и пропаганде нацистской символики или атрибутики, что выделено в уголовное преступление и административное правонарушение (ст. 130-1 УК Республики Беларусь, 19.10 КоАП Республики Беларусь) [7; 9; 10].

Все названные действия так или иначе реализуются в информационной сфере (СМИ, Интернет (социальные сети, телеграм-каналы, различные группы и паблики)).

В связи с этим одним из инструментов борьбы с «вербальным экстремизмом» является психологическая экспертиза информационных материалов (далее – ПЭ ИМ), выявляющая в текстах соответствующие психологические признаки, указывающие на совершение преступления.

Определенные законодателем юридические понятия, описывающие состав преступления, чаще всего напрямую не совпадают с психологическими, что затрудняет вынесение заключения о наличии в текстах тех или иных его признаков. Поэтому важнейшим вопросом организации проведения ПЭ ИМ является разработка системы экспертных психологических понятий, обладающих соответствующей юридической релевантностью.

Отдельным вопросом психологической экспертизы информационных материалов в контексте информационно-психологического противоборства можно отметить возможность выявления скрытых манипуляций, стратегий уходов от правовых рисков («манифестация субъективности», «затемнение референта», «разорванность предикации», «деавторизация» и т. п.), а также раскрытия их психологического содержания на уровне интенций [11, с. 179–191].

Таким образом, сегодня психологическая экспертиза информационных материалов способна эффективнее выявить лиц, активно участвующих в подрывной деятельности, а также повысить качество деятельности подразделений правоохранительных органов в информационно-психологическом противоборстве, расширить их возможности, в том числе в целях реализации профилактических мероприятий.

Список цитированных источников

1. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

2. Грачев, В. В. Возможности подготовки специалистов по информационно-психологической экспертизе материалов СМИ для решения задач обеспечения информационно-психологической безопасности / В. В. Грачев // Подготовка кадров для субъектов системы обеспечения национальной безопасности: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 дек. 2016 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: А. Л. Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Т. 1. – С. 238–241.

3. Кирдун, А. А. Словообразовательные окказионализмы с негативной оценочной экспрессией в политическом дискурсе Республики Беларусь / А. А. Кирдун, А. В. Андреева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 86–95.

4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35

6. Василенко, Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты : монография / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : с изм. и доп. : текст по сост. на 17 окт. 2022 г. // ЭТАЛОН. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.05.2021 № 104-3 // ЭТАЛОН. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : с изм. и доп. : текст по сост. на 17 окт. 2022 г. // ЭТАЛОН. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. О недопущении реабилитации нацизма и фашизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-3 // ЭТАЛОН. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе: книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR / М. А. Осадчий. – 3-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2022. – 256 с.

А. В. Бородавкин,
магистр технических наук,
Республика Беларусь

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СТРАТЕГИИ США И НАТО

В настоящее время мировая экономика активно трансформируется и характеризуется повышением неустойчивости. В глобальном масштабе происходят передел рынков, перераспределение финансовых потоков и производительных сил, обострение конкуренции. Напряженность между странами-поставщиками, транзитерами и потребителями ресурсов принимает формы открытых военных конфликтов. Арест банковских вкладов, движимого и недвижимого имущества, а также частичные ограничения, манипуляции с процентными ставками либо полный запрет на инвестиции активно используются странами коллективного Запада в качестве «мягкой силы» по отношению к своим соперникам на международном рынке.

С учетом складывающейся ситуации, позиция стран, являющихся источником (донором) инвестиций, а также вопросы привлечения и использования иностранных инвестиций в национальных экономиках государств-получателей (реципиентов) требуют более внимательного изучения.

Так, американский экономист Джон Перкинс (*John Perkins*) в своей книге «Исповедь экономического убийцы» (*Confessions of an economic hit man*) [1] описывает последовательность взаимодействия государственных органов США с некоммерческими организациями и спецслужбами по решению отдельных, весьма специфических, но согласованных между собой задач.

В частности, речь идет о предварительном стимулировании правительств суверенных государств к проведению навязываемого США комплекса социально-экономических реформ. В последующем у высшего политического и экономического руководства стран, являющихся объектом заинтересованности американского правительства и транснациональных корпораций, формируется уверенность, что решение значимых национальных проектов возможно исключительно

через иностранные инвестиции. Осуществление выделения стране-получателю инвестиционных средств, как правило чрезмерных и нерентабельных, расходуемых на приобретение в первую очередь американских товаров и услуг.

Доктор экономических наук М. В. Мясникович, будучи Председателем Президиума Национальной академии наук Беларуси, обращал внимание на некоторые риски, содержащиеся в Киотском протоколе. В частности, он отмечал, что «...Киотский протокол – это соглашение не только о торговле выбросами или о совместных инвестициях». «...Нельзя не видеть, что система учета и составления энергетических балансов может быстро оказаться инструментом экономической и военной разведки других государств, поскольку данные по энергетике наиболее полно характеризуют промышленный потенциал любой страны» [2, с. 166].

С учетом изложенного, позиция США, как основного партнера в Североатлантическом альянсе по использованию иностранных инвестиций в качестве «мягкой силы», закреплённая в Концепции НАТО (*NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT*) [3], вызывает особый интерес.

Во-первых, НАТО рассматривает инвестиции как инструмент повышения согласованности действий при предотвращении кризисов и управления ими. С этой целью альянс планирует инвестировать в проведение регулярных учений и многонациональных антикризисных, стабилизационных и контртеррористических операций, в том числе на стратегическом расстоянии [3].

Во-вторых, альянс выражает озабоченность инвестициями стратегических конкурентов и потенциальных противников (Иран, Китай, Северная Корея, Сирия, Российская Федерация) в технологии, способные ограничить доступ и свободу действий НАТО в космосе. Особую обеспокоенность вызывает попытки Китайской народной республики использовать экономические рычаги для усиления своего влияния в ключевых технологических и промышленных секторах, критической инфраструктуре, стратегических материалах и цепочках поставок [3].

В-третьих, НАТО рассматривает инвестиции в свою деятельность, как лучший способ обеспечить прочную связь между европейскими и североамериканскими союзниками. Собранные финансовые средства планируется аккумулировать в специальном инвестиционном фонде (*Defence Investment Pledge*) с последующим инвестированием в новые и прорывные технологии, в том числе по контролю за изменением климата, защите от химических, биологических, радиологических и ядерных угроз. Следует отметить, что в

дополнение к классическим сферам взаимодействия союзников (суша, море, воздух) активно планируется инвестировать в цифровую трансформацию, кибербезопасность, сети и инфраструктуру в космосе [3, 4, с. 4–15].

Таким образом, странам-получателям (реципиентам) иностранных инвестиций следует рассматривать указанный ресурс не только как благо для национальных экономик, но и как возможное средство получения странами, выступающими источником (донором) инвестиций, разведывательной информации, а также как наличие предпосылки по установлению контроля над экономикой, а иногда и политикой государств реципиентов.

Список цитированных источников

1. Перкинс, Джон. Исповедь экономического убийцы / Джон Перкинс ; предисл. и ред. рус. изд. д.э.н., проф. Л. Л. Фитуни. – М. : Pretext, 2005. – 319 с.

2. Мясникович, М. В. Национальная безопасность Республики Беларусь: приоритетные направления социально-экономического устойчивого инновационного развития : сб. науч. тр. / М. В. Мясникович. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 300 с.

3. NATO 2022: Strategic Concept [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nato.int/strategic-concept/#StrategicConcept. – Дата доступа: 22.09.2022.

4. Белобров, Ю. НАТО нацелилась превратить космос в собственную вотчину / Ю. Белобров // Международная жизнь. – 2022. – № 4. – С. 4–15.

*С. Н. Василькович,
Республика Беларусь*

ГАЗЛАЙТИНГ КАК МЕТОД МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Проблема защиты общественного и индивидуального сознания от манипулятивного воздействия остро стоит перед специалистами различных сфер деятельности. Тем более, что способы и технологии психологического манипулирования многообразны и постоянно совершенствуются. В последнее время в среде психологов вызывает интерес такой метод психологического воздействия, как «газлайтинг».

Психологические словари не содержат определения данного термина.

Свободная энциклопедия «Википедия» дает следующее определение этому явлению: «Форма психологического насилия и социального паразитизма, главная задача которого – заставить человека мучиться и сомневаться в адекватности своего восприятия окружающей действительности через постоянные обесценивающие шутки, обвинения и запугивания. Психологические манипуляции, призванные выставить индивида „дефективным“, ненормальным» [5].

Этимология понятия «газлайтинг» восходит к названию пьесы «Газовый свет» («*Gaslight*») 1938 года и ее экранизациям «Газовый свет» 1940 и 1944 годов, где смоделирована форма психологической манипуляции, применяемая главным героем по отношению к своей жертве. По сюжету муж молодой женщины переставляет в доме мелкие предметы обстановки и прячет вещи, чтобы создать у жены впечатление, будто она теряет память и рассудок. Название фильма указывает на свет газовых ламп, использовавшихся в домах в викторианскую эпоху. Главная героиня замечает, что вечерами свет в доме слегка меркнет, в то время как ее муж настойчиво повторяет, что ей это только кажется, при этом освещение действительно меняется из-за того, что муж включает газовый свет в другой части дома, где ищет спрятанные драгоценности [5].

Понятие «газлайтинг» было введено в научный оборот психотерапевтом, доктором философии Робин Стерн (*Robin Stern*) [4]. В 2007 году ею была написана книга «*The Gaslight Effect*», в которой автор дала название психологическому феномену, выделив его как особый вид эмоционального манипулирования, главная цель которого – посеять в жертве сомнение в объективном восприятии ею действительности.

В научной литературе по психологической тематике термин «газлайтинг» встречается нечасто и раскрыт недостаточно полно. Феномену газлайтинга в своих работах уделяли внимание российские ученые Е. Е. Михайлова [2], Е. С. Игнатова [1], Е. Д. Разводова [1], И. Е. Пузанкова [3], О. М. Дическул [3].

Анализ их работ позволяет определить сущность этого явления как одну из форм манипуляционных технологий, эмоциональное и психологическое насилие в межличностных отношениях, основанное на использовании лжи и направленное на изменение восприятия реальности у жертвы. Как отмечают ученые, манипулятором часто отрицаются события, чувства и эмоции жертвы. Для подобной ситуации характерны фразы: «не придумывай» или «этого не было». Противоречивые заявления развивают чувство неполноценности, человек, обвиняемый в странных фантазиях, словно сходит с ума.

Тема газлайтинга чаще всего представлена в источниках ненаучного характера или в формате научно-популярной литературы [4; 6–8].

Характеризуя структуру данного явления, большинство исследователей отмечают, что в газлайтинге задействованы как минимум два лица: газлайтер – манипулятор, стремящийся посеять смятение и сомнение в другом человеке, и потерпевший (жертва).

Как отмечает Р. Стерн [4, с. 38], человек, которого «газлайтят», обычно преодолевает три стадии. Они не всегда последовательны и могут перекрываться друг другом.

1. *Отрицание*. На этом этапе проявляются первые признаки газлайтинга. Жертва замечает необычные изменения в поведении газлайтера, но не придает этому большого значения. Например, газлайтер может отрицать ранее совершенные им поступки. Жертва удивлена этому, но по-прежнему уверена в своей точке зрения.

2. *Защита*. Человек начинает сомневаться в себе и своем восприятии действительности. Он все чаще подвергается критике со стороны манипулятора, но продолжает защищаться: спорит с газлайтером, ищет доказательства, которые помогут убедить его в правоте слов жертвы.

3. *Депрессия*. На этом этапе у жертвы не остается сил для борьбы и споров – она теряет свое «Я». Человек начинает верить словам манипулятора и соглашается со всеми обвинениями в свой адрес. На этой стадии у жертвы может развиваться клиническая депрессия и тревожные расстройства.

Если говорить о цели газлайтинга, то, как отмечают психологи, газлайтинг всегда связан с желанием власти и контроля, потребностью взять верх и избежать ответственности. Причиной оказываемого

давления может быть неспособность справляться с эмоциями или низкая самооценка, которая некомфортна газлайтеру, и он стремится самоутвердиться за счет другого человека [7]. Для достижения этой цели инициатор газлайтинга использует следующие приемы:

- заставляет свою жертву усомниться в своей памяти;
- вынуждает задуматься о своей эмоциональной стабильности и адекватности;
- преподносит жертву как глупого, умственно немощного человека;
- подчеркивает мнимую возрастную, гендерную и физиологическую некомпетентность;
- обесценивает достижения.

Анализ источников показал, что газлайтинг присутствует в любом виде межличностных отношений (в личных, рабочих, дружеских, детско-родительских) [5; 7; 8]. Некоторые исследователи [6] выделяют такие специфические формы газлайтинга, как:

- врачебный – когда врач игнорирует жалобы пациента, ошибочно полагая, что его симптомы – результат психосоматического расстройства;
- расовый – когда приемы газлайтинга применяются по отношению к человеку из-за его расы или этнической принадлежности;
- политический – когда политики ссылаются на психическую нестабильность оппонентов, искажают факты или скрывают информацию.

Ярким примером разрушительного влияния газлайтинга на человека является техника *Zersetzung* (в переводе с немецкого – «разложение», «разрушение», «деморализация»). В 70–80-е годы этот метод активно использовали сотрудники спецслужб ГДР для борьбы с «внутренним врагом». Они проникали в дома диссидентов и вносили незначительные изменения в интерьер: перевешивали полотенца, перекладывали бумаги, открывали окна, заменяли посуду и т. п. По ночам людей беспокоили странные звонки, их автомобили переставляли в другие места, а прохожие на улицах часто называли их другими именами. Делалось все, чтобы подорвать веру человека в собственную адекватность. Деморализованные жертвы замыкались в себе, переставали выходить из дома, медленно сходили с ума. В результате они не только прекращали политическую деятельность, но иногда и сводили счеты с жизнью [6].

Как следует из вышеизложенного, газлайтинг – мощное оружие. Дальнейшее изучение газлайтинга, как метода психологической манипуляции, безусловно представляет интерес с точки зрения противодействия психологическому воздействию со стороны манипулятора.

Список цитированных источников

1. Игнатова, Е. С. Абьюзинг и газлайтинг в межличностных отношениях / Е. С. Игнатова, Е. Д. Разводова // Будущее клинической психологии : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Пермь, 26–27 апр. 2018 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 2018. – С. 3–11.
2. Михайлова, Е. Е. Манипулирование как скрытое управление сознанием и поведением людей / Е. Е. Михайлова // Человеческий фактор. Проблемы психологии и эргономики. – 2007. – № 4. – С. 84–87.
3. Пузанкова, И. Е. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться / И. Е. Пузанкова, О. М. Дическул // Вестн. Прикамского социального института. – 2020. – № 1. – С. 134–139.
4. Стерн, Р. *СТОП газлайтинг: скрытые манипуляции для управления твоей жизнью* / Р. Стерн. – СПб. : Питер, 2022. – 352 с.
5. Газлайтинг [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Газлайтинг>. – Дата доступа: 10.09.2022.
6. Газлайтинг: как распознать психологические манипуляции и противостоять им [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://style.rbc.ru/life/604f05fe9a79477b66054b35>. – Дата доступа: 10.09.2022.
7. Пять признаков газлайтинга в отношениях и как это остановить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elle.ru/otnosheniya/psikho/pyat-priznakov-gazlaitinga-v-otnosheniyakh-i-kak-eto-ostanovit>. – Дата доступа: 10.09.2022.
8. Как противостоять газлайтингу? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tutknow.ru/psihologia/15216-kak-protivostoyat-gazlaytingu.html>. – Дата доступа: 10.09.2022.

*В. А. Войцехович,
Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭКСПЕРТОВ И ИНДИКАТОРОВ ОЦЕНКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В 2010 году Указом Президента Республики Беларусь № 575 утверждена Концепция национальной безопасности [1] (далее – Концепция), послужившая своеобразным стартом для разработки и принятия ряда концептуальных документов, определяющих порядок обеспечения различных видов безопасности:

Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь [2];

Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [3];

Концепция обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 годы [4];

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [5];

Концепция национальной системы обеспечения биологической безопасности Республики Беларусь [6].

Безусловно, принятые и до утверждения Концепции 2010 года нормативные правовые акты по обеспечению отдельных видов безопасности актуализировались с течением времени, в т. ч. с учетом формируемых новых вызовов и угроз (пример – Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности» [7]).

Совокупность указанных документов позволяет не только определить элементы системы обеспечения того или иного вида безопасности, но и формирует закономерный вопрос о том, каким образом и кто может провести оценку уровня безопасности – национальной, энергетической, демографической, информационной, продовольственной и др.

Вопросы оценки состояния национальной безопасности составляют основу аналитико-прогнозной деятельности субъектов системы ее обеспечения. Так, организация и проведение мониторинга, анализа и оценки состояния национальной безопасности отнесены к основным функциям системы обеспечения национальной безопасности (абз. 5 п. 61 Концепции), а также непосредственно Государственного

секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь (абз. 2 п. 5.3 Положения о Государственном секретариате Совета Безопасности Республики Беларусь [8]).

Для методологически верного восприятия оценки как элемента управленческой деятельности предлагается в качестве предмета оценки рассматривать национальную безопасность как объект, который защищают, чья безопасность оценивается.

Смысл оценки состояния безопасности в данном случае будет заключаться в том, что такой анализ при принятии управленческих решений предоставит возможности [9, с. 100]:

определить направления деятельности;

на основе вычленения объекта безопасности и объекта защиты определить каждого из субъектов объектов обеспечения безопасности и их компетенцию;

обеспечить обоснованность тех или иных предлагаемых мер, выработать критерии оценки их эффективности.

С другой стороны, оценка состояния безопасности формирует не только «подготовительные» элементы, но и реализует практическое достижение следующих результатов [10, с. 7]:

выявляет тенденции изменения состояния безопасности объекта в установленный отрезок времени (укрепление, стабильность (неизменность, нахождение в установленных границах), ослабление, цикличность (переход от укрепления и (или) стабильности к ослаблению и обратно) уровней безопасности и защищенности);

характеризует достигнутое состояние безопасности объекта (уровень защищенности страны, ее граждан, регионов, секторов экономики и т. д.) и тенденции ее изменения;

формирует выводы о результативности мер по укреплению безопасности;

позволяет выработать практические рекомендации по укреплению безопасности объекта.

Таким образом, оценка национальной безопасности (как обобщенного объекта) требует проведения мониторинга большого числа разнородных индикаторов, которые отражают состояние различных сфер. Данное условие значительно затрудняет процесс согласования мнений относительно исчерпывающего перечня индикаторов безопасности [11, с. 208]. Ведь именно благодаря указанным оценочным категориям можно судить о результативности принятых государством мер, направленных на обеспечение своих национальных интересов [12, с. 143]. При этом оценка национальной безопасности предполагает использование системы как количественных, так и качественных индикаторов.

Примечательно, что в Концепции (п. 65) определена категория «основных индикаторов (показателей)», которые относятся к группе количественных, расчет которых имеет в определенном значении независимый характер, т. к. базируется:

на расчетах процентного отношения того или иного показателя к ВВП государства (доля в ВВП инвестиций в основной капитал; уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, образования; коэффициент эластичности выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования отходов и прироста ВВП и др.);

на использовании статистических данных (коэффициент депопуляции; суммарный коэффициент рождаемости; уровень инновационной активности промышленных предприятий и др.).

Таким образом, предложенная в Концепции система индикаторных оценок национальной безопасности Республики Беларусь, предметная область которой включает иерархические организованные объекты и процессы, предполагает решение следующих проблем, разделенных Г. В. Лукьяновым на три группы [13, с. 192]:

первая – проблемы самих индикаторов (системы индикаторов), включая задачи их формирования (выбора) и применения в соответствии с целями программно-целевой деятельности;

вторая – проблемы, относящиеся к методологии вычисления и проверки достоверности (верификации) значений показателей;

третья – проблемы, связанные с данными (источниками данных), используемыми при вычислении показателей.

В рамках стоящих перед исследованием задач в качестве основной проблемы оценки состояния национальной безопасности Республики Беларусь можно обозначить схожую с выделенной С. П. Белоконом [14, с. 24] для Российской Федерации черту – отсутствие возможности получения обобщенной оценки, которая определяется необходимостью соответствия критериев оценки наиболее общим требованиям, предъявляемым к оценочным показателям. Важнейшим является соответствие цели, позволяющей сделать обоснованный вывод о степени ее достижения.

Учитывая, что целью является обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, можно сделать вывод, что предложенные в Концепции основные индикаторы (показатели) как обобщенные характеристики не могут отразить степень ее достижения.

Данная проблема может решаться экспертным сообществом путем уточнения существующих либо формированием новых показателей. Именно методика отбора специалистов для формирования экспертных групп по определению системы критериев является

предшествующим и важным этапом оценки проведения состояния национальной безопасности. Фактическая задача состоит в определении пула профессионалов, способных аргументированно ответить на вопрос: «Какие показатели отражают состояние безопасности объекта?» Для решения указанной задачи предлагается использовать метод взаимной оценки (предоставление каждому из экспертов возможности выбора некоторого числа экспертов).

Эксперты	Кандидаты							Сумма баллов
	1	2	3	4	5	6	...n	
1								$\Sigma 1$
2								$\Sigma 2$
3								$\Sigma 3$
4								$\Sigma 4$
5								$\Sigma 5$
6								$\Sigma 6$
...n								Σn

*Рис. Оценка рейтинга экспертов
(согласно методу взаимной оценки) [11, с. 208]*

Данный способ позволяет по итогам проведенного ранжирования отобрать нужное число наиболее компетентных специалистов для последующего их задействования в проведении оценки состояния национальной безопасности.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об утверждении Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1084 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об утверждении Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2018 г., № 410 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. О демографической безопасности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. О Совете Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 июня 2021 г., № 214 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Мясникович, М. В. Управление системой обеспечения экономической безопасности / М. В. Мясникович, С. С. Полоник, В. В. Пузилов. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2005. – 264 с.

10. Казанцев, С. Г. Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях / С. Г. Казанцев // Мир новой экономики. – 2017. – № 2 (11). – С. 6–12.

11. Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Весросс. науч. конф., Москва, 4 дек. 2009 г. / Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект. – М. : Научный эксперт, 2010. – 736 с.

12. Дворкина, М. А. К вопросу о выборе индикаторов для оценки внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] / М. А. Дворкина // Молодежь в науке и предпринимательстве : сб. науч. ст. VIII междунар. форума молодых ученых, посвященного 55-летию университета, Гомель – Ранчо, 15–17 мая 2019 г. : науч. электронное текстовое издание / Белкоопсоюз, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации ; под науч. ред. Н. В. Кузнецова ; редкол.: С. Н. Лебедева [и др.]. – Гомель, 2019. – С. 143–146.

13. Лукьянов, Г. В. Специфика показателей национальной безопасности в контексте ее информационного мониторинга / Г. В. Лукьянов // Системы и средства информатики. – 2014. – № 4. – С. 186–205.

14. Белоконь, С. П. Оценивание состояния национальной и военной безопасности России: установленный порядок и возможные пути совершенствования / С. П. Белоконь // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 1. – С. 20–41.

*С. И. Воронюк,
магистр,
Республика Беларусь*

О ПРИВЕРЖЕННОСТИ ОФИЦЕРА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СЛУЖЕБНОМУ ДОЛГУ

Органы государственной безопасности (далее – ОГБ) являются неотъемлемой частью системы обеспечения безопасности личности, общества и государства. Сохраняя законность и правопорядок в Республике Беларусь, ее суверенитет и стабильность в обществе, безопасность граждан ОГБ выступают важнейшей составляющей правоохранительной системы государства.

Сложная ситуация, сложившаяся в стране, в том числе в связи с началом специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, требует от выпускников Института национальной безопасности (далее – ИНБ) и действующих сотрудников ведомства высокой приверженности служебному долгу, ответственного отношения к службе, умения принимать решения, выполнять поставленные задачи, осознавая приоритет интересов государства и общества.

На сегодняшний день нет единого мнения в определении понятия «приверженность» [1–5]. Это слово в зависимости от контекста может означать:

честность, принципиальность;
верность, преданность;
соблюдение правил, законов, отказ от предосудительных и недоброжелательных действий;
доброжелательность, приветливость, доступность работника как в отношении компании в целом, так и в отношении других работников.

Существует достаточно много [1–5] определений понятия «приверженность» и его англоязычного синонима «лояльность», особенно когда речь заходит о приверженности сотрудников организации. В настоящее время в отечественной литературе достаточно часто эти термины не разводятся и рассматриваются как синонимичные.

По мнению автора, относительно гражданских организаций это допустимо, однако в случае сотрудников ОГБ эти понятия не синонимичны. Первое значение английского слова *loyalty* – благонадежность в словосочетании «*certificate of loyalty*» – «свидетельство о благонадежности» [6, с. 818], следующие значения – лояльность, верность. Несомненно, сотрудник должен быть благонадежен, но, в первую очередь, он обязан хранить верность и быть преданным своему делу, как это трактуется в словарях русского языка В. И. Даля [2], Д. Н. Ушакова [3], С. И. Ожегова [4], в которых слово «приверженность» означает «верность», «преданность» кому-либо или чему-либо. Это первые значения, ибо в корне слова «приверженность» лежит слово «вера» – одна из ценностей теологии, культуры, одна из общечеловеческих ценностей.

По мнению Н. Е. Валюженича [7], приверженность к организации – это отождествление человека с ней, выражающееся в стремлении работать в организации и способствовать ее успеху. Речь, напомним, идет о гражданских организациях.

Основными составляющими приверженности являются:

идентификация – присвоение работниками организационных целей и объединение сотрудников вокруг общих целей организации [5]. Вариант А. Л. Свенцицкого: «...отождествление индивидом себя с каким-то другим человеком, группой лиц. Осознаваемо или неосознаваемо индивид приписывает себе определенные свойства другого лица или группы» [8, с. 335–336]. Полагаем, что профессиональная идентификация выражается в принятии ценностных ориентаций группы, поддержании менталитета профессионального социума, углублении в его приоритеты, духовные ценности, соблюдении профессиональной этики, выражаемой в военной сфере понятиями: честь, достоинство, долг, готовность к профессиональному развитию и совершенствованию [9];

вовлеченность (*commitment*) включает отношение к себе и окружающему миру, характер их взаимодействия и определяется, как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» [10]. Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. Творчество позволяет таким людям преодолеть стресс. Отсутствие вовлеченности способствует невротизации личности и отчуждению, порождая чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. «Если вы чувствуете уверенность в себе и в том, что мир великодушен, вам присуща вовлеченность» [10]. Вовлеченность мотивирует человека к самореализации, проявлению способностей и лидерских качеств, ведению здорового образа жизни;

лояльность – эмоциональная привязанность к своей организации, желание оставаться ее членом [5].

Исходя из того, что идентификация, вовлеченность и лояльность могут быть выражены у сотрудников в разной степени, М. И. Магура [11] выделяет три уровня приверженности:

1. Истинная приверженность характеризуется максимальным проявлением идентификации, вовлеченности и лояльности без выдвижения особых условий по отношению к организации.

2. Прагматическая приверженность основывается на сравнении работником того, что он дает организации и что получает от нее взамен.

3. Вынужденная приверженность определяется отсутствием у работника возможности устроиться на другую работу.

На основании выделенных уровней приверженности можно типологизировать сотрудников следующим образом:

1. *Истинно-приверженный тип* – преданный, готовый бескорыстно и самоотверженно выполнять служебный долг, характеризуется единством собственных целей и целей ведомства.

2. *Прагматичный тип* – способный выполнять служебные обязанности на взаимовыгодной основе, требующий постоянного морального или материального стимулирования выполняемых действий.

3. *Вынужденный или ситуативный тип* – исполняющий обязанности по принуждению, от безысходности.

По-видимому, в рядах сотрудников ОГБ последний тип встречается крайне редко, точнее – не должен встречаться. С прагматиками сложнее, именно эта категория сотрудников требует наиболее пристального внимания и комплекса мероприятий, способных обеспечить должную приверженность службе. Констатируем, что профессиональный психологический отбор в ИНБ обеспечивает приток на службу лиц, относящихся именно к первому типу, индивидуальная «генерализованная установка» которых «социоцентрична». Несомненно, у большинства слушателей наблюдается определенный баланс «социоцентрической» и «эгоцентрической» установок.

Выделенные М. И. Магурой [11] уровни приверженности и типологизация сотрудников в соответствии с ними позволяют разработать комплекс мероприятий, необходимых для уравнивания «эгоцентрической» и «социоцентрической» установок сотрудников прагматического типа и поддержания наличного уровня приверженности сотрудников с «социоцентрической» установкой.

Резюмируя, подчеркнем, что человек, предпочитающий личное общественному, хорошим сотрудником ОГБ быть не может.

Список цитированных источников

1. Соловейчик, А. В. Лояльность персонала и факторы, характеризующие организацию / А. В. Соловейчик // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2010. – С. 93–98.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 3. – 555 с.
3. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. – Т. 3. – 1424 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. – Изд. 4-е, доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
5. Корпоративная культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hr100.ru>. – Дата доступа: 20.09.22.
6. Большой англо-русский словарь : в 2 т. – Изд. 2-е, стереотип. / под общ. руковод. д-ра филол. наук, проф. И. Р. Гальперина. – М. : Русский язык, 1977.– Т. 1. – 822 с.
7. Валюженич, Н. Е. Организационная культура и трудовая мотивация как факторы лояльного отношения персонала к организации / Н. Е. Валюженич // Управление персоналом. – 2007. – № 16. – С. 43–45.
8. Свенцицкий, А. Л. Социальная психология : учебник / А. Л. Свенцицкий. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Юрайт, 2014. – 408 с.
9. Марищук, Л. В. Особенности развития военной карьеры и ее связь с ценностными ориентациями военнослужащих / Л. В. Марищук, Ю. О. Брикса // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. / редкол.: О. С. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИПО, 2021. – № 11. – С. 168–177.
10. Мадди, Сальваторе Р. Теории личности: сравнительный анализ / Сальваторе Р. Мадди ; пер с англ. – СПб. : Речь, 2002. – 539 с.
11. Магура, М. И. Современные персонал-технологии / М. И. Магура, М. Б. Курбатов // Управление персоналом. – 2003. – № 6. – С. 45–50.

А. В. Журов,
Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ И СРЕДСТВ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Современная модель высшего образования базируется на способностях специалиста усваивать практические профессиональные действия. Такая модель представляет собой так называемый компетентностный подход, который задает новые ориентиры в содержании и результатах образования [1, с. 37–39].

Подготовка практических сотрудников невозможна без тесной взаимосвязи теории и практики, так как сотрудник должен быть организованным, профессионально компетентным, способным к быстрой адаптации в профессиональной деятельности, обладающим креативным мышлением специалиста «узкого» профиля.

Именно в образовательном процессе системы обеспечения национальной безопасности первоочередной задачей становится не только формирование у обучающихся определенных навыков, получение знаний, развитие умений, но и интеграция знаний и практики как основы способности выпускника использовать при решении профессиональных задач приобретенные в ходе обучения умения самостоятельно отбирать и пользоваться уже накопленными знаниями в различных ситуациях и сферах жизни.

Так, одним из наиболее результативных видов обучения, обеспечивающих развитие профессиональных компетенций выпускников государственного учреждения образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», является учебная практика.

Специфика формирования профессиональных компетенций в рамках учебной практики требует сочетания различных форм и методов обучения: репродуктивных, проблемно-поисковых, а также активных методов обучения, где последние приобретают первостепенное значение для достижения заявленных образовательных целей.

Активные методы обучения (анализ конкретных ситуаций, мозговой штурм, дискуссия, ролевые и деловые игры, тренинги и др.) способствуют формированию не только профессиональных («жестких компетенций»), но и, безусловно, очень важных для будущих оперативных сотрудников универсальных компетенций, так называемых

soft-компетенций («мягких навыков»). К последним относятся навыки критического, системного и творческого мышления, успешной коммуникации и грамотной полемики, презентационные способности, умение работать в команде, принимать коллективные и самостоятельные решения [2, с. 80–124].

Ключевой формой реализации содержания учебной программы учебной практики может быть деловая игра, формат которой предполагает создание коллективов, имитирующих деятельность условных подразделений органов государственной безопасности, в которых слушатели играют роли сотрудников на одном из участков профессиональной деятельности.

Специфика обучающих возможностей деловой игры, как метода активного практического обучения и формы проведения учебной практики, состоит в максимальном приближении процесса обучения к реальной практической деятельности.

Центральным элементом деловой игры является имитационная модель объекта, постоянные изменения которой позволяют реализовать «цепочку решений». В качестве такой модели выступает квазипрофессиональная деятельность, профессионально-служебные отношения сотрудника органов государственной безопасности. В сочетании со средой (внешним окружением) имитационная модель формирует широкое проблемное поле деловой игры.

Имитационная модель представляет собой отрезок будущей оперативно-служебной деятельности и имеет социальный контекст, где участники взаимодействуют с представителями других ролевых позиций, решая проблемные задачи на основе поэтапно поступающих «вводных».

Решение, принимаемое участниками игры на первом этапе, воздействует на модель и изменяет ее исходное состояние, затем на основе полученной информации и новых «вводных» участники игры вырабатывают решение на втором этапе и т. д.

Для успешной реализации сценария деловой игры необходимо соблюдение ряда таких условий, как:

- наличие общей цели у всех участников;
- четкое распределение ролей между участниками;
- взаимодействие участников, исполняющих те или иные роли

[3, с. 253–267].

В состав участников деловой игры входят руководители игровых коллективов, учебные объекты и посредники по различным аспектам профессиональной деятельности: по организации и тактике оперативно-розыскной деятельности; ее правовому регулированию; психологическому сопровождению и др. Роль посредников многофункциональна:

руководство работой учебных объектов и заблаговременная их подготовка к исполнению своей роли, контроль точного исполнения определенных ролей в ходе деловой игры, оказание методической помощи всем участникам, контроль и оценка принятых решений и действий слушателей, своевременность и правильность документационного обеспечения профессиональной деятельности.

В деловой игре обучение происходит в процессе совместной деятельности всех участников. При этом каждый решает отдельную задачу в соответствии со своей ролью и функцией [4, с. 105–115].

В такой деловой игре знания усваиваются в динамике развития сюжета, формировании целостного образа профессиональной ситуации, что позволяет значительно сократить время накопления профессионального опыта, дает возможность экспериментировать, пробовать разные стратегии решения профессиональных задач [5, с. 78].

Необходимо отметить, что, являясь средством моделирования разнообразных условий профессиональной деятельности, аспектов межличностного и социального взаимодействия, деловая игра выступает одним из наиболее эффективных методов практического обучения, поскольку снимает противоречия между абстрактным характером учебных предметов и реальным характером профессиональной деятельности [6, с. 253].

Таким образом, образовательная функция деловой игры, как формы проведения учебной практики, очень значима, поскольку позволяет эффективно формировать профессиональные компетенции, задавать в обучении предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности и тем самым моделировать более адекватные по сравнению с традиционным обучением условия формирования личности специалиста.

Список цитированных источников

1. Жук, О. Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход / О. Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2009. – 336 с.
2. Кондратьева, И. П. Основы педагогического мастерства : учеб. пособие / И. П. Кондратьева, Е. И. Бараева. – Минск : РИВШ, 2018. – 231 с.
3. Камышников, А. П. Методика преподавания специальных дисциплин в образовательных организациях правоохранительных органов и спецслужб : учеб. пособие. – М. : Щит-М, 2014;
4. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход : метод. пособие / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 207 с.
5. Игра в учебном процессе : метод. пособие : в 2 ч. – Минск : БГПА, ВУЗ-ЮНИТИ, 1995. – 156 с.
6. Военная дидактика : учебник / под общ. ред. В. Г. Михайловского. – 2-е изд., переработ. – М. : ИД «Куприянова», 2010. – 503 с.

*Е. В. Зарубанова,
Республика Беларусь*

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК ОСОБЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В сентябре 2022 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» (далее – Закон о государственной службе), в котором впервые определена система государственной службы. Она включает следующие виды: государственная гражданская служба; военная служба; служба в военизированных организациях [1].

Можно выделить общие признаки государственной службы, такие как:

- специфика выполняемых задач и функций;
- наличие специального правового статуса с установленным кругом прав и обязанностей;
- особые условия приема на службу, ее прохождения, присвоения специальных званий, аттестации, привлечение к дисциплинарной ответственности, прекращения, специальное обеспечение (денежное довольствие, форма одежды, знаки различия и т. п.).

Военной службе в Республике Беларусь присущи вышеуказанные признаки государственной службы, однако ее отличает ряд особенных, обусловленных спецификой военной службы.

В Законе о государственной службе дано определение военной службы, как вида государственной службы, представляющей собой профессиональную деятельность граждан Республики Беларусь на воинских должностях в составе Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований (далее – формирований), а также не на воинских должностях в случаях и на условиях, установленных законодательными актами.

Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. «О воинской обязанности и воинской службе» также закрепляет понятие «военная служба», как основной вид воинской службы, и определяет «воинскую службу» как особый вид государственной службы.

Таким образом, видится, что военная служба в Республике Беларусь, как особый вид государственной службы, имеет ряд особенных признаков, таких как:

правовое регулирование военной службы как комплексной отрасли законодательства осуществляется нормами административного и военного права;

приоритет военной службы перед иными видами государственной службы Республики Беларусь;

детальность правового регулирования военно-служебных отношений [4];

особый статус военнослужащих;

главная обязанность граждан, проходящих службу в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований – это исполнение конституционного долга по защите Республики Беларусь;

особенности военной службы заключаются в возложении на военнослужащих обязанностей по подготовке к вооруженной защите и по вооруженной защите Республики Беларусь, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с повышенным риском для жизни и здоровья;

может проходить в разных формах: по призыву, по контракту, в резерве, в запасе.

Служба в органах государственной безопасности определена как «военная» Законом Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. «О Вооруженных Силах Республики Беларусь». Однако, на наш взгляд, несмотря на наличие схожих общих признаков с государственной службой и особенных признаков военной службы в других войсках и формированиях Республики Беларусь, военная служба в органах государственной безопасности имеет свои частные признаки:

1) особое правовое регулирование – правовые и организационные основы деятельности органов государственной безопасности Республики Беларусь закрепляет Закон Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» от 10 июля 2012 г.;

2) особое предназначение – органы государственной безопасности являются государственными органами, обеспечивающими в пределах предоставленных им полномочий безопасность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [2];

3) особые задачи и направления деятельности – организация и осуществление в пределах своей компетенции контрразведывательной деятельности и внешней разведки; предупреждение, выявление и

пресечение террористической и иной экстремистской деятельности, обеспечение государственных органов и иных организаций правительственной и оперативной связью, организация и обеспечение в пределах своей компетенции криптографической и инженерно-технической безопасности шифрованной и других видов специальной связи [2];

4) особые полномочия, предоставляемые органам государственной безопасности в связи с выполнением задач.

Таким образом, проведенный анализ позволяет отнести военную службу в органах государственной безопасности к «особому» виду государственной службы.

Соответственно, система признаков военной службы в органах государственной безопасности представляется следующим образом: общие признаки – характерны для государственной службы, особенные – для военной службы и частные – для службы в органах государственной безопасности Республики Беларусь.

Представляется, что вышеуказанная система признаков может быть дополнена при дальнейшем изучении и проработки обозначенной проблемы.

Список цитированных источников

1. О государственной службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 июня 2022 г., № 175-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 мая 2021 г. № 106-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О Вооруженных Силах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 ноября 1992 г., № 1904-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 № 65-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Павлющик, С. В. Военная служба как вид государственной службы Республики Беларусь / С. В. Павлющик // Право.ву. – 2014. – № 2 (28). – С. 62.

А. В. Кондратенко,
кандидат психологических наук,
Республика Казахстан

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДРЫВА

В настоящее время органы национальной безопасности Республики Казахстан (далее – РК) в процессе контрразведывательной деятельности в числе наиболее важных выделяют проблемы, связанные с обеспечением защиты конституционного строя и внутривнутриполитической стабильности.

Современные угрозы конституционному строю определяются рядом факторов, в том числе обострением противоречий между такими мировыми державами, как Соединенные Штаты Америки (далее – США), Китайская Народная Республика (далее – КНР) и Российская Федерация (далее – РФ). При этом учитывая, что Казахстан поддерживает разносторонние тесные связи с КНР и союзнические отношения с РФ, на нашу республику оказывается серьезное давление со стороны США, заинтересованных в изменении внешней и внутренней политики РК с целью ослабления своих геополитических соперников.

Кроме того, значимым фактором является стремление не допустить в дальнейшем трагических событий, произошедших в январе текущего года в г. Алматы и других регионах Казахстана, для чего следует осмыслить причины указанных антиконституционных проявлений.

Следует отметить, что в январе 2022 г. было продемонстрировано, как несанкционированные акции протеста стремительно перерастали в массовые беспорядки, которые сопровождались грабежами и погромами с применением огнестрельного оружия, захватами административных зданий и убийствами граждан, в том числе сотрудников правоохранительных органов.

Данные противоправные действия имели перспективу деструктивного влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране и формировали реальные угрозы политического подрыва конституционного строя Республики Казахстан.

В настоящее время обстановка в стране стабилизирована, что не снижает попыток представителей отдельных радикально настроенных политических сил оказать соответствующее воздействие на население республики с целью распространения идей политического экстремизма.

В частности, наиболее заметными подобными объединениями в РК являются общественно-политическое движение «Демократический выбор Казахстана» (далее – ДВК, в 2018 году решением районного суда г. Астаны за призывы к насильственному изменению конституционного строя страны признано экстремистским), а также движение «Көше партиясы» («Партия улицы», в 2020 году решением районного суда г. Астаны за призывы к насильственному изменению конституционного строя страны признано экстремистским) [1]. Указанные объединения созданы и поддерживаются казахстанским олигархом М. Аблязовым (находится в международном розыске за совершение ряда экономических преступлений на территории Казахстана, России и Украины), который в данный период скрывается на территории стран Европейского Союза (далее – ЕС), где решением Национального суда Франции (октябрь 2020 г.) получил официальное политическое убежище [2].

В Казахстане сторонники ДВК и «Көше партиясы», пользуясь политической и методической поддержкой со стороны зарубежных субъектов (в США и ЕС признаются в качестве демократических оппозиционных сил), пытаются вести активную деятельность, направленную на свержение существующего конституционного строя.

Важным элементом данной подрывной работы является информационное воздействие на общественно-политическое сознание граждан Казахстана.

В связи с этим следует учитывать, что общественное мнение влияет на поведение каждого члена социума, коллективное чувство сопричастности к имеющимся общественным проблемам особенно ярко проявляется в стрессовых ситуациях и обусловлено инстинктом выживания. При этом конформизм, состоящий в осознанном принятии позиции большинства, дает основу для социальных манипуляций.

Исходя из этого особую роль начинают играть методы социально-психологического информационного воздействия, представляющие собой механизм деструктивного социального манипулирования:

1) отключение рационального восприятия и критического мышления (любая, самая абсурдная и фантастическая идея подается в утвердительной форме и должна восприниматься на веру, воздействуя на эмоциональную сферу);

2) формирование чувства социальной фрустрации (страха, возможно мнимого, перед будущими общественными событиями, способными негативно отразиться на жизни людей);

3) навязывание готового алгоритма действий по разрешению сложившейся негативной ситуации (в нашем случае – принимать активное участие в противоправной антиконституционной деятельности) [3].

Применение данных методов определяется наличием средств политической коммуникации, которые могут быть личными (непосредственными: участие в акциях протеста, дебаты, встречи с людьми, лекции и т. д.) и опосредованными (через технические возможности: Интернет, социальные сети, телевидение, печатные издания и т. д.).

В современном мире доминируют опосредованные средства коммуникации. Необходимо отметить, что до последнего времени основным средством подобного коммуникативного политического воздействия являлось телевидение, которое обеспечивало массовость охвата аудитории и уникальную возможность манипулирования сознанием, используя так называемый фактор парасоциальности, то есть «живой» картинки, формирующей эффект присутствия и соучастия в событиях.

В данный период складывается новая реальность, когда ведущую роль в процессе политического воздействия начинает играть Интернет и в целом сетевые средства массовой коммуникации, реализующиеся в киберпространстве. Уникальность киберпространства и выгодное отличие от телевидения заключаются в том, что здесь возможно обеспечение не только массовой трансляции и парасоциальности, но и прямой межличностной и групповой коммуникации.

Современное кибернетическое информационное пространство впервые реально предоставило интернациональные, подлинно глобальные возможности для связи, общения и воздействия на личность и общество, что создает дополнительные преимущества для трансляции идей политического экстремизма при наличии поддержки со стороны влиятельных зарубежных субъектов, которые обладают значительными возможностями по обеспечению средств контроля над Интернетом и социальными сетями.

В процессе деструктивного информационного влияния на социум возможен самый широкий формат воздействия – от использования дискредитирующих текстовых публикаций до создания видеороликов, «документальных» видеофильмов. В подобной продукции должна содержаться или тенденциозно подобранная объективная

информация, возможно подготовленная в виде аналитических материалов, или откровенно лживые сведения, так называемые «фейковые» новости и провокационные сообщения, а также сатирические материалы.

Рассматривая содержание методов, важно отметить, что каждый из них представляет собой сочетание конкретных психологических приемов:

1. Ссылка на авторитет – предусматривает апелляцию к высказываниям и оценкам общепризнанного и наиболее уважаемого эксперта (лидера), мнение которого по обсуждаемому вопросу признается всем обществом или участниками дискуссии.

2. Формирование позитивного имиджа – направлено на создание положительного образа модели построения общества (пример для подражания, подчеркивание, что другая страна более высокоразвита в сфере социально-политических и экономических отношений, гражданской активности, и т. д.) и/или политически активной личности (лидера).

3. Гиперболизация и высмеивание – основаны на подмене предмета обсуждения с целью искажения смысла и дискредитации (например, плохие дороги, мусор на улице – грязная и дикая, отсталая страна).

4. Подмена тезиса, переход на личности – переключение внимания аудитории с предмета обсуждения на индивидуальные недостатки оппонента (например, как может управлять страной человек, который является полным, то есть он даже собственную фигуру привести в нормальное состояние не способен).

5. Наклеивание ярлыков – преднамеренно выбранный эпитет, отражающий в искаженном виде эмоционально-негативную оценку оппонента и его ценностей (например, оппонент выступает за традиционные семейные ценности, а значит осуждает гомосексуальные отношения, как следствие – он отсталый, ретроград).

6. Игра деталями, цифрами – апелляция к статистическим сведениям, подобранным для формирования взглядов выгодных манипулятору (при этом подчеркнуто критическое отношение к оппоненту, не обладающему точными данными при обосновании своих тезисов).

7. Эмоциональная настройка – подбор соответствующих аудио и визуальных материалов, формирующих необходимые позитивную или негативную реакции (например, могут содержать запись патристических стихов и песен, изображения национальных святых, живописные виды родной природы, значимых исторических памятников

или горящие и разрушенные здания, погибших людей, оставшихся без жилья и средств к существованию стариков, женщин и детей).

8. Мнимый выбор – используемые в ходе воздействия на аудиторию тенденциозные фактические данные и критические замечания (сравнительные материалы собраны таким образом, чтобы необходимое манипулятору заключение было достаточно очевидным).

Применяя изложенные методы социально-психологического воздействия в информационной сфере, на общественное сознание удается распространять идеи политического экстремизма в казахстанском обществе. В связи с этим изучение указанных методов представляет значимость и ценность для организации практической оперативной работы, направленной на защиту конституционного строя РК.

Получение представления об указанных методах позволяет рассчитывать на то, что представленный материал поможет расширить возможности социально-психологической подготовки сотрудников, обеспечивающих защиту конституционного строя.

Список цитированных источников

1. «ДВК» трансформировалась в «Көше партиясы». 2021. – URL: <https://zakon.kz/5023271-dvk-transformirovalos-v-k-she-partiyasy.html> (дата обращения: 29.09.2022).

2. Сообщается о предоставлении Мухтару Аблязову, экс-банкиру и оппозиционеру, политического убежища во Франции. 2020. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/30876139.html> (дата обращения: 29.09.2022).

3. Шейнов В. Приемы манипулирования. – М., 2018.

*В. А. Литвинко,
Республика Беларусь*

НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОДВЕРЖЕННОСТЬ НЕГАТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Информационное воздействие, какой бы характер оно ни носило, всегда воспринимается человеком в преломленном, отраженном виде. Это утверждение базируется на одном из основных принципов отечественной психологии – принципе детерминизма, констатирующем, что «внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств» [1, с. 209]. При этом психическая деятельность личности, являющейся отражающей системой, не только отражает объективную реальность, но и наделяет ее личностными значениями.

Какое значение приобретет в сознании личности та или иная информация зависит не только от ее содержания, контекста, в котором она подается, но и от состояний воспринимающего, его установок, мировоззрения, его знаний, опыта, свойств нервной системы, особенностей психических процессов, его характера и других свойств личности.

Одним из явлений, с одной стороны, усиливающим эффект негативного воздействия, с другой – представляющим собой результат осуществляемого целенаправленного негативного информационного воздействия, является синдром психического выгорания.

Опасность его развития у сотрудников органов государственной безопасности обусловлена целым рядом факторов. Один из них – разрушение состояния готовности сотрудника участвовать в том активном, наступательном, порой агрессивном, но всегда непрерывном процессе, который принято называть конфликтным противоборством с противником. И способствуют этому все проявления выгорания:

эмоциональное истощение, выражающееся в ощущениях эмоционального перенапряжения, чувстве опустошенности и исчерпанности собственных эмоциональных ресурсов;

деперсонализация, представляющая собой тенденцию развития негативного, бездушного и циничного отношения к окружающим, дистанцированности от работы и враждебного отношения к тем, кто требует ее выполнения;

редуцирование персональных достижений, под которым понимается снижение чувства компетентности в своей работе, недовольство собой, формирование заниженной самооценки, негативное самовосприятие в профессиональном плане [2].

Наибольшего внимания заслуживает деперсонализация, ведь именно она способствует возникновению и развитию скрытого противопоставления себя окружению, а затем и обществу. Именно такое противопоставление, по мнению Н. П. Рапохина [3], представляет собой установку, которая «предопределяет формирование психологической податливости людей к негативному информационно-психологическому воздействию» [3, с. 277]. Кроме того, деперсонализация, на взгляд автора, является антиподом моральной надежности, рассматриваемой Н. П. Рапохиным в качестве одного из ведущих факторов противодействия негативному информационному воздействию [3, с. 281].

Безусловно, возникновение выгорания имеет комплексную детерминацию. Это и условия профессиональной деятельности, и характер этой деятельности, и ее продукт, и то воздействие, которому подвергаются представители той или иной профессиональной группы извне. Ведущую роль в этом комплексе играет, на наш взгляд, именно личность работника.

Для проверки этого предположения было проведено пилотажное исследование взаимосвязи психического выгорания с личностными факторами сотрудников органов государственной безопасности. Измерение уровня развития выгорания проводилась с применением опросника на выгорание *MBI* (сокр. от англ. *Maslach Burnout Inventory*), адаптированного Н. Е. Водопьяновой [4]. Изучение личностных особенностей военнослужащих осуществлялось с помощью личностного многофакторного опросника *16 PF* Р. Кетелла (*R. Cattell*) (форма «А», 187 вопросов, в адаптации А. Г. Шмелевой, В. И. Похилько, А. С. Соловейчика).

В исследовании приняли участие 122 сотрудника в возрасте от 22 до 37 лет, имеющих высшее образование и различную выслугу.

Анализ корреляционных связей результатов, полученных в ходе применения указанных опросников, осуществлялся с использованием коэффициента корреляции Спирмена. В таблице представлены наиболее значимые корреляции эмоционального выгорания и отдельных факторов личностного многофакторного опросника *16 PF* Р. Кетелла.

Результаты корреляционного исследования

Факторы	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция персональных достижения
А	-,251	-,224*	,267**
С	-,264**	-,225*	,287**
Е	-,125	-,131	,307**
Н	-,314**	-,233*	,244**
Н	-,220*	-,210*	,023
О	,371**	,306**	-,291**
Q ₄	,365**	,373**	-,353**
F ₁	,420**	,378**	-,357**
F ₂	-,172	-,168	,291**

Примечание. ** – корреляция значима на уровне ≤ 0.01 ;

* – корреляция значима на уровне ≤ 0.05 .

Как видно из полученных результатов, наиболее сильны связи (хотя и на уровне тенденций) показателей психического выгорания с факторами *О* (уверенность в себе – тревожность), *Q₄* (расслабленность – напряженность) и *F₁* (низкая – высокая тревожность).

Редукция персональных достижений (обратная шкала) демонстрирует положительную связь ($,307$; ≤ 0.01) с фактором *Е* (доминантность) и несколько более слабые, но высоко значимые положительные связи с *Н* (неуверенность – смелость) и *F₂* (необщительность – общительность). Тогда как эмоциональное истощение и деперсонализация отрицательно связаны со смелостью.

Представленные данные, хотя и получены на небольшой выборке, но демонстрируют значимость такого личностного свойства, как смелость для предотвращения проявлений психического выгорания сотрудников органов государственной безопасности и, как следствие, формирования их психологической устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию. И, наоборот, показывают роль тревожности как черты личности в развитии выгорания и податливости негативному воздействию извне.

Список цитированных источников

1. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2012. – 288 с.
2. Рытенкова, Ю. Н. Теоретический анализ синдрома эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной литературе [Электронный ресурс] / Ю. Н. Рытенкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-sindroma-emotsionalnogo-vygoraniya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-literature>. – Дата доступа: 23.09.2022.
3. Рапохин, Н. П. Проблема преодоления негативного информационно-психологического воздействия / Н. П. Рапохин // Социально-психологические аспекты обеспечения национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 2015 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол. : С. Н. Князев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Т. 2. – С. 276–281.
4. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика : практ. пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – 343 с. – (Профессиональная практика).

*Л. А. Лычковская,
Республика Беларусь*

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ДОПУСКА ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАМ

Одной из основных задач, стоящих перед органами государственной безопасности Республики Беларусь (далее – ОГБ), является осуществление предусмотренных законодательством полномочий в сфере государственных секретов. Среди направлений деятельности ОГБ в данной сфере особое место занимает допуск граждан к государственным секретам (далее – допуск).

В процедуре предоставления гражданину допуска ключевую роль играет согласование его предоставления ОГБ, которое в соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственных секретах» (далее – Закон) [1] осуществляется на основании результатов проверочных мероприятий. Вместе с тем порядок проведения и содержание данных проверочных мероприятий до настоящего времени не в полной мере урегулированы законодательством. Практика проведения мероприятий свидетельствует о ряде проблем, возникающих в данной сфере.

Всестороннее изучение проблемы проведения проверочных мероприятий и выработка научно обоснованных подходов к организационно-правовому регулированию данной сферы требует прежде всего определения юридической сущности таких мероприятий.

Поскольку, по мнению ряда ученых [2, с. 227; 3, с. 26], юридическую сущность явления необходимо рассматривать посредством выделения его существенных признаков (характерных черт), на основании анализа законодательства и правоприменительной практики предлагается выделить следующие существенные признаки проверочных мероприятий, отражающие сущность данного явления.

1. Проверочные мероприятия в отношении граждан проводятся ОГБ в связи с предоставлением допуска, осуществлением ими деятельности с использованием государственных секретов и являются элементом процедуры предоставления и прекращения гражданам допуска.

В соответствии со статьей 8 Закона ОГБ проводят проверочные мероприятия в отношении граждан в связи с предоставлением им допуска к государственным секретам и осуществлением ими деятельности с использованием государственных секретов.

Порядок предоставления и прекращения гражданам допуска регламентирован Положением о порядке предоставления гражданам Республики Беларусь допуска к государственным секретам, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 53 [4] (далее – Положение о допуске).

Так, в соответствии с Положением о допуске процедура его предоставления включает элементы (этапы), отражающие условия предоставления допуска, в том числе проведение ОГБ проверочных мероприятий в отношении гражданина.

Статьи 8, 38 Закона, а также Положение о допуске предусматривают в качестве меры административно-правового пресечения – прекращение гражданам допуска по предписанию ОГБ. В настоящее время законодательство не содержит обязательного условия о проведении проверочных мероприятий для внесения предписания о прекращении допуска. Вместе с тем, при получении сотрудниками ОГБ информации о наличии либо возникновении оснований для прекращения допуска к государственным секретам гражданам, а также с учетом нормы статьи 8 Закона, предусматривающей проведение проверочных мероприятий в период работы граждан с государственными секретами, необходимо осуществить проверку такой информации и задокументировать ее результаты для обоснованного внесения ОГБ соответствующего предписания.

2. Целью проверочных мероприятий является недопущение либо прекращение доступа к государственным секретам граждан, которые создают или могут создать угрозу разглашения или утраты государственных секретов.

Выявление оснований, препятствующих допуску граждан к государственным секретам, не является конечной целью проверочных мероприятий, а решает основную задачу для достижения цели. Целью же проверочных мероприятий, по нашему мнению, является недопущение либо прекращение доступа к государственным секретам граждан, которые создают или могут создать угрозу разглашения или утраты государственных секретов. Законодатель, определяя перечень оснований для отказа в допуске (статья 37 Закона), предполагает, что их отсутствие изначально свидетельствует о возможности доверить гражданину государственные секреты с минимальными рисками, связанными с их разглашением или утратой данным гражданином.

То есть посредством проверочных мероприятий ОГБ проводит отбор (по заданным Законом критериям) граждан для последующей работы с государственными секретами в целях недопущения к государственным секретам граждан, создающих в той или иной степени угрозу для сохранности государственных секретов.

3. Основной задачей проверочных мероприятий является выявление оснований, препятствующих допуску граждан к государственным секретам.

В соответствии со статьями 8 и 33 Закона проверочные мероприятия проводятся в отношении граждан в двух случаях: во-первых, в связи с допуском к работе с государственными секретами; во-вторых, в период осуществления работ с использованием государственных секретов (после предоставления допуска). При этом задачей проверочных мероприятий в первом случае будет выявление оснований для отказа в допуске, а во втором – выявление либо подтверждение оснований для его прекращения.

Следовательно, основной задачей проверочных мероприятий и в первом, и во втором случаях является выявление предусмотренных законодательством оснований, препятствующих допуску граждан к государственным секретам.

4. Содержанием проверочных мероприятий является проведение комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Законодательством на сегодняшний день не определено понятие проверочных мероприятий в сфере допуска к государственным секретам, равно как и исчерпывающий перечень (содержание) данных мероприятий.

Поэтому для установления и систематизации данных мероприятий, проводимых в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [5], иными нормативными и локальными правовыми актами КГБ, целесообразно объединить мероприятия по схожим признакам в условные группы.

К первой группе относятся оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в соответствии со статьей 39 Закона об ОРД: оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, компьютерной информации, оперативное отождествление и наблюдение.

Ко второй группе мероприятий относится получение сведений из баз данных (учетов), информационных систем ОГБ, а также путем удаленного доступа или на материальных носителях информации из

баз данных иных государственных органов (что не является оперативно-розыскным мероприятием «наведение справок» в соответствии с Законом об ОРД).

Кроме того, ОГБ может быть получена информация в отношении проверяемого гражданина, в том числе о его действиях, создающих угрозу для национальной безопасности, содержащаяся в иных источниках: материалах уголовных дел, дел об административных правонарушениях, материалах контроля за защитой государственных секретов. Также могут быть получены фото-, видео-, аудиоматериалы, официальные заключения и другие документы, подготовленные ОГБ или полученные официальным путем. Получение сведений таким образом условно относится к третьей группе мероприятий.

Можно сделать вывод, что в рамках проверочных мероприятий проводятся оперативно-розыскные мероприятия (1 группа) и иные мероприятия (2 и 3 группы).

Исходя из изложенного содержанием проверочных мероприятий является совокупность оперативно-розыскных и иных мероприятий.

С учетом выделенных существенных признаков, отражающих сущность проверочных мероприятий, можно предложить следующее его определение.

Проверочные мероприятия, осуществляемые органами государственной безопасности в отношении граждан в связи с предоставлением им допуска к государственным секретам, осуществлением ими деятельности с использованием государственных секретов являются элементом процедуры предоставления (прекращения) гражданам допуска к государственным секретам, включают совокупность оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на выявление оснований, препятствующих допуску граждан к государственным секретам, и осуществляются в целях недопущения либо прекращения доступа к государственным секретам граждан, создающих угрозу их разглашения или утраты.

Список цитированных источников

1. О государственных секретах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г., № 170-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 дек. 2020 г. № 65-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Алексеев, С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1989. – 288 с.

3. Тер-Акопов, А. А. Юридическая логика : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – М. : ИКФ Омега-Л, 2002. – 256 с.

4. Положение о порядке предоставления гражданам Республики Беларусь допуска к государственным секретам [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 янв. 2019 г., № 53 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 88-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

В. В. Мамонов,
*доктор юридических наук, профессор,
Республика Казахстан*

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Глобальные вызовы, международные и региональные кризисы, иные негативные факторы оказывают непосредственное влияние на состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан. Адекватное реагирование на них связано с эффективностью системы обеспечения национальной безопасности страны.

Система обеспечения национальной безопасности представляет собой меры, реализуемые государственным аппаратом во взаимодействии с общественными структурами и гражданами Республики Казахстан.

Соответствующий современному периоду стратегический вектор развития данной системы определил принятый в 2012 году новый Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан» [1].

Согласно его нормам национальная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства».

Таким образом, в современных условиях национальная безопасность – это категория развития. Приоритеты и цели развития Республики Казахстан устанавливаются документами Системы государственного планирования.

К документам Системы государственного планирования относятся (в порядке иерархической значимости):

- 1) Стратегия развития Казахстана до 2050 года («Казахстан-2050»);
- 2) общенациональные приоритеты;
- 3) Национальный план развития Республики Казахстан, Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан;
- 4) План территориального развития страны;
- 5) концепции развития отрасли/сферы, национальные проекты;

б) планы развития государственных органов, планы развития области, города республиканского значения, столицы, планы развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний.

Данные документы представляют собой целостный механизм планово-регуляторного воздействия, где необходимость и правомерность разработки документов нижестоящего уровня вытекают из документов, стоящих на уровень выше, а мониторинг и оценка документов, стоящих на уровень выше, осуществляются на основе достоверной информации о реализации документов нижестоящих уровней [2].

Через документы Системы государственного планирования обеспечение национальной безопасности органически встраивается во все сферы общественных отношений.

В указанном контексте срыв реализации какого-либо из документов Системы государственного планирования в той или иной мере отдаляет Казахстан от достижения стратегической цели – вхождения страны в тридцатку наиболее конкурентоспособных стран мира, что предусмотрено высшим по иерархии документом – Стратегией «Казахстан-2050» [3].

Исходя из изложенного ключевой составляющей в реализации реформ является обеспечение целостности и взаимосвязи между отдельными направлениями и уровнями деятельности государственного аппарата в сфере обеспечения национальной безопасности.

На текущий момент в обеспечении национальной безопасности Республики Казахстан задействовано 33 государственных органа. В этой связи необходимо, чтобы каждый государственный орган не только понимал, чему и как он должен противодействовать в пределах сферы своей ответственности, но и видел, какая работа проводится в данном направлении другими государственными органами.

Все должны работать на единую цель Стратегии «Казахстан-2050», четко представляя каждый свой шаг, предвидя и своевременно устраняя совместными усилиями препятствия на этом пути.

Таким образом, одним из направлений развития механизма обеспечения безопасности является создание системы мониторинга, анализа, оценки и прогнозирования угроз национальным интересам, которая одновременно охватывала бы пределы компетенции 33 государственных органов, ответственных за обеспечение безопасности страны.

С учетом мультипликативного характера современных угроз национальной безопасности, по сути, речь идет о формировании общегосударственной системы раннего предупреждения, как средства обеспечения выработки и принятия своевременных и адекватных решений при разработке и реализации документов Системы государственного планирования.

Система раннего предупреждения должна быть представлена максимально широким спектром государственных и негосударственных научных и аналитических структур. Для достижения единой цели названным субъектам необходимо оперировать единой, универсальной методологией описания, анализа и оценки угроз национальной безопасности. Соответствующая методология должна увязать в едином заранее заданном формате все этапы работы с информацией о факторах, влияющих на состояние защищенности национальных интересов, на всех уровнях государственного управления, во всех его сферах.

Далее, поскольку реализация документов Системы государственного планирования влечет за собой определенные законодательные реформы, требуется также обеспечить безопасность нормотворческого процесса. Интеграция защиты национальных интересов и законодательного регулирования общественных отношений служит отражением сущности современного правового государства.

В указанном контексте в соответствии с Законом «О национальной безопасности Республики Казахстан» требования по обеспечению национальной безопасности в обязательном порядке должны учитываться при разработке, принятии и исполнении законодательных актов в сфере национальной безопасности.

На **стадии разработки** государственные органы проводят определенную экспертную оценку законопроектов в сфере национальной безопасности. Данная работа осуществляется по поступающим на согласование из других государственных органов проектам законов.

В то же время **критерии относимости конкретных проектов к сфере национальной безопасности, как и параметры оценки, ни нормативно, ни методически не определены.** По этой причине возникают предпосылки к отвлечению ресурсов соответствующих государственных органов на выполнение не свойственных им функций, либо подготовку заключений по проектам законов без глубокой проработки предмета правового регулирования, применительно к сфере обеспечения национальной безопасности.

Полагаем, что решить данную проблему в полном объеме не способны существующие виды научной экспертизы проектов нормативных правовых актов (правовая, экономическая, антикоррупционная и др).

По объективным причинам при проведении научной экспертизы чаще всего эксперт может оценить только реальные угрозы национальной безопасности, возникающие из некачественного правотворчества. Вместе с тем в соответствии с законодательным определением национальная безопасность состоит в защите национальных интересов страны не только от реальных, но и от потенциальных угроз. Речь идет о выявлении зарождающегося конфликтного потенциала, когда процесс еще слабо проявляется вовне, не носит ярко выраженного характера угрозы, обнаруживается в виде отдельных, иногда не связанных между собой факторов. В данном случае определить негативные последствия правотворчества способны лишь глубокие, системные научные исследования, предметом которых непосредственно являются требования по обеспечению национальной безопасности.

Исходя из изложенного **другим направлением развития системы обеспечения безопасности видится введение научной экспертизы на предмет соблюдения национальных интересов в роли самостоятельного вида экспертизы по отдельным законопроектам.**

В свою очередь **этап принятия** закона также следует усилить научными экспертными оценками на предмет соблюдения национальных интересов.

Законы принимаются Парламентом Республики Казахстан. Парламент осуществляет свою деятельность независимо от других ветвей государственной власти. В этой связи мнение депутатов может оказаться решающим в оценке соответствия законодательного акта требованиям обеспечения национальной безопасности.

Как следствие, целесообразным представляется создание при Парламенте Республики Казахстан Центра (сектора) научной экспертизы для независимой оценки законопроектов, с включением в его состав ученых, специализирующихся на проблемах обеспечения национальной безопасности. За рубежом имеется положительный опыт функционирования подобного рода структур [4].

В последующем в формат Центра (сектора) научной экспертизы законодательных актов Парламента Республики Казахстан мог бы быть органически встроен институт лоббирования. Данный институт, деятельность которого направлена на создание условий максимальной

прозрачности выдвижения и реализации законодательных инициатив, также является неотъемлемой составляющей практики законопроектной работы в зарубежных странах [5].

Наряду с изложенным нельзя оставить без внимания соблюдение требований по обеспечению национальной безопасности на **стадии исполнения** законодательных актов.

Обеспечение качества и эффективности правового регулирования применительно к исполнению законов охватывается в Казахстане институтом правового мониторинга.

Согласно Закону Республики Казахстан «О правовых актах», правовой мониторинг – это система постоянного наблюдения, сбора, анализа информации о состоянии законодательства Республики Казахстан и практике его применения [6].

Необходимо отметить, что правовой мониторинг опирается на различные текущие и прогнозные оценки состояния нормативного регулирования общественных отношений.

На современном этапе данный институт имеет возможность использовать самый широкий спектр проводимых в стране аналитических и социологических исследований, сведения о которых интегрированы в Информационно-правовую систему нормативных правовых актов Республики Казахстан [7].

Это должно способствовать надлежащему исполнению концепции «Слышащего государства», цель которой, согласно программным установкам Президента Казахстана К. К. Токаева, состоит в оперативном и эффективном реагировании на все конструктивные запросы граждан [8]. Реализация названной концепции включает ревизию принятых законов на предмет риска возникновения негативных последствий, учитывая недовольство населения их положениями. Проводимая работа предусматривает детальный разбор каждого случая, когда новые нормы «сработали» не так, как изначально планировались, или вообще не «заработали» по каким-либо причинам.

В целом считаем, что создание единого общегосударственного механизма мониторинга, анализа, оценки и прогнозирования угроз национальной безопасности, а также введение нового вида научной экспертизы по отдельным законопроектам и законодательным актам на предмет соблюдения национальных интересов позволят существенно усилить систему обеспечения национальной безопасности.

Список цитированных источников

1. О национальной безопасности Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 6 янв. 2012 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/dock/Z1200000527>. – Дата доступа: 10.09.2022.

2. Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 ноября 2017 г. № 790 // Информационно-правовая система «Әділет». – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/dock/>. – Дата доступа: 10.09.2022.

3. Послание Главы Государства народу Казахстана от 14 декабря 2012 год «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>. – Дата доступа: 05.09.2022.

4. Drake, M. Encyclopedia of Library and Information Science (second edition) [Электронный ресурс]. – CRC Press, 2003. – 800 p. – Режим доступа: https://books.google.kz/books?id=Sqr-3FBYiYC&pg=PA1604&dq=Congressional+Research+Service&redir_esc=y&hl=ru#v=onepage&q=Congressional%20Research%20Service&f=false. – Дата доступа: 08.09.2022.

5. W. Lehmann. Lobbying in the European Union: current rules and practices. Working Paper by Directorate-General for Research of European Parliament. - Luxembourg, European Parliament, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET\(2003\)329438_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2003/329438/DG-4-AFCO_ET(2003)329438_EN.pdf). – Дата доступа: 08.09.2022.

6. О правовых актах: Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/dock/Z1600000480>. – Дата доступа: 10.09.2022.

7. Правила ведения единой базы данных аналитических и социологических исследований государственных органов Республики Казахстан, финансируемых из республиканского бюджета, в том числе совместных исследований с международными организациями: Приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 25 апреля 2017 года №461 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/dock/V1700015034>. – Дата доступа: 10.09.2022.

8. Послание Главы Государства народу Казахстана от 2 сентября 2019 года «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.qr.uqk/rus/docs/K1900002019>. – Дата доступа: 05.09.2022.

Л. В. Марищук,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

С. И. Воронюк,
магистр,
Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ «ДОЛГ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Речь о выполнении служебного долга заходит обычно в контексте обсуждения воинской или государственной службы, следовательно, и сферы деятельности ОГБ, а именно, нравственной деятельности. Нравственность – понятие, анализируемое в философии и этике, исключение составляет работа К. К. Платонова [1], обозначившего нравственную деятельность как особый ее вид, отличный от остальных, но либо сопровождающий, либо противостоящий им. Это реализации субъектом собственных моральных качеств в конкретной трудовой деятельности.

Правомерность употребления понятия «нравственная деятельность» утверждается [2] на примере нравственного воспитания. Целью последнего является формирование морального поведения субъектами воспитания. Нравственная сторона деятельности или поведения соотносится с системой моральных ценностей, норм и идеалов, существующих в конкретном обществе.

Д. С. Шимановский [3, с. 44–45] различает нравственный аспект деятельности и нравственную деятельность как таковую, непосредственно направленную на утверждение добра. Последняя анализируется как система морально значимых поступков: единство внутренних побуждений и внешних действий на основе интериоризированных общественных представлений о добре, долге, чести и др.

В. А. Блюмкин [4] нравственную деятельность считает «основанной на добровольности поведения личности, на силе общественного мнения и придает коллективистский и гуманистический характер взаимоотношениям личности и общества». Другими словами, «целью нравственной деятельности является соподчинение личного и общественного интереса при примате последнего...» [4, с. 16].

Моральное поведение рассматривается как совокупность всех поступков, имеющих нравственное значение и выявляющих особенности морального характера [5], в отличие от моральной деятельности для которой характерны действия только целенаправленные и нравственно мотивированные.

При доминировании нравственных характеристик всех компонентов деятельности, последняя становится собственно нравственной, являясь и результатом развития, и характеристикой личности, для которой общественно значимое выступает личностно значимым, иначе говоря, всегда «социоцентрическая» установка превалирует над «эгоцентрической» [6].

Безукоризненное выполнение служебного долга является одним из проявлений нравственной деятельности и важнейшим качеством офицера ОГБ. Так что же такое долг?

Свое понимание офицерского долга защитника Отечества М. И. Драгомиров [7, с. 76] излагал так: «Наше дело все построено на самоотвержении и самоотречении; кто этого не понимает, кто не может поступиться своей личностью во имя дела, тот никогда не будет порядочным военным». В словаре В. И. Даля долг определяется как «все должное, что должно исполнить обязанность» и соотносит его с понятиями: «должность, служебное место или звание с определенными обязанностями». По мнению автора, «общий долг человека вмещает: долг его к богу, долг гражданина, долг семьянина, исполнением этих обязанностей он в долгу перед обществом, они составляют долг его как взятые у кого-то займы деньги или вещи» [8, с. 461].

В словарной статье «Долг» написано, что «в этике – понятие, выражающее обязанности человека по отношению к обществу, государству...». «Долг» в гражданском праве, как денежное обязательство, представлен в последующей статье [9, с. 570]. В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [10, с. 168] статьи, посвященные долгу, представлены в такой же форме: «Долг – то же, что обязанность», «Долг – взятое займы (преимущественно деньги)». Разделение этих двух значений по отдельным статьям обнаружено нами только в вышеприведенных словарях.

В толковом словаре [11, с. 270] статьи объединены в одну, первое значение – «Долг – обязанность перед кем-л., чем-л. (родиной, народом, семьей)», второе – «то, что взято или отдано взаимнообразно». В энциклопедическом словаре [12, с. 403] указано точнее – «Долг – категория этики, нравственные обязанности человека, выполняемые из побуждений совести», второе значение не приведено.

Долг определен в Философском словаре, «как одна из категорий этики, отражающая особое моральное отношение. Нравственное требование, распространяющееся на всех людей, принимает форму долга, когда оно превращается в личную задачу отдельного индивида применительно к его положению в какой-либо конкретной ситуации. Личность выступает как активный субъект морали, осознающий и в своей деятельности осуществляющий моральные требования...» [13, с. 121]. Атеистический словарь [14, с. 148] конкретизирует определение, представленное в философском: «Долг – этическая категория, в которой выражается нравственная обязанность человека перед обществом..., выполняемая из побуждений совести. Долг предполагает не подчинение, а свободное самоопределение личности».

В статье «Долг» [15, с. 168] представлена трактовка: «обязанность перед кем-, чем-либо» и «сознание, чувство [исполненного] долга. Верность долгу». Если речь идет о сознании и чувстве, «долг» как категория этики трансформируется в понятие психологии. Чувство – отражение отношения в форме переживания, обладающее когнитивным компонентом, осознаваемое, осознанное, что и отличает его от эмоции. Согласно классификации чувств, чувство долга относится к чувствам нравственным [16] и реализуется в нравственной деятельности.

Резюмируем, долг – нравственная обязанность активного субъекта, выполняемая из побуждений совести, что в полной мере характеризует службу сотрудника ОГБ.

Список цитированных источников

1. Платонов, К. К. Система психологии и теория отражения / К. К. Платонов. – М. : Наука, 1982. – 312 с.
2. Анисимов, С. Ф. Мораль и поведение / С. Ф. Анисимов. – 2-е изд., доп. – М. : Мысль, 1985. – 158 с.
3. Шимановский, Д. С. Моральное самосознание: этико-философский аспект / Д. С. Шимановский. – Киев : Вища школа, 1986. – 141 с.
4. Блюмкин, В. А. О нравственной деятельности / В. А. Блюмкин. – М. : Знание, 1977. – 63 с.
5. Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий ; отв. ред. Т. А. Кузьмина. – М. : Наука, 1977. – 333 с.
6. Марищук, Л. В. Деятельность, нравственность и поведение / Л. В. Марищук, И. В. Яценко // Педагогическая наука и образование. – 2020. – № 1 (30). – С.11–16.
7. Драгомиров, М. И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск / М. И. Драгомиров. – М., 1956. – 326 с.

8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : ТОО Диамант, 1998. – Т. 1. – 800 с. ; Т. 4. – 688 с.
9. Энциклопедический словарь : в 3 т. / под ред. В. А. Введенского. – М. : БСЭ, 1954. – Т. 1. – 719 с.
10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН, Российский фонд культуры. – 3-е изд., стереот., исп. и доп. – М. : АЗЪ, 1998. – 928 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
12. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : СЭ, 1993 – 1628 с.
13. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – М. : Изд-во политической литературы, 1975. – 496 с.
14. Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. – М. : Политиздат, 1983. – 558 с.
15. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Астрель : Акт, 2002. – 812 с.
16. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2015. – 713 с.

*М. Н. Мещеряков,
Республика Беларусь*

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» относит получение взятки к категории коррупционных правонарушений. Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь коррупция рассматривается в качестве одной из основных угроз государству, при этом важнейшим направлением нейтрализации и защиты от угроз национальной безопасности выступает комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией.

Общему анализу и характеристике уголовного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за взяточничество, историческим аспектам процесса становления и развития деятельности специальных служб посвящены работы ряда отечественных и российских авторов. Вместе с тем вопросы становления борьбы со взяточничеством органами государственной безопасности (далее – ОГБ) в контексте развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере должного освещения исследователями не получили.

Становление ОГБ произошло после Октябрьской революции 1917 года с образования Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (далее – ВЧК) при Совете Народных Комиссаров (далее – СНК) Российской Советской Республики 20 декабря 1917 г. Одновременно с формированием государственного аппарата Советской Республики активно шло создание нормативной правовой базы в части борьбы со взяточничеством. Так, 8 мая 1918 г. был принят Декрет СНК «О взяточничестве», устанавливающий уголовную ответственность за получение, дачу взятки, а также подстрекательство и пособничество во взяточничестве. Спустя три года его положения претерпели некоторые изменения и были сформулированы в Декрете СНК «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г. С 1 июля 1922 г. введен в действие первый Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР, в котором в главу 2 «Должностные (служебные) преступления» включена ст. 114, предусматривающая ответственность за получение взятки.

Санкция указанной статьи предусматривала наказание вплоть до применения смертной казни при наличии особо отягчающих обстоятельств. Вопросы ответственности за дачу взятки и посредничество во взяточничестве были закреплены в ст. 114а.

В 1926 году был принят новый УК РСФСР, а в 1928 – первый УК в БССР. В указанных кодексах правовой запрет взяточничества не претерпел изменений, а характеристика соответствующих норм в целом совпадает с содержащимися в УК 1926 и 1928 годов. Всего за время существования БССР на ее территории действовали УК 1922, 1926, 1928 и 1961 г.

Принятие декретов о борьбе со взяточничеством уже в первые послереволюционные годы свидетельствует о понимании советским руководством того факта, что взяточничество существенно затрудняет нормальное функционирование государства, препятствует проведению социальных преобразований, вызывает тревогу и недоверие к власти. На первых порах был создан отдел по борьбе с преступлениями по должности ВЧК при СНК. Согласно положению об отделе от 11 мая 1918 г. на него, одной из задач, возлагалось «принятие самых решительных мер для очищения рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов...». В сентябре 1918 г. согласно приказу ВЧК № 37 «О структуре и штатах органов ВЧК» во всех губернских чрезвычайных комиссиях предписывалось создать 4 главных отдела, одним из которых являлся отдел по борьбе с преступлениями по должности [1, с. 303, 315].

Несмотря на предпринимаемые меры, надежды на полную ликвидацию коррупции не оправдались. Организация должного противодействия коррупционной преступности стала настолько злободневной проблемой, что выдвинулась в ряд первоочередных задач государства и общества [2, с. 7]. В качестве головного органа по «руководству борьбой с преступлениями, способствующими разрухе в хозяйственной жизни Республики (экономическим шпионажем, саботажем, спекуляцией и др.) и оказанию содействия всем хозяйственным наркоматам и учреждениям», наделенного в том числе функциями борьбы с взяточничеством, стало образованное в соответствии с Постановлением Президиума ВЧК от 22 января 1921 г. Экономическое управление (далее – ЭКУ) ВЧК [1, с. 21]. ЭКУ были подготовлены нормативные акты об организации кампании по борьбе со взяточничеством в масштабах всей страны, в которых были даны конкретные предложения по организации этой борьбы, структуре, составу и компетенции специальных (временных) комиссий по борьбе со взяточничеством [2, с. 7]. В последующем ЭКУ было преобразовано

в экономический отдел, который просуществовал до 28 ноября 1936 г., когда в ходе очередной реорганизации приказом НКВД СССР был расформирован [1, с. 63]. Таким образом, в соответствии с кругом решаемых задач, полномочиями, структурой ЭКУ стало прообразом нынешнего главного управления по контрразведывательному обеспечению объектов экономики КГБ Республики Беларусь.

В последующий довоенный и послевоенный периоды задача борьбы со взяточничеством для ОГБ не являлась первоочередной.

В результате реорганизации МВД СССР 13 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР образован КГБ при Совете Министров СССР. Спустя пять лет, 9 января 1959 г., Президиумом ЦК КПСС утверждено Положение о КГБ, что стало знаковым событием для спецслужбы, поскольку впервые была определена система ОГБ, круг решаемых задач, правовое положение сотрудников, роль и место в системе органов государственного управления. Также Положением определено, что КГБ работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС [1, с. 693]. Таким образом, цели и задачи ОГБ вытекали из целей и задач внутренней и внешней политики КПСС и Советского правительства и достигались своими специфическими средствами и методами.

В качестве одной из задач на КГБ возлагалась борьба с вражеской деятельностью антисоветских элементов внутри СССР, под которой понималась в том числе борьба со взяточничеством. Особо остро она проявилась в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века в период пребывания Ю. В. Андропова в должности Председателя КГБ СССР, а затем Генерального секретаря ЦК КПСС. Широкую известность получили результаты работы советских чекистов по пресечению взяточничества, а также иных должностных преступлений, известные по материалам уголовных дел под такими названиями, как «Хлопковое дело» [3, с. 139–145; 4], «Дело директора гастронома» [4], «Рыбное дело» и некоторые другие [5]. В данных случаях речь шла о системной коррупции, поразившей целые отрасли народного хозяйства.

После обретения независимости назрела необходимость правового регулирования деятельности белорусской спецслужбы. В этих целях 15 января 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь принято Постановление, утвердившее Временное положение о КГБ Республики Беларусь. В этом же году в структуре Комитета были образованы управление по борьбе с организованной преступностью и управление экономической безопасности.

Указом Президента Республики Беларусь от 12 августа 1994 г. утверждено новое положение об органах государственной безопасности, согласно которому КГБ перешел в подчинение Президента. Также в нем были определены задачи, полномочия и направления деятельности ОГБ [6, с. 223].

Указанные нормативные правовые акты регулировали деятельность белорусской спецслужбы до 3 декабря 1997 г., когда был принят Закон Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь». Таким образом, впервые деятельность национальной спецслужбы стала регулироваться на законодательном уровне. В статье 9 указанного закона одним из направлений деятельности определена борьба с преступностью, а в статье 8, кроме прочих, была выделена задача борьбы ОГБ с коррупцией. Кроме того, указанная задача формулировалась в действующих на различных временных этапах профильных законах о борьбе с коррупцией.

Спустя 15 лет после принятия первого Закона «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» 10 июля 2012 г. был принят ныне действующий закон, где в статье 7 законодателем определена стоящая перед ОГБ задача борьбы с коррупцией и взяточничеством.

Таким образом, понимание руководством страны опасности для общества и государства рассматриваемого негативного социального явления оказало прямое влияние на последовательное нормативное закрепление задачи борьбы со взяточничеством и признание ОГБ в качестве субъекта борьбы с данным социальным явлением. Это повлекло развитие структуры ОГБ, следствием чего стало создание специальных подразделений по борьбе с коррупцией. При этом особую значимость вопросы борьбы со взяточничеством приобретали в переломные для нашего государства периоды.

Список цитированных источников

1. ЛУБЯНКА: органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. – 768 с.

2. Епихин, А. Ю. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.) : монография / А. Ю. Епихин, О. Б. Мозохин. – М. : Кучково поле : Гиперборея, 2007. – 528 с.

3. Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства : сборник / редсовет: В. А. Ставицкий (гл. ред.) [и др.]. – М. : ЗАО «Масс Информ Медиа», 2002. – 448 с.

4. Рыбное и хлопковое дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2019/02/09_a_12171697.shtml. – Дата доступа: 23.03.2022.

5. Дело директора гастронома [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/process/view/25722/>. – Дата доступа: 23.03.2022.

6. Анисяев, М. А. История отечественных органов государственной безопасности : учеб. пособие / М. А. Анисяев, И. А. Валаханович, Г. Г. Краско. – Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2018. – 284 с.

А. А. Мушта,
кандидат философских наук, доцент,
Республика Беларусь

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ

Безопасность была и остается одним из основополагающих понятий науки, а ее обеспечение – важнейшей функцией любого государства. Политическому руководству, специалистам-практикам, ученым крайне важно своевременно осмысливать изменения, происходящие в структуре вызовов и угроз, оперативно находить на них выверенные ответы и решения. Вот почему и теория, и повседневная практика играют здесь равноценно значимую роль.

В последние годы в большинстве постсоветских государств внимание к проблематике национальной и международной безопасности заметно усилилось. В пользу этого вывода свидетельствуют позитивная динамика национальных научных школ и исследовательских центров, специализирующихся в данной области, расширение тематики, авторского круга и объемов теоретических исследований и публикаций, увеличение численности научно-практических конференций.

Приоритетным направлением является разработка нормативных правовых актов различного уровня, затрагивающих вопросы национальной безопасности, в том числе обновление существующих и разработка новых документов стратегического планирования. Так, по данным председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности С. Рачкова, за последние годы по линии Парламентской Ассамблеи ОДКБ разработано более 80 документов, относящихся к сфере национальной безопасности (международный терроризм, экстремизм, незаконная миграция, наркотрафик, военная, информационная и энергетическая безопасность и др.) [1, с. 17]. О масштабах проводимой в этом направлении работы в нашей стране свидетельствует тот факт, что только в 2021 году в Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь для

проведения экспертизы поступило более 20 проектов нормативных правовых актов различного уровня, затрагивающих вопросы национальной безопасности [2, с. 83].

Как известно, в ходе VI Всебелорусского народного собрания Глава государства поручил обновить принятую в 2010 году Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция). В пользу этого свидетельствовали следующие факторы: кардинальные гео-, военно-политические и иные изменения в современном мире и вблизи Беларуси; трансформация существующих вызовов и угроз, появление новых; необходимость имплементации положений обновленной Конституции Республики Беларусь в текст Концепции; потребность в усилении прикладных аспектов документа.

Не последнюю роль здесь сыграло и то обстоятельство, что с момента принятия действующей Концепции прошло более 10 лет. За это время соседние с Беларусью государства заметно обновили свои концептуальные документы в сфере обороны и безопасности, а Украина, например, сделала это минимум дважды.

В соответствии с поручением Главы государства распоряжением Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь от 10 марта 2022 г. № 49рбб была сформирована Межведомственная рабочая группа по разработке новой редакции Концепции. Непосредственное участие автора в ее работе дает возможность проанализировать ряд содержательных аспектов подготовленного к сегодняшнему дню документа.

В первую очередь необходимо отметить, что проект Концепции сохраняет преемственность по отношению к аналогичным документам, принимавшимся в 1995, 2001 и 2010 годах. В практическом отношении эта преемственность опирается на вывод руководства страны о том, что выстроенная в Беларуси система обеспечения национальной безопасности в целом доказала свою эффективность.

Теоретический фундамент преемственности составляют фундаментальные положения белорусской научной школы теории и практики национальной безопасности, сложившейся на протяжении становления суверенного белорусского государства и формирования системы обеспечения национальной безопасности.

В этой связи нельзя не сказать о значительном вкладе, который внесли в становление и развитие этой школы руководители и профессорско-преподавательский состав Института национальной безопасности – А. А. Тозик, В. С. Гайдельцов, С. Н. Князев, В. В. Пузиков, Н. В. Нехайчик, О. С. Макаров и многие другие авторитетные ученые и практики.

Содержание новой редакции Концепции как совокупности официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь характеризуется следующими элементами новизны:

во-первых, смещением парадигмальных акцентов от парадигмы защищенности в сторону парадигмы развития. Идеологема «безопасность через развитие» отражена во многих статьях документа. Так, в статье 3 отмечено, что Концепция «основана на взаимосвязи национальной безопасности и социально-экономического развития Республики Беларусь», главенство интересов социально-экономического развития зафиксировано в качестве принципа обеспечения национальной безопасности. В документе также широко используется понятие «устойчивое развитие». Функция системы обеспечения безопасности смещается от противостояния совокупности угроз к опережающему развитию [3];

во-вторых, имплементацией ряда положений и норм обновленной Конституции Республики Беларусь. В частности, определение национальных интересов дополнено положениями Основного Закона об общественном согласии, незыблемости народовластия и устоев правового государства. Впервые в совокупности стратегических национальных интересов отражена тема всемерной защиты белорусского народа «как уникальной исторической общности и единственного источника власти». Определение социальной безопасности дополнено положениями о национальной самобытности белорусского народа, а также указанием на традиционный характер духовно-нравственных ценностей, подлежащих защите. Подчеркнуто, что одним из направлений нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в политической сфере является формирование у населения активной гражданской позиции, готовности трудиться на благо страны, уважения к традиционным национальным ценностям, сохранению исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа;

в-третьих, уточнением и расширением понятийно-категориального аппарата. Редакции подвергнуты большинство основных понятий, содержащихся в действующей Концепции, в т. ч. таких, как «национальная безопасность», «угроза национальной безопасности», «источник угрозы национальной безопасности», «военная безопасность». Четко определены понятия и их соотношение в триаде «риск» – «вызов» – «угроза». При этом межведомственная рабочая группа исходила из того, что неадекватное определение их реального содержания может привести к несвоевременному обнаружению либо

даже к сокрытию истинных источников, способных нанести ущерб интересам личности, общества и государства, помешать определению приоритетов в обеспечении национальной безопасности, способствовать «распылению»;

в-четвертых, существенной коррекцией содержания национальных интересов (как стратегических, так и по основным сферам). Так, например, в числе основных национальных интересов определены «стратегическое партнерство и особые отношения Республики Беларусь с дружественными государствами, углубление евразийской интеграции». В свою очередь ослабление динамики интеграционных процессов в рамках интеграционных структур на евразийском пространстве рассматривается в качестве внешнего источника угроз в политической сфере;

в-пятых, институционализацией сферы биологической безопасности в качестве самостоятельного вида (элемента) национальной безопасности. В проекте документа под биологической безопасностью понимается состояние защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска;

в-шестых, расширением круга субъектов обеспечения национальной безопасности. В первую очередь имеется в виду такой новый конституционный орган, как Всебелорусское народное собрание, полномочия которого в сфере обеспечения национальной безопасности определены Конституцией Республики Беларусь на основании стратегических направлений развития общества и государства, внутренней и внешней политики (утверждение Военной доктрины, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и другие полномочия). Кроме того, в числе субъектов обеспечения национальной безопасности вместо общественных и иных организаций предложено более емкое понятие «институты гражданского общества», взаимодействующие с государством на основании предусмотренных законом норм и принципов;

в-седьмых, усилением внимания к вопросам безопасности функционирования критической инфраструктуры и критически важных объектов. В частности, конкретизировано содержание понятий «кризисная ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности» (ранее в нормативных правовых актах и специальных документах оно не определялось) и «антикризисное реагирование». В проекте документа указывается, что в случае возникновения кризисных ситуаций, требующих максимальных усилий государства, в соответствии с законодательством могут временно вводиться особые правовые режимы чрезвычайного или военного положения;

в-восьмых, совершенствованием системы индикаторов (показателей) состояния национальной безопасности. Так, введены новые оценочные показатели: валовый внешний долг; отношение краткосрочных платежей по погашению и обслуживанию госдолга в иностранной валюте к ЗВР; удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций; миграционный прирост.

В заключение необходимо отметить, что хотя новая конфигурация вызовов и угроз на внешнем контуре и внутри страны и создает предпосылки для корректировки ранее сложившихся и формирования новых представлений о безопасности и задачах ее обеспечения, она же таит в себе потенциал рисков, связанных с процессами выработки и реализации Концепции.

Процессы глобальной и региональной геополитической напряженности носят длящийся, незавершенный характер, сопровождаются снижением порога применения военной силы и возрастанием уровня опасностей и неопределенности. Некачественный анализ реальных и потенциальных военных и иных угроз национальной безопасности может привести к принятию стратегически ошибочных решений. Это свидетельствует о том, что в системе обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь решение проблемы совершенствования информационно-аналитической деятельности имеет исключительно важный характер.

Список цитированных источников

1. Рачков, С. А. Модельное законотворчество в сфере национальной безопасности на примере Парламентской Ассамблеи ОДКБ / С. А. Рачков // Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы Респ. межвед. науч.-практ. конф., Минск, 27 янв. 2022 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под науч. ред. О. Н. Солдатовой, А. И. Гордейчика, Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – С. 16–19.

2. Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы Респ. межвед. науч.-практ. конф., Минск, 27 янв. 2022 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под науч. ред. О. Н. Солдатовой, А. И. Гордейчика, Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – 320 с.

3. Макаров, О. С. К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа «безопасность через развитие» / О. С. Макаров // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 2. – С. 57–60.

*Д. А. Нехайчик,
магистр,
Республика Беларусь*

ТИПОВОЙ АЛГОРИТМ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ФОРМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ АКЦИИ

Под информационной акцией понимается ограниченное по масштабам и времени информационное воздействие на конкретный информационный объект, группу объектов противоположающей стороны.

Проведение информационных акций – сложный процесс, охватывающий различные сферы деятельности, в том числе аналитику, журналистику, информационную политику, социологию, психологию, право, экономику, разведку и т. д., и состоящий из ряда этапов.

Как правило, типовой алгоритм проведения акции включает следующий порядок действий исполнителя:

оценка складывающейся обстановки, изучение имеющихся материалов, верификация данных;

планирование и формулирование целей информационной акции;

определение и изучение объекта воздействия, легализация оперативных данных;

разработка содержания психологического воздействия (формы, методы и приемы воздействия), определение используемых сил и средств;

оказание информационно-психологического воздействия на объект;

контроль за реакцией объекта и эффективностью оказанного воздействия;

верификация данных, полученных в результате мероприятий ИПб, для возможной корректировки информационного воздействия.

По своей сути этапы проведения информационной акции схожи со стадиями проведения оперативно-розыскных мероприятий – от получения первичной оперативной информации до ее реализации в рамках судебного производства.

Информационная акция начинается с анализа и оценки оперативной обстановки, поисковой работы в сети Интернет и мониторинга, в том числе автоматизированного, открытых источников

информации. По результатам аналитической работы выделяются риски и угрозы в информационной сфере, выявляются информационные вбросы и поводы, способные вызвать широкий общественный резонанс. В ходе мониторинга первоочередному анализу подлежат социально значимые интернет-ресурсы, пользующиеся популярностью у аудитории, а также средства массовой информации враждебных государств.

Для оценки информационной обстановки и прогнозирования вызовов, рисков и угроз наравне с интернет-мониторингом также используются материалы аналитических и иных структур государства (например, Белорусского института стратегических исследований), т. н. фабрик мыслей.

Осуществляется поиск и обобщение документальных материалов, компрометирующих объект воздействия (фото-, аудио- и видеофайлы, в том числе полученные из оперативных и открытых источников). Полученные от негласных источников материалы подлежат легализации, прорабатывается легенда по их зашифровке.

На основании анализа информационной обстановки и ее прогноза, а также выявленных угроз заинтересованным подразделением делаются выводы, с учетом компетенции определяются объекты и цели воздействия, выбирается форма мероприятий информационного противоборства.

При проведении информационных акций оборонительного характера первоочередным является выявление информационных вбросов противника.

Характерные черты информационного вброса:

анонимность источника информации, ссылка на анонимных авторитетных экспертов, невозможность установления первоисточника;

высокий интерес к теме, проявляющийся в большом проценте информации, посвящаемой определенной тематике;

постоянный «подогрев» и поддержание темы незначительными фактами;

высокий уровень эмоциональности и агрессивности информации, который может проявляться как отдельно на уровне заголовков или текста, так и совместно;

создание и тиражирование определенных мемов, «хештегов»;

сопровождение сообщений фотографиями, карикатурами или видео, содержащими нерелевантную информацию, но с нужными пояснениями.

При проведении информационной акции подлежат анализу следующие ключевые факторы, которые отражаются в плане мероприятий информационного противоборства:

характеристика объекта информационного воздействия и защиты;
целевая аудитория;
формы, способы, приемы, последовательность и сроки выполнения мероприятий;
силы и средства, привлекаемые к ведению информационного противоборства, и их распределение по решаемым задачам;
формы и порядок контроля за эффективностью мероприятий ИПб.

На завершающей стадии проводится анализ достигнутых результатов. В обязательном порядке делается вывод о достижении поставленной цели информационной акции. Для акций, направленных на массовую аудиторию, осуществляется мониторинг открытых источников информации, используемых целевой аудиторией. Для оценки эффективности мероприятий также используются специфические средства спецслужб, результаты оперативно-технических мероприятий, мониторинга тематических интернет-ресурсов, форумов, сообществ в социальных сетях.

По окончании реализации информационной акции осуществляется оценка эффективности проведенных мероприятий, обобщается реакция объекта воздействия, полученная с использованием средств объективного контроля.

Предлагаемый типовой алгоритм проведения информационных акций позволяет повысить эффективность работы субъектов информационного противоборства, предоставляет возможность комплексного использования имеющихся гласных и негласных сил и средств для защиты собственного информационного пространства.

Список цитированных источников

1. Государственная политика информационной безопасности и информационное противоборство : учеб. пособие / В. Ю. Арчаков [и др.]. – 2-е изд., стереотипное. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – 227 с.

2. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – 3-е изд. – М. : Горячая линия – Телеком, 2016. – 542 с.

3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Панарин, И. Н. Технология информационной войны / И. Н. Панарин. – М., 2003. – 320 с.

Д. В. Перевалов,
кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современное общество характеризуется переходом к качественно новому состоянию – информационному обществу, в котором отмечается подавляющее влияние новых информационных технологий на все сферы общественной жизни, обусловленное лавинообразным развитием систем передачи данных. Разработка новейших технологий, которые призваны обеспечить потребности личности и общества в информации, влечет за собой поступательное развитие новых средств коммуникации, рост их производства и модификации. Вместе с тем трансформация общества в условиях информационной революции формирует новые угрозы информационной безопасности как отдельных государств, так и конкретных регионов. Актуальной данная проблема является и для государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, в том числе и Республики Беларусь.

Так, число кибератак в мире в 2021 году выросло на 50 % по сравнению с 2020 годом. В России количество атак увеличилось на 54 %. Экспертами отмечается, что большая часть кибератак в 2021 году пришлась на государственные учреждения – почти 20 % преступлений. В 10 % случаев жертвами кибермошенников становятся промышленные предприятия, по 8 % атак направлены на медицинские и образовательные учреждения, а также финансовые организации. При этом хакерским атакам во многих случаях подвергаются объекты, которые в Беларуси отнесены к критически важным объектам информации (далее – КВОИ) – IT-инфраструктуры топливно-энергетических, производственных, транспортных, информационно-коммуникационных, коммунальных, финансовых и других систем жизнеобеспечения государства и населения. В России в 2021 году было зафиксировано свыше 300 кибератак, совершенных профессионалами, что на треть превышает показатели 2020 года. При этом абсолютное большинство (92 %) проведенных попыток профессиональных кибератак было направлено на объекты критической

информационной инфраструктуры (далее – КИИ) – государственные организации, предприятия энергетики, промышленности и военно-промышленного комплекса. В результате киберпреступлений российские компании понесли колоссальные убытки, по некоторым оценкам они достигают 6 трлн рублей. Основной ущерб связан с последствиями инцидентов – хищением денежных средств со счетов, выходом из строя оборудования, а также с перерывами в хозяйственной деятельности организации. В Беларуси в 2021 году установлено около 1 100 кибератак, которые были осуществлены в том числе и на КВОИ.

Специалисты отмечают, что объектам критической инфраструктуры и органам власти важно в принципе не допустить реализации кибератак. Это требует принципиально нового подхода к выстраиванию информационной безопасности. Однако они говорят в первую очередь о мерах технического, аппаратно-программного характера. Вместе с тем требует совершенствования и правовое регулирование обеспечения безопасности КВОИ. Учитывая это, в современный период в Беларуси можно выделить ряд проблем в рассматриваемой сфере правового регулирования.

1. Пробелы в формировании системы правовых норм, регулирующих обеспечение безопасности КВОИ. В настоящее время рассматриваемая сфера правового регулирования распространяется: на деятельность владельцев КВОИ по обеспечению информационной безопасности соответствующих объектов; деятельность уполномоченных государственных органов, осуществляющих контроль в этой сфере; противоправную деятельность лиц, создающих угрозы информационной безопасности КВОИ. Деятельность первых двух групп в современный период в целом урегулирована актами законодательства. Вместе с тем видится, что объем регулирования деятельности владельцев КВОИ является недостаточным. Так, например, руководство профильного управления Федеральной службы по техническому и экспортному контролю Российской Федерации (далее – ФСТЭК) считает, что одним из главных условий сложившейся ситуации в сфере обеспечения безопасности объектов КИИ является невыполнение владельцами таких объектов требований законодательства о безопасности КИИ (в первую очередь требований Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»). Например, многие пытаются уклониться от реализации федерального закона: с одной стороны, не относят себя к субъектам КИИ, несмотря на то, что все прямые и косвенные признаки на это указывают; с другой –

отрицают, что у них есть объекты КИИ, которые необходимо категорировать; ряд владельцев объектов КИИ нарушают сроки предоставления перечней объектов КИИ и т. п. Для решения указанных проблем ФСТЭК во взаимодействии с заинтересованными государственными органами в начале 2021 года был разработан и внесен в Государственную Думу РФ проект закона, предусматривающий изменения и дополнения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения административной ответственности за нарушение норм законодательства о безопасности КИИ, который был принят 26 мая 2021 г. В указанный Кодекс введены: ст. 13.12.1, устанавливающая ответственность за нарушение требований в области обеспечения безопасности КИИ Российской Федерации; ст. 19.7.15, закрепляющая ответственность за непредставление сведений, предусмотренных законодательством в области обеспечения безопасности КИИ Российской Федерации. Представляется, что рассмотренная ситуация является характерной и для Республики Беларусь. В связи с этим видится целесообразным внести соответствующие изменения и в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Основным способом борьбы с противоправной деятельностью лиц, создающих угрозы информационной безопасности КВОИ, можно обоснованно рассматривать использование норм административного и уголовного права. Так, незаконные действия указанных лиц образуют следующие административные правонарушения и преступления: несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 23.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, ст. 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)); уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК); разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354 УК). При этом в Беларуси в 2021 году из всего числа совершенных киберпреступлений (16 446) по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 349 УК, было возбуждено 6,7 % (1 104) уголовных дел. По остальным статьям, предусматривающим ответственность за данные преступные деяния, уголовные дела не возбуждались. В Российской Федерации в 2021 году было возбуждено 70 уголовных дел из-за кибератак и другого неправомерного воздействия на КИИ. Это составило 0,013 % от всего числа возбужденных уголовных дел, связанных с киберпреступлениями (518 000). При этом отмечается, что половина уголовных дел, о которых идет

речь, касается использования программ, заведомо предназначенных для неправомерного использования на КИИ. Необходимо отметить, что в июне 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 274.1, которая устанавливает повышенную уголовную ответственность за неправомерное воздействие на КИИ Российской Федерации. Представляется, что в настоящее время подобные преступные деяния характерны и для Республики Беларусь. В связи с этим видится обоснованным внести соответствующие изменения и в УК.

2. Пробелы в правовом регулировании использования оборудования и программного обеспечения на КВОИ. Во многих случаях для обеспечения деятельности КВОИ используется иностранное оборудование и программное обеспечение. В РФ отмечают, что есть порядка 10–15 импортных программных продуктов, которые широко используют ведущие российские промышленные предприятия, ограничение или прекращение доступа к которым несет критические риски. Один из популярных продуктов – платформа передачи данных *PI System* от *Aveva* (изначально разрабатывалась *OSI Soft*). Если вендор решит отозвать лицензии, то крупнейшие нефтеперерабатывающие предприятия России останутся без системы диспетчеризации. Более того, 90 % непрерывных производств в России используют *PI System* в качестве базы данных реального времени, собирающую промышленную информацию, на основе которой осуществляется оперативное управление производством. Еще один пример – продукты для сбора данных и диспетчерского контроля уровня *SCADA*. В целях обеспечения технологической независимости и безопасности КИИ Президент России В. В. Путин 30 марта 2022 г. подписал Указ № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Данный документ предусматривает с 31.03.2022 запрет на закупку иностранного программного обеспечения для деятельности значимых объектов КИИ и услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения, а с 01.01.2025 – запрет на использование иностранного программного обеспечения на таких объектах.

Актуальность данного шага подтверждена последующими событиями. В начале июня 2022 г. Китайская Республика (Тайвань) в связи с военными действиями на территории Украины ограничила поставки в Россию любых чипов с тактовой частотой свыше 25 МГц, а также микросхем с количеством контактов до 144 единиц, а также литографического оборудования, которое может быть использовано для изготовления подобных микросхем (на долю Тайваня приходится

более 90 % такой продукции). Как отмечается, указанные микросхемы используются повсеместно: от компьютеров до автомобилей. Поэтому найти равноценную замену чипам и микросхемам будет крайне сложно. Кроме того, процессоры российского происхождения *Baikal* и «Эльбрус» также до недавнего времени собирались в Тайване. Беларусь при этом указана как страна, которая способна помочь РФ действовать в обход санкций.

Данные проблемы характерны и для Республики Беларусь. В связи с этим представляется необходимым уже сейчас начать разрабатывать комплекс организационно-правовых мер, в первую очередь в области правового регулирования разработки и использования оборудования и программного обеспечения для КВОИ. Такие меры могут включать как разработку и совершенствование национальных актов законодательства, регламентирующих отношения в данной области (например, по импортозамещению), так и заключение международных договоров с дружественными странами о кооперации в сфере разработки и использования соответствующих технических и программных продуктов для КВОИ.

И. Л. Петрик,

*кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТРОЕНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Геополитические изменения, произошедшие в конце XX в. – начале XXI в., стали основой для формирования «главного центра силы на мировой арене» – США. Подобная парадигма не предполагает видение ими большинства современных государств, в т. ч. Республики Беларусь, в качестве самостоятельных, значимых, независимых субъектов международных отношений.

Современные константы обеспечения национальной безопасности указанной группы государств являются объективными, определяются такими всеобщими процессами, как глобализация, информатизация, экономическое развитие, разведывательная и иная деятельность спецслужб противника. Одними из значимых констант в силу ряда причин являются:

1) неполная соразмерность системы мер обеспечения национальной безопасности государства интенсивности устремлений и конкретных действий спецслужб противника;

2) неполная адекватность системы мер обеспечения национальной безопасности государства характеру устремлений спецслужб противника.

Это выдвигает принцип асимметричности ответа в качестве реакции на вызовы и угрозы, формируемые действиями спецслужб противника, и необходимость построения соответствующей системы мер обеспечения национальной безопасности государства.

В современных исследованиях проблем обеспечения национальной безопасности широко используются различные общенаучные методы: математические, логические, комбинированные и другие.

Математические методы предоставляют исследователю возможность с большой степенью достоверности или с достаточно высокой математической точностью сделать тот или иной вывод или/и принять обоснованное управленческое решение. Это свойство ставит математические методы в число наиболее привлекательных и постоянно востребованных.

В основе логических методов лежат знания, опыт экспертов и их интуиция. Среди них можно выделить, например, методы экспертных оценок и сценариев.

Суть и преимущество использования комбинированных методов при исследовании проблем национальной безопасности состоит в возможности организации взаимодействия между профессионалами различных областей знаний (прогнозные оценки) для решения трудноразрешимых проблем с использованием современного математического моделирования для отработки возможных сценариев развития ситуации.

А. В. Возжеников предлагает технологию использования комбинированных методов для исследования проблем национальной безопасности [1, с. 51–54], которую структурно можно представить в виде повторяющихся циклов, каждый из которых состоит из следующих этапов: 1) прогнозируется развитие геополитической обстановки, взаимоотношений государств, возникновения конфликтов и т. п.; формулируются предположения, гипотезы, выполненные гуманитарными методами, а также методом математического моделирования; 2) на основании указанных прогнозов, предположений и гипотез разрабатывается «обобщенный сценарий», который содержит возможность «модельного воспроизводства» (необязательно в виде математической модели). «Сценарий» должен содержать описание всех существенных внешних воздействий на исследуемый процесс, а также формулировку задачи (проблемы, вопроса), которую предполагается исследовать; 3) разрабатывается модель, с помощью которой возможно решение задачи (проблемы, вопроса); 4) результаты модельного воспроизведения анализируются (интерпретируются) экспертами, которые разрабатывали прогнозы, давшие начало сценариям. Исходные сценарии уточняются, конкретизируются. Таким образом формируются новые сценарии и серии исследований.

Использование комбинированной методики позволяет разработать абстрактную модель определения приоритетности построения системы мер обеспечения безопасности в зависимости от объекта (проблемы) защиты.

Необходимо учитывать, что на практике не всегда объекты (проблемы) защиты и объекты (проблемы) устремлений спецслужб противника тождественны. Вместе с тем для целей моделирования представляется возможным допустить их идентичность с определенной степенью вероятности.

В предлагаемой модели определения приоритетности построения системы мер обеспечения национальной безопасности (для четырех видов зависимостей количественных характеристик) при условии S видов (категорий) объектов (проблем) защиты (и, следовательно, S видов (категорий) объектов (проблем) устремлений спецслужб противника), множество вариантов выбора перспективного направления построения системы контрразведывательных мер рассчитывается по формуле: $\sum_S = 4^S$.

Для примера четыре возможные ситуации по соотношению количественных показателей А, Б, В и Г для двух видов (категорий) объектов (проблем) защиты (№ 1 и № 2) (всего возможны шестнадцать ситуаций) представлены в таблице.

Таблица

Показатель	Условное значение указанного количественного показателя для определенного вида (категории) объекта (проблемы) защиты (устремлений спецслужб противника)	
	№ 1	№ 2
А – суммарное количество устремлений спецслужб противника за N-й промежуток времени к определенному виду (категории) объектов (проблем). Определяется статистическими методами.	MAX	MAX
Б – размер консолидированных расходов государства на обеспечение защиты определенного вида (категории) объектов (проблем). Определяется математическими методами.	MIN	MIN
В – возможные расходы спецслужб противника для достижения своей цели в отношении определенного вида (категории) объектов (проблем). Определяются методом экспертных оценок.	MIN	MAX
Г – размер предполагаемого вреда/ущерба определенному виду (категории) объектов (проблем) от реализации вызовов и угроз, формируемых деятельностью спецслужб противника. Определяется логическими, сценарными и математическими методами.	MAX	MIN

В результате анализа представленных характеристик по показателям А, Б, В, Г можно сделать следующий вывод: приоритетным направлением построения системы мер национальной безопасности

является вид (категория) объектов (проблем) защиты (устремлений спецслужб противника) № 1, так как при условии одинаковых затрат на организацию защиты № 1 и № 2 (Б) и одинаковой максимальной интенсивности устремлений (А), затратность для спецслужб противника (В) на причинение вреда объектам (проблемам) № 1 минимальна, а размер предполагаемого вреда/ущерба от реализации вызовов и угроз, формируемых деятельностью спецслужб противника (Г), максимален. Следовательно, объекты (проблемы) № 1 наиболее уязвимы от действий спецслужб противника.

Таким образом, для определения приоритетности построения системы мер обеспечения национальной безопасности возможно использовать математические, логические, экспертные, комбинированные методы.

Список цитированных источников

1. Возжеников, А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения / А. В. Возжеников. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 424 с.

В. А. Платонов,
Республика Беларусь

О РОЛИ ИНСТРУМЕНТОВ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА В ПОДБОРЕ КАДРОВ

Качественный персонал имеет первостепенное значение для способности спецслужбы решать задачи по предназначению. При этом в каждом ведомстве имеется собственное учебное заведение (академия, университет или, как минимум, центр специальной подготовки и повышения квалификации).

В зависимости от категории потенциальных кандидатов (школьники, студенты, специалисты, военнослужащие) формы и приемы работы по подбору отличаются.

В любом случае, нашей фокус-группой является современная молодежь, о которой часто говорят, что «они родились со смартфоном в руке». Это поколение живет и прекрасно себя чувствует в информационном пространстве Интернета. И здесь уместно вспомнить известную цитату основателя *Microsoft* Билла Гейтса: «Если вас нет в Интернете, значит, вы не существуете».

Что же можно узнать из Интернета о кадровой работе ведущих спецслужб? Наши зарубежные коллеги активно используют возможности и инструменты Интернета для взаимодействия с целевой аудиторией, максимально увеличивая количество так называемых «точек контакта» с потенциальными кандидатами для спецслужбы.

Официальный сайт используется для увеличения аудитории, усиления эффективности рекламы. Базовая страница содержит информацию о целях и задачах службы, имеющихся вакансиях и требованиях к кандидатам. Главная задача таких страниц – вербовка посетителя как потенциального сотрудника, побуждение к общению с представителями спецслужбы.

Так, через официальный сайт Агентства разведки Польши приглашаются на работу специалисты по различным направлениям деятельности, в том числе по кибербезопасности.

Национальная академия СБУ на своем официальном портале заывает военнослужащих сержантского состава и прапорщиков для замещения вакантных должностей охранников и техников.

Похожие объявления можно найти на сайтах БНД Германии, МИ-5, МИ-6 и др. Помимо информации о вакансиях перечислены требования к кандидатам, социальные гарантии, указан размер оплаты.

С одной стороны, деятельность абсолютно всех специальных служб носит закрытый характер, с другой – они активно используют приемы найма персонала, характерные для любой обычной организации – государственной и частной, крупной корпорации или небольшой фирмы.

В целях привлечения внимания к секретной службе и ее миссии разрабатываются геральдические символы, логотипы, девизы:

Агентство разведки Польши: «Служба в тени для Польши»;

МИ-6: «Опыт и знания разные – миссия одна».

На геральдическом знаке Департамента государственной безопасности Литвы изображен грифон (мифологическое существо с головой орла, крыльями и туловищем льва), который держит в лапах флаг с латинским девизом «*Patria et veritas*» («Родина и правда»).

Национальный разведывательный университет США приглашает своих студентов достаточно лаконично: «Твое время. Твое призвание. Твой университет».

Со времен КГБ СССР при подборе кадров внимание уделялось победителям различных олимпиад, конкурсов и викторин. Интернет предоставляет шикарные возможности для организации и проведения подобных мероприятий.

Академия ФСБ России уже 30 лет проводит межрегиональные олимпиады для учащихся 9–11 классов по пяти предметам – математике, физике, обществознанию, русскому и иностранным языкам. В качестве цели проведения организаторами заявлено **содействие профессиональной ориентации школьников.**

Интересен опыт Департамента госбезопасности Литвы о проведении конкурса научно-исследовательских работ по темам, значимым для национальной безопасности. К участию в конкурсе принимаются работы студентов бакалавриата и магистратуры литовских вузов. Конкурс способствует «достижению цели ДГБ по **информированию и просвещению общественности по вопросам, касающимся национальной безопасности**, повышению осведомленности граждан об угрозах национальной безопасности и **укреплению общественной устойчивости**».

В 2016 году главным управлением внутренней безопасности Франции был проведен конкурс среди лицестов под названием «Алькинди». Испытуемым предлагалось взломать цифровой шифр. Участие в конкурсе приняли более 16 тысяч человек, с заданием справились единицы.

В настоящее время конкурс «Алькинди» проводится ежегодно под эгидой Министерства образования Франции. Участникам предлагается **серия интерактивных задач для изучения различных аспектов криптоанализа.**

На сайте главного управления внутренней безопасности Франции размещена **интерактивная игра для молодежи**, знакомящая с деятельностью организации. Как и в компьютерной игре участник выбирает роль, проходит миссию, повышает свой статус с помощью различных бонусов и артефактов. И получает по сценарию игры подсказки от «оперативных сотрудников», «аналитиков», «экспертов», а заодно знакомится с их работой. Участнику показывается особая роль национальной спецслужбы, а также роль лиц, оказывающих им содействие, т. е. героев игры.

На информационном ресурсе МИ-5 любой желающий может пройти **онлайн-тесты** на проверку аналитических или языковых навыков, наблюдательности и, в зависимости от результатов, **попасть в поле зрения кадровой службы как потенциальный кандидат.**

Главная цель подобных игровых тестов, развлекательных викторин и конкурсов – **привлечение внимания молодежи к службе.**

Можно с определенной долей скепсиса относиться к интерактивным викторинам под эгидой спецслужб, но не стоит сбрасывать со счетов рекомендации педагогов о применении игровых технологий в обучении молодежи.

У наших коллег из западных спецслужб есть официальные сайты в Интернете, страницы в Инстаграме, Твиттере, Фейсбуке, Линкедине, чат-боты в Телеграме.

Собственные информационные порталы есть у отдельных учреждений образования иностранных спецслужб – Академии ФСБ, Национального разведывательного университета США, Национальной академии СБУ.

Хотел бы отметить еще некоторые приемы работы наших коллег в Интернете. В частности, речь и **о контекстной и имиджевой рекламе, а также о так называемых «продающих текстах».**

Предлагаю прочесть и сравнить тексты, взятые на официальных сайтах двух разведслужб – СВР и МИ-6.

Мы специально подчеркнули слова, которые формируют у читающего образ разведчиков СВР: **уникальные** люди, обладающие **особыми** качествами, **талантливые**, хорошо образованные, **настойчивые** и **целеустремленные**, **уверенные** в правильности своего выбора, профессионалы своего дела, **искренне любят** свою Родину и **готовы к испытаниям.**

Не уступают разведчикам СВР и разведчики Великобритании: они **креативны и решительны, используют передовые технологии, честные, мужественные, дружелюбные, «нормальные люди, занимающиеся необычными делами».**

В открытых источниках можно найти видеоконтент, который используется для рассылки потенциальным кандидатам.

В 2018 году Агентство разведки Польши организовало совершенно не характерную для специальной службы информационную кампанию в СМИ и разместило в открытом доступе 2 видеоклипа: **о наборе персонала и имиджевый** – о службе и ее сотрудниках. Короткие ролики тогда наделали шумихи в польском обществе, но заданной цели достигли: шокировали, привлекли внимание, вызвали жаркую дискуссию, заинтересовали и мотивировали потенциальных кандидатов заполнить анкеты о приеме на службу.

Новаторская и эффективная информационная кампания Агентства разведки по времени совпала с общественным обсуждением «глубокой реформы польских спецслужб». Согласно официальному комментарию, агентство применило «отважную формулу выстраивания имиджа и престижа организации». На самом деле мы наблюдали реализацию опыта ведущих западных специальных служб по проведению информационных операций и управлению общественным мнением.

В качестве выводов выделю три важных **преимущества** использования инструментов Интернета в подборе кадров для специальной службы: **интерактивность, удар точно в цель, веб-аналитика.**

Несколько слов о веб-аналитике – это сбор, анализ и интерпретация информации о посетителях сайта для того, чтобы **выявить и понять причины их действий.** Важность веб-аналитики настолько высока, что даже крупные компании рискуют **затеряться в информационном поле,** если будут игнорировать аналитические данные или неграмотно их интерпретировать.

Полагаю, что комплексное применение возможностей Интернета в дополнении с традиционными подходами значительно повышает эффективность и качество работы по подбору сотрудников для спецслужбы.

И. С. Радковец,
кандидат психологических наук,
Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ КОЛЛЕКТИВА КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иногда мы не обращаем внимания на простые и очевидные, но в то же время значимые вещи. В природе состояние любого объекта, и живого и неживого, зависит от среды, в которой он находится. Состояние же человека зависит от окружающей его социальной среды – это азы социальной психологии. Социальной средой сотрудников силовых структур являются служебные коллективы. Следовательно, морально-психологическое состояние сотрудников зависит от обстановки в тех коллективах, где они работают.

Эту обстановку в обиходе мы привыкли называть различными терминами, однако с научной точки зрения наиболее приемлемой будет дефиниция «социально-психологический климат». На взгляд автора, при трактовке этого понятия ближе всего к сущности рассматриваемого явления находится видение американской научной школы, в котором под социально-психологическим климатом подразумевается групповое настроение, сформированное под воздействием на личность рабочей среды организации, при согласованности восприятия этого воздействия всеми членами команды [1].

Весьма любопытным является факт выхода научной мысли на эту проблему. Впервые определяющее влияние социально-психологического климата на эффективность деятельности было выявлено случайно в ходе Хоторнского эксперимента, проведенного в 30-х годах прошлого столетия на заводе «Вестерн Электрик». Группа исследователей под руководством О. Мэйо изучала влияние различных факторов (освещенность, количество и продолжительность перерывов и др.) на производительность труда работников, занимавшихся сборкой телефонных реле. Исследователи неожиданно обнаружили, что значительное влияние на повышение эффективности деятельности оказали изменения социальной среды (доброжелательное отношение к нуждам и запросам работников, повышение их информированности о целях деятельности, привлечение к участию в принятии решений и др.) [2].

Позже военные психологи, изучавшие поведение военнослужащих в сложных ситуациях, пришли к выводу, что наиболее значимыми для бойцов являются те люди, которые борются рядом и разделяют с ним тяжелую участь, а первичное подразделение, в котором действует солдат и которому он привержен, определяет его поведение [3]. А. С. Макаренко считал коллектив самым мощным фактором воздействия на личность [4].

Сегодня определяющие влияние социально-психологического климата на деятельность не ставится под сомнение. Рассматривая проблематику информационной безопасности и основываясь на современном научном знании применительно к сфере психологической борьбы, мы можем утверждать, что и информационная безопасность личности напрямую зависит от обстановки в коллективе, в котором эта личность находится.

Как это работает? В качестве теоретической основы психологического механизма защитного влияния социальной среды целесообразно рассмотреть теорию поля Курта Левина [5], согласно которой поведение человека зависит от непрерывного взаимодействия человека и окружения, когда личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов. Группа здесь рассматривается как динамическое поле, где совокупное поведение складывается из сил, действующих на него.

Интерпретируя взгляды К. Левина применительно к сфере информационно-психологического противоборства, приходим к выводу, что от негативного информационно-психологического воздействия легче защитить индивидов, организованных в группу, чем любого из них по отдельности.

В сплоченном коллективе с благоприятным социально-психологическим климатом включаются в действие психологические механизмы подражания, заражения и внушения. Люди подхватывают настроения и мнения друг друга. Работнику в коллективе с благоприятным климатом комфортно, для него гораздо важнее то, что происходит внутри коллектива, и уменьшается значимость событий вне коллектива. В таких условиях приоритет отдается информации, транслируемой руководителем и лидерами общественного мнения коллектива, информации официальной, распространяемой в служебных интересах.

В коллективе с благоприятным социально-психологическим климатом формируется здоровый эмоциональный фон, достигаются взаимопонимание и доверие между коллегами, складываются отношения взаимоуважения и дружбы. Они готовы к взаимопомощи

и поддержке друг друга. Для такого коллектива характерна слаженность и сплоченность, он способен к самоорганизации, а руководитель пользуется высоким авторитетом. Это коллектив единомышленников, в нем формируется своя внутренняя атмосфера, защищающая от внешнего проникновения. Эта атмосфера генерирует своеобразное поле коллективного противодействия негативным информационным явлениям и создаются барьеры для проникновения в сознание людей посторонней деструктивной информации.

Следовательно, эффективная система информационной безопасности должна основываться прежде всего на создании благоприятного социально-психологического климата в коллективах.

По результатам современных исследований основными факторами социально-психологического климата служебных коллективов являются управленческий, социально-психологический, стимуляционный, служебно-профессиональный, организационный, фактор перспектив и индивидуальный [6].

Поэтому основными направлениями работы по формированию благоприятного социально-психологического климата и обеспечению информационной безопасности в современных условиях должны стать следующие.

1. Укрепление авторитета и совершенствование стиля управления руководителя, повышение его управленческой компетентности, улучшение качества взаимоотношений начальника с подчиненными, учет руководителем индивидуальных особенностей сотрудников, проявление заботы о них.

2. Улучшение качества взаимоотношений в коллективе по горизонтали, развитие и популяризация взаимопомощи среди сотрудников, сплочение коллектива, формирование команд исходя из психологической совместимости сотрудников.

3. Создание эффективной системы морального и материального стимулирования, адекватная оценка труда, соблюдение справедливости при распределении объемов работы и вознаграждений по результатам служебной деятельности.

4. Разъяснение сотрудникам целей совместной деятельности коллектива, улучшение качества организации и условий служебной деятельности, соблюдение гигиены труда, повышение уровня профессиональной подготовленности сотрудников.

5. Строгое соблюдение норм, формальных и неформальных правил поведения сотрудников. Формирование и поддержание традиций в коллективе.

6. Обеспечение карьерной уверенности сотрудников, формирование видения ими перспектив своего служебного роста.

Таким образом, социально-психологический климат служебного коллектива – основа информационной безопасности. Создание благоприятного социально-психологического климата и сплочение коллектива являются простым, эффективным и не требующим значительных материальных затрат способом укрепления информационной безопасности.

Список цитированных источников

1. Celisson, C. The cross-level effects of culture and climate in human service teams / C. Celisson, R. Lawrence // J. of OECD Behavior. – 2002. – Vol. 23, № 6. – P. 767–794.

2. Копец, Л. В. Классические эксперименты в психологии / Л. В. Копец. – Киев : Киево-Могилянская академия, 2010. – 324 с.

3. Middleton, D. Racial clashes said to hinder Soviet forces : [this recent analysis of Sov. military strength appears to have as its primary purpose the discounting of the Soviet milit. threat to the US and its allies] / D. Middleton // New York Times. – 1982. – 11 July. – P. 9.

4. Макаренко, А. С. Сочинения : в 7 т. / А. С. Макаренко. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – Т. 5 : Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе. – 558 с.

5. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин ; пер. Е. А. Сурпиной. – М. : Академический проект, 2020. – 313 с.

6. Методика оценки микроклимата в коллективах органов государственной безопасности (по результатам исследований) : отчет о НИР (заключ.) / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; рук. П. А. Мальнев ; исполн. И. С. Радковец. – Минск, 2019. – 73 с.

*А. В. Сивцов,
Республика Беларусь*

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УСТРОЙСТВА ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРАЗВЕДКИ СССР НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Накануне Великой Отечественной войны военная контрразведка осуществляла борьбу с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и антисоветскими проявлениями в воинских частях и учреждениях Красной Армии, подразделениях ВМФ, а также войсках НКВД. Указанные задачи были определены постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г., в соответствии с которым переданные из Главного управления государственной безопасности НКВД СССР в НКО СССР особые отделы были переименованы в Третьи Управления НКО и НКВМФ, а при НКВД организован 3-й отдел с функциями чекистского обслуживания пограничных и внутренних войск НКВД [1, с. 53].

С началом войны задачи были конкретизированы применительно к боевой обстановке. Например, в директиве 3-го Управления НКО СССР от 22 июня 1941 г. «О задачах органов 3-го Управления в связи с началом военных действий по отражению агрессивного нападения фашистской Германии на СССР» начальникам 3-х отделов было предписано создавать резидентуры в воинских частях и соединениях, выбывающих в районы боевых действий, где выявлять агентуру нацистских разведорганов и антисоветские элементы, не допускать разглашения военнослужащими государственной и военной тайны, а также вскрывать недочеты командования, отрицательно влияющие на выполнение войсками боевых задач. В директиве 3-го Управления НКО СССР от 27 июня 1941 г. «О работе органов 3-го Управления НКО в военное время» определены основные функции военной контрразведки, направленные на организацию агентурно-оперативной работы в подразделениях Красной Армии, тылах, обеспечивающих действующие на фронте части, среди гражданского населения, борьбу с дезертирством и работу на территории противника. Указанные задачи также выполняли 3-е Управление НКВМФ и 3-й отдел НКВД [2, с. 37–38; 3, с. 8].

В целях оптимального противодействия нацистским спецслужбам в соответствии с постановлением ГКО СССР от 17 июля 1941 г. органы 3-го Управления как в действующей армии, так и в военных округах от отделений и выше были реорганизованы в особые отделы, а 3-е Управление – в Управление особых отделов, и вновь переданы в НКВД СССР. Главными задачами особых отделов на период войны являлись борьба со шпионажем, предательством и дезертирством в Красной Армии, а также войсках НКВД. Постановлением ГКО от 10 января 1942 г. органы 3-го Управления НКВМФ были также преобразованы в особые отделы [3, с. 10; 4, с. 148].

В силу коренных изменений, произошедших в военно-политической обстановке на фронте, 19 апреля 1943 г. принято постановление СНК СССР «О реорганизации Управления особых отделов, НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО «Смерш». В соответствии с НПА 9-й (морской) отдел УОО НКВД был преобразован в УКР «Смерш» НКВМФ, а на базе 6-го отдела УОО НКВД был создан ОКР «Смерш» НКВД. Вновь оптимизированная структура военной контрразведки ввиду ее эффективности просуществовала до конца войны [4, с. 108–113; 5, с. 202].

Следует отметить, что наиболее важными подразделениями фронтовой контрразведки НКО являлись [6, с. 208–209]:

1-й отдел, занимавшийся агентурно-оперативной работой в штабе и управлении фронта;

2-й отдел, осуществлявший контрразведывательную работу на стороне противника в целях выявления каналов проникновения его агентуры в части и учреждения Красной Армии, боролся с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой на советскую сторону, работал среди военнопленных (представляющих интерес для органов «Смерш»), проверял военнослужащих Красной Армии, бывших в плену и окружении противника;

3-й отдел, который вел борьбу со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок, с антисоветскими элементами, предательством, дезертирством и членовредительством в соединениях и частях фронта;

4-й отдел, осуществлявший ведение следственной работы.

УКР «Смерш» НКВМФ состояло из четырех отделов (1-й отдел курировал центральные органы ВМФ, 2-й осуществлял руководство органами «Смерш» флотов и флотилий, 3-й координировал деятельность органов «Смерш» гарнизонов, тыловых органов, учреждений ВМФ, 4-й отвечал за оперативный учет и статистику) и следственной

части. ОКР «Смерш» НКВД состоял из 6 отделений (1-е осуществляло агентурно-оперативную работу по центральным направлениям войск НКВД, 2-е руководило агентурно-оперативной деятельностью отделов «Смерш» в охране войскового тыла фронтов, 3-е координировало агентурно-оперативную работу отделов «Смерш» в пограничных войсках, 4-е – во внутренних, железнодорожных, промышленных, конвойных войсках НКВД и местной противовоздушной обороне, 5-е вело следственную работу, 6-е занималось организационно-мобилизационной деятельностью) [4, с. 149, 154].

Вновь сформированные органы контрразведки «Смерш» осуществляли борьбу со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок, с антисоветскими элементами, предательством, изменой Родине, дезертирством и членовредительством в частях и учреждениях Красной Армии, подразделениях ВМФ, войсках и военизированных формированиях НКВД, а также выполняли специальные задания ГКО. Во взаимодействии с командованием проводили заградительные мероприятия [7, с. 268–269].

Материалы архивных фондов Беларуси свидетельствуют о том, что в число важнейших направлений деятельности военной контрразведки в период Великой Отечественной войны также входило документирование преступлений оккупантов по уничтожению населения [8; 9].

В 1944 году обострилась проблема, связанная с мобилизацией граждан в армию. В воинские части поступали лица из освобожденных советскими войсками территорий, бывшие военнопленные и скрывавшиеся в 1941–1943 гг. дезертиры. В целях контрразведывательного обеспечения вновь создаваемых военкоматов, а также фильтрационных объектов расширялись штаты и создавались новые отделы военной контрразведки [10].

Таким образом, в апреле 1943 г. структура органов военной контрразведки обрела оптимальное состояние для борьбы с вызовами и угрозами безопасности советского государства в условиях изменившейся обстановки на фронтах войны.

Список цитированных источников

1. Гераскин Б.В. Военная контрразведка и армия: записки ветерана органов военной контрразведки. – М.: Кучково поле, 2011. – 352 с.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. [в 6 т.] / Акад. федер. службы контрразведки Рос. Федерации ; авт.-сост.: В.П. Ямпольский [и др.]. – М.: Русь, 1995–2014. – Т. 3, кн. 1 : Крушение «Блицкрига», 1 января – 30 июня 1942 г. – 2003. – 704 с.
3. Север А. «Смерш». – М.: Вече, 2020. – 349 с.
4. Военная контрразведка: история, события, люди: в 2 кн. / В. С. Христофоров (рук.) [и др.]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – Кн. 1. – 256 с.
5. Сыромятников Б.А. Трагедия СМЕРШа: откровения офицера-контрразведчика. – М.: Яуза : Эксмо, 2009. – 477 с.
6. Смирнов Н.И. Военные контрразведчики Беларуси: память, люди, операции. – Минск: Белпринт, 2014. – 352 с.
7. Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – 2-е изд., доп. – М.: Русь, 2003. – 310 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.
9. Зональный государственный архив в г. Мозыре. – Ф. 310. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–6.
10. Государственный архив Брестской области. – Ф. 7580-П. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–2, 13–14.

*В. К. Скляр,
Республика Беларусь*

О РОЛИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ВЫЯВЛЕНИИ КАНАЛОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ событий поствыборного периода в Республике Беларусь указал на системную «целевую» иностранную финансовую поддержку деструктивной политизированной деятельности в нашей стране.

Следует отметить, что событиям августа 2020 г. под видом выработки мер по улучшению условий функционирования НКО в Беларуси предшествовала проведенная при поддержке ЕС аналитическая проработка действующего законодательства Республики Беларусь, направленная в т. ч. на изучение возможных каналов финансирования т. н. инициатив по развитию гражданского общества в стране. Выводы данного исследования, проведенного в 2016 году Белорусским институтом стратегических исследований (*BISS* зарегистрировано в Литве, финансируется грантовыми программами ЕС), коррелируют с выявляемыми впоследствии путями оказания финансовой поддержки протестной активности в Республике Беларусь [1].

Результаты проводимых оперативных мероприятий позволили определить основные источники финансирования деструктивной деятельности, которыми на начало 2020 года выступали различные фонды, благотворительные организации и физические лица из США и стран Европы. При этом материалы проведенных в указанный период оперативно-розыскных мероприятий свидетельствовали, что изначально денежные средства под видом оплаты грантов и исследований поступали в Польшу и Литву на счета различных НКО, а после через посреднические структуры обналачивались и ввозились в Беларусь «волонтерами».

Проведенные оперативно-розыскные мероприятия показали, что наиболее распространенными инструментами финансирования, используемыми деструктивными силами, стали сбор денежных средств на различных электронных платформах (краудфандинг и т. п.), а также прямые переводы между физическими лицами. В обоих случаях для обналачивания использовались карты иностранных банков, криптовалютные и электронные кошельки.

Относительно новым для Беларуси элементом финансирования протестной деятельности стал сбор средств в криптовалюте с последующим выводом денежных средств через электронные кошельки на белорусские банковские карты, организованный краундфайндинговыми площадками, экстремистскими формированиями под видом различных гражданских инициатив.

В частности, в 2020 году в Беларуси фиксировалась активная деятельность 4 краудфандинговых площадок «Улей» (*Uley.by*), «Имена» (*Imenamag.by*), «Талакошт» (*Talaka.org*) и «МолаМола» (*Molamola.by*). При этом достоверно установлена причастность каждой из них к поддержке протестующих, участников забастовок, «правозащитников» и иных активистов.

Наиболее значимыми финансовыми инициативами стали *BYHELP* и фонд солидарности *BYSOL*, которые летом – осенью 2020 г. за непродолжительное время смогли собрать более 8 млн долларов США пожертвований, направленных в последующем на деструктивные цели. Деятельность указанных инициатив в настоящее время продолжается, в то же время пик их активности пришелся на конец 2020 года.

Кроме того, получена информация об использовании для финансирования протестной деятельности ввозимых физическими лицами иностранных банковских карт (вместо наличных), что позволяло избегать рисков их изъятия при пересечении границы. Так, в 2020 году в Беларуси только по 5 широкоиспользуемым международным платежным системам (*Paysera, Transferwise, BlackCatCard, Revolut, Payoneer* и др., всего не менее 200) установлено использование более 14 тыс. иностранных банковских карт, с помощью которых совершено свыше 548 тыс. операций.

Анализ имеющихся данных свидетельствует, что описанные механизмы финансирования целенаправленно использовались «донорами» в связи с трудностями их эффективного оперативного мониторинга и пресечения фискальными, правоохранительными и иными контролирующими органами.

Дополнительным негативным аспектом широкого распространения подобных механизмов финансирования являлось публичное освещение фактов оказания такой помощи и безнаказанности как плательщиков, так и получателей денег. В таких условиях применение административных мер (штрафов) к участникам деструктивных действий не имело должного профилактического эффекта, поскольку нивелировалось ожидаемой финансовой поддержкой и компенсацией понесенных расходов.

На основании проведенного анализа материалов оперативно-розыскной деятельности по инициативе правоохранительных органов были подготовлены соответствующие изменения в административное и уголовное законодательство.

В частности, положения статьи 24.23 «Нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий» КоАП Республики Беларусь были дополнены частью 7, которая предусматривает привлечение к ответственности лиц, получивших денежные вознаграждения от экстремистских зарубежных фондов, обусловленных их привлечением к ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий [2].

В настоящее время осуществляется формирование административной практики привлечения к ответственности лиц, получающих денежные средства от зарубежных фондов с целью возмещения расходов, обусловленных привлечением их родственников к ответственности за нарушение порядка проведения массовых мероприятий.

Кроме того, Указом Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» предусмотрено ведение реестра адресов указанных цифровых активов, попавших в поле зрения правоохранительных и контролирующих органов [2].

Таким образом, проводимые мероприятия позволили выявить механизмы финансирования противоправной деятельности, которые носят транснациональный характер. С целью пресечения указанных каналов финансирования реализованы правовые механизмы привлечения лиц к установленной ответственности.

Вопросы противодействия финансированию деструктивной деятельности в настоящее время находятся в фокусе первостепенных задач правоохранительных органов стран постсоветского пространства в ходе осуществления защиты конституционного строя и независимости суверенных государств.

Список цитированных источников

1. Материалы исследования Белорусского института стратегических исследований «Меры по улучшению условий для функционирования НКО в Беларуси». – Режим доступа: https://belinstitute.com/sites/default/files/2020-05/BISS_SA13_2016ru_part_1.pdf. – Дата доступа: 04.10.2022.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 04.10.2022.

*А. В. Слипенко,
Республика Беларусь*

*А. А. Пустовойт,
Республика Беларусь*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФЕЙКОВ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО

В современных условиях сформировались благоприятные возможности использования информационных технологий в интересах отдельных лиц, группировок и государств для решения своих задач в ущерб другим политическим акторам. Эта тенденция отчетливо проявляется в деятельности террористических и экстремистских группировок, в которой все больше преобладает информационно-психологическая составляющая.

Негативное информационно-психологическое воздействие – это, прежде всего, манипулятивное влияние на личность, на ее представления, эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание; инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения субъектов к действиям в интересах отдельных лиц, групп или организаций [1].

Информационно-психологическое воздействие по сравнению с другими способами оказания давления на социальные и политические субъекты имеет ряд отличительных черт:

масштабные последствия (снижение темпов развития и даже распад государств; провоцирование крупномасштабных конфликтов между странами, этносами и конфессиями; формирование сепаратистских настроений в отдельных регионах по религиозному или этническому принципу и многое другое);

возможность создания комплексных информационно-психологических программ, позволяющих с минимальной затратой ресурсов оказывать влияние на глобальные процессы;

практическое отсутствие международных и национальных механизмов правовой защиты;

скрытность процессов манипулирования общественным сознанием;
минимальный материальный ущерб объекту воздействия при полном достижении поставленных геополитических целей [2].

Указанные особенности информационно-психологического воздействия дают основания полагать, что оно может стать наиболее распространенным и опасным оружием в XXI веке.

Еще примерно 500 лет до нашей эры китайский полководец Сунь-Цзы в своем «Трактате о военном искусстве» утверждал, что приоритетными в борьбе с противником являются сугубо информационные действия, посредством которых необходимо добиться «разрушения всего хорошего, что есть у врага, втянуть его выдающихся представителей в преступные действия, сделать их посмешищем перед обществом, использовать для сотрудничества самых отвратительных личностей» [4].

По мере развития средств массовой информации и коммуникационных технологий информационное противоборство становится все более масштабным и результативным. Массированное использование информационных ресурсов позволяет управлять общественным мнением вплоть до изменения системы ценностей широких масс населения.

В связи с этим возник ряд новых вызовов и угроз безопасности личности, обществу и государству в самых различных сферах: политической, экономической, социальной, а также появились новые требования, предъявляемые к деятельности специальных служб по противодействию этим угрозам.

На текущий момент коллективным Западом против Республики Беларусь осуществляются действия, которые можно трактовать как информационную войну. Она выступает в качестве одного из инструментов внешнего вмешательства и средством достижения военно-политических целей. При этом ключевую роль в современной информационной войне играет дезинформация целевой аудитории, т. н. фейки.

Фейк можно трактовать как заведомо ложный или искаженный информационный вброс, новость, сообщение, ставящее перед собой цель дезинформировать государственные органы, общественные объединения или отдельные категории граждан. Одной из его целей является создание предпосылок к побуждению человека, группы лиц или государственных органов к принятию некорректных решений, наносящих ущерб обществу и государству в целом в краткосрочной или долгосрочной перспективе [3].

В свою очередь схожее деструктивное воздействие оказывает близкое к фейку понятие «постправды», когда не обязательно ложная информация вырывается из контекста или за счет апелляции к эмоциональной составляющей объекта воздействия искажается ее восприятие вплоть до противоположного.

Информационное пространство Республики Беларусь насыщено фейковой информацией, распространяемой т. н. независимыми СМИ, блогерами в социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах. При этом широта и скорость их распространения обеспечиваются деструктивно настроенной аудиторией, которая не перепроверяет источник информации и содержащийся в нем контент, тиражирует их по принципу «сарафанного радио» путем репостинга в своем окружении. Этому также способствует увеличение количества новостных публикаций, где фейковая информация теряется на общем фоне и проникает в подсознание людей как устоявшийся факт.

Общественные, политические и финансовые последствия массового распространения фейков имеют разрушительный характер для общества, сеют панику, направляют на поиск ложных врагов, формируют ощущение тревоги и неопределенности, дестабилизируют ситуацию, подстрекают к беспорядкам.

Фейковая информация направлена на оказание влияния на объект воздействия путем создания заинтересованности и/или напряженности вокруг выгодного информационного повода, перехвата инициативы в формировании информационной повестки, вытеснения фейковым вбросом иного контента.

Вирусное распространение фейковой информации обусловлено, с одной стороны, нежеланием или неумением журналистов и инфлюэнсеров соцсетей проверять тиражируемую информацию, а с другой – стремлением к сенсационности, желание привлечения внимания читателей любой ценой, от чего зависит коммерческий успех медийного проекта.

К возможным негативным последствиям фейковой информации относятся:

- дискредитация органов государственной власти и управления;
- искажение или затягивание решений, принимаемых высшими должностными лицами;

- ослабление регулирующих воздействий в системе государственного управления;

- нарушение и изменение гражданского самосознания должностных лиц (жизненных позиций, ценностных ориентаций, информационно-ориентировочной основы социального поведения и т. д.) как следствие планомерного психологического воздействия через различные информационные каналы;

- ухудшение морально-психологического состояния государственных служащих и сотрудников силового блока, а также членов их семей из-за преследований (буллинга) в онлайн-пространстве;

формирование в структуре общественного сознания искаженных представлений о деятельности правоохранительных органов и вертикали власти.

В Республике Беларусь значительный рост числа фейковых публикаций был отмечен во время проведения президентских выборов 2020 года и референдума по изменению Конституции в 2022 году. Деструктивная информация направлялась на формирование у населения представлений о фальсификации результатов электоральных кампаний, побуждение граждан к активным протестным акциям, нагнетание напряженности между обществом и государством. Одновременно формировались информационные вбросы в социальную сферу, вызывающие ажиотажный спрос на товары народного потребления.

Как показывает практика, наличие в Беларуси нормативных правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность за распространение заведомо ложной и дискредитирующей государственной информации, не является исчерпывающей мерой. Необходимо создание действенных механизмов, обеспечивающих как нейтрализацию фейков, так и привитие населению базовых навыков информационной «гигиены», формирование критического отношения к информации, не подтвержденной надежными источниками.

Успешное противодействие угрозам должно в обязательном порядке включать проактивную составляющую, которая существенно повышает эффективность мер защитного реагирования.

Список цитированных источников

1. Психологическая война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topwar.ru/39070-psihologicheskaya-voyna.html>. – Дата доступа: 05.10.2022.

2. Расширение инструментария НАТО для противодействия гибридным угрозам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/03/19/rasshirenie-instrumentariya-nato-dlya-protivodejstviya-gibridnym-ugrozam/index.html>. – Дата доступа: 05.10.2022.

3. Информационные операции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyfaktor.org/psyops/makarenko-304.htm>. – Дата доступа: 05.10.2022.

4. Трактат о военном искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litres.ru/sun-czy/traktat-o-voennom-iskusstve/chitat-onlayn/>. – Дата доступа: 05.10.2022.

А. А. Смян,

*кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ДОСТИЖЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Суверенитет лежит в основе Конституции Республики Беларусь и является в системе «государство» объектом национальной безопасности. Суверенитет, как объективная, а не кем-то предоставленная данность, в условиях становления и развития информационного общества особо нуждается в теоретическом определении и нормативном установлении своей информационной составляющей. В этой части белорусский опыт воплощен в положениях Концепции информационной безопасности (далее – КИБ), непосредственно связанных с понятием информационного суверенитета государства, которые позволяют выделить следующие его элементы:

снижение зависимости от технологий иностранного производства и сокращение цифрового неравенства в развитии национальных СМИ, телекоммуникаций, ИКТ и национальной индустрии производства средств информатизации;

защищенность национальных рынков информационных и телекоммуникационных услуг;

критическое отношение в обществе к проявлениям неуважения национальных устоев, традиций и нарушениям норм морали и права в информационной сфере, нетерпимость к дезинформации, информационным манипуляциям и иным неявным информационно-психологическим воздействиям;

установленные, соблюдаемые правовые условия и границы деятельности зарубежных и международных субъектов в национальном информационном пространстве для обеспечения потребностей граждан во внешнем информационном обмене, исключающие культурную и информационную экспансию, вмешательство во внутренние дела Республики Беларусь;

выстроенную и безопасно развивающуюся функциональную, технологически самодостаточную, надежную и устойчивую информационную инфраструктуру;

защищенность информационных ресурсов, в том числе государственных секретов, иной охраняемой информации, персональных данных, посредством которой обеспечивается политическая самостоятельность государства, безопасность жизненного пространства человека, сохранение духовных и культурных ценностей белорусского общества, научно-технологические преимущества и реализация иных национальных интересов.

Информационное противоборство терроризму и экстремизму, согласно принятому Парламентской Ассамблеей ОДКБ модельному закону «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», представляет собой комплексное разрушительное воздействие с использованием специальных методов, способов и средств на террористическую и экстремистскую информационную среду, а также защиту легитимной информационной среды от террористического и экстремистского воздействия и, по сути, подчинено формированию и сохранению вышеназванных элементов информационного суверенитета государства.

Поскольку уровень их развития в государствах – членах Организации договора имеет свои особенности и отличия, представляется актуальным на базе указанного модельного закона ОДКБ формирование национальных систем правового регулирования информационного противоборства терроризму и экстремизму.

30 октября исполнится ровно 4 года с момента принятия указанного модельного закона, но ни в одном из государств – членов ОДКБ такие системы не сформированы. Только отдельные положения нашли отражение в законодательствах этих государств в виде изменений и дополнений, прежде всего в Республике Беларусь, в основном после попытки совершения в 2020 году государственного переворота в нашей стране.

При этом произошедшие в данный период события свидетельствуют о массированном использовании терроризма и экстремизма как средства достижения политических целей Соединенными Штатами Америки и так называемым коллективным Западом, который на современном этапе находится под полным контролем США. Это имело и имеет место со стороны США в отношении России, Беларуси, Казахстана. Особенно ярко проявилось в Сирии, Ираке и Ливии.

Общеизвестно, что за счет многомиллионной долларовой поддержки афганских моджахедов в рамках операции «Циклон», проводимой ЦРУ США против ограниченного контингента советских войск в Афганистане, была создана одна из самых крупных

исламистских международных террористических организаций «Аль-Каида», при непосредственном участии которой впоследствии (15 октября 2006 г.) была создана «ИГИЛ».

О неизменной стратегии США использовать превосходство в контроле над Интернетом для оказания информационного воздействия экстремисткой и террористической направленности на население тех государств, где в североамериканских интересах планируется сменить политическое руководство путем вмешательства во внутренние дела, свидетельствует появившаяся в конце сентября текущего года информация в отношении Ирана. Речь идет о намерении США на фоне протестов в этой стране предоставить иранцам услугу спутниковой широкополосной связи *Starlink* и поставить им соответствующие гаджеты. Согласно твиту госсекретаря США Энтони Блинкена тем самым Соединенные Штаты приняли меры «для продвижения свободы Интернета и свободного потока информации» для иранцев.

По заявлению Илона Маска, компания которого владеет спутниковой широкополосной связью *Starlink*, такая же связь уже предоставляется Украине для ее борьбы с вторжением России.

Таким образом, информационное противоборство терроризму и экстремизму на современном этапе и в ближайшей перспективе займет центральное место в информационном противоборстве, осуществляемом противниками США и коллективного Запада.

В данной связи следует подчеркнуть, что эффективности этого информационного противоборства, по нашему мнению, могло бы способствовать решение следующих практических вопросов.

Организация координации деятельности государственных органов (организаций), общественных объединений и иных организаций в сфере информационного противоборства терроризму и экстремизму посредством создания соответствующего уполномоченного органа либо возложения таких полномочий на орган, осуществляющий координацию в сфере информационной безопасности.

Сегодня США и НАТО используют десятки специализированных структур, включая военные, осуществляющих скоординированное информационное воздействие террористического и экстремистского характера на население Беларуси, России, Казахстана и других стран ОДКБ. В его рамках провоцируются акты неповиновения властям, уклонения от призыва на службу в армию, совершение диверсий и террористических атак.

Скоординированного информационного противоборства этому, к сожалению, пока не наблюдается.

Автором уже неоднократно критиковался подход к информационному противоборству, изложенный в белорусской КИБ, согласно которому к нему прибегают только в случае существенного осложнения информационной обстановки, связанного в том числе с необходимостью обеспечения военной безопасности государства.

Как показывает современная практика, такой подход сопряжен с серьезными рисками негативных последствий – вооруженные конфликты либо проигрываются, либо удается выстоять, но с большими потерями и при мощной внешней поддержке.

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что современная обстановка и характер информационного воздействия на население стран ОДКБ со стороны специализированных структур США и НАТО требует экстренного институционального обеспечения информационного противоборства терроризму и экстремизму.

Следующий вопрос – это осуществление в информационном плане не противодействия, а противоборства, то есть не ждать какого-то воздействия, а затем отвечать, а действовать на опережение. Самим задавать информационный повод, а не следовать информационному поводу, который навязан противником.

По большей части, к сожалению, пока получается наоборот. СМИ, а иногда и должностные лица к освещению внешней и внутренней государственной политики подходят с оговоркой типа «нас тут не в чем будет упрекнуть», априори ставя себя в позицию виноватого перед кем-то и оправдывающегося. Ущербность такого подхода для информационного суверенитета очевидна. Тем более что в основе прозападного информационного воздействия, как правило, лежит недостоверная информация, порой абсолютная ложь, которой должна быть противопоставлена правда с соответствующими доказательствами и фактами.

Информационных поводов, вскрывающих античеловеческую, опирающуюся на терроризм и экстремизм сущность прозападной политики, более чем достаточно.

Например, геноцид коренного населения Северной Америки, колониальные войны и эксплуатация поработенных народов Азии и Африки, применение ядерного оружия против Японии, отравляющих веществ во Вьетнаме и Северной Корее, боеприпасов с обедненным ураном на территории бывшей Югославии и в других вооруженных конфликтах XX и XXI веков, зверства поляков на белорусских землях в прошлом, а также в отношении беженцев из Азии и Ближнего Востока в наши дни, создание и опора США и их сателлитов на

террористические и экстремистские формирования во внешнеполитической деятельности. И это далеко не полный перечень возможных информационных поводов, образно говоря, срывающих «овечью шкуру» прозападных либеральных ценностей с волчьей сущности современного ультраглобалистского Запада, который сначала путем пандемии, а теперь через поддержку вооруженного конфликта в Украине и создание условий для катастрофического голода в беднейших странах реализует посткапиталистический сценарий мироустройства.

Доведение до общественности содержания этого сценария – еще один обширный информационный повод для информационного противоборства терроризму и экстремизму, поскольку его реализация является первоисточником, детерминирующим терроризм и экстремизм в наши дни.

Позитивно, что некоторые из этих информационных поводов уже реализуется в белорусских СМИ. Полагаю, что этот опыт и информация должны распространяться и в других странах ОДКБ. Важно также продвижение данного контента и за пределы Организации, что возможно только в совместной в рамках ОДКБ кооперации.

Наконец, достижение информационного превосходства в информационном противоборстве терроризму и экстремизму сегодня и в перспективе невозможно без создания альтернативной Интернету глобальной компьютерной сети. Из стран ОДКБ реализация такого проекта под силу только России, но при кооперации в рамках ОДКБ, ЕАЭС или ШОС его реализация может осуществиться гораздо быстрее и с большим эффектом. При этом в отличие от существующего Интернета, глобально распространенного, управляемого и контролируемого международными IT-корпорациями (в большинстве состоящими из компаний США), распространение, управление и контроль альтернативной сети может осуществляться на основе обязательств субъектов международного права ее создающих и к ней присоединяющихся. Такой подход существенно снизит, если не избавит вообще, от тех негативных издержек, которые сопутствуют современному Интернету.

Полагаю, что тогда в полной мере смогут реализоваться идеи белорусской КИБ о безопасности информационного пространства как одного из важнейших условий развития суверенного, демократического социального государства, в том числе о безопасности информационной инфраструктуры и информационных ресурсов, а также международной информационной безопасности.

И. А. Тарасов,
кандидат юридических наук,
Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время вопросы борьбы с терроризмом в мире становятся все более актуальными. Это вызвано как самим характером современной террористической деятельности, так и настоятельной необходимостью совершенствования системы борьбы с данной проблемой.

Эксперты отмечают, что «...рост угроз террористической деятельности в глобальном измерении выражается не только в увеличении числа и масштабов террористических актов, но и в их ужесточении. ...Отмечается множественность способов устрашения..., непрерывный процесс совершенствования оружия. Рост расходов (бюджетов) некоторых террористических организаций превышает ВВП ряда развивающихся стран. В условиях глобализации международного терроризма актуальное значение приобретает противодействие сотрудничеству национальных террористических организаций друг с другом, их согласованному базированию на территориях различных государств, т. е. формированию единой сетевой структуры международного терроризма» [1, с. 13].

Противостоять указанным процессам можно только объединенными усилиями всего мирового сообщества, постоянно совершенствуя соответствующий инструментарий контртеррористической деятельности. При этом необходимо учитывать современные условия, в которых такая деятельность осуществляется. В рамках данного доклада хотелось бы остановиться на отдельных аспектах, которые имеют непосредственное отношение к практической составляющей конкретных контртеррористических мероприятий.

В этой связи заслуживает внимание точка зрения М. А. Кочубей и П. Л. Мареева: «В современном мире деятельность международных террористических организаций претерпела значительные изменения – возросли масштабы, изменились их тактика и стратегия, появились новые формы террористического воздействия. Качественные трансформации терроризма заставляют рассматривать его исключительно в

контексте системных угроз военно-политической безопасности государства и даже группы дружественных государств. По нашему мнению, современный терроризм представляет собой разновидность вооруженных форм борьбы, вооруженного реформирования государственного управления, государственного устройства, легитимного политико-правового режима. Подчеркнем: мы не рассматриваем терроризм только как идеологию (хотя идеологическая его составляющая, безусловно, присутствует), а именно как механизм (средство) вооруженного противодействия легитимному конституционному строю» [2, с. 57].

В качестве одной из эффективных форм пресечения террористической и экстремистской деятельности указанные эксперты называют совместную военно-полицейскую операцию, под которой понимается «...совокупность подчиненных единому замыслу разведывательных, войсковых, специальных, полицейских, оперативно-боевых, оперативно-розыскных, гуманитарных и иных мероприятий с применением (демонстрацией) боевой техники, оружия и специальных средств по предупреждению и пресечению террористических и экстремистских преступлений, с участием объединенных под единым командованием сил и средств подразделений вооруженных сил, правоохранительных органов, органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц и организаций, а также по минимизации последствий террористических и экстремистских преступлений» [2, с. 68].

Следует отметить, что в национальном законодательстве многих государств предусмотрены такие специальные мероприятия, как «контртеррористическая операция» либо «антитеррористическая операция». В международном праве используются понятия: «международная контртеррористическая операция – осуществляемое по решению Совета Безопасности ООН применение вооруженных сил государств для пресечения преступных актов, направленных на создание обстановки террора среди гражданского населения, являющихся угрозой безопасности мира, в рамках реализации государствами права на самооборону или коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН» [3, с. 122], а также «миротворческая операция – ...санкционированное Советом Безопасности ООН применение многонациональных сил под руководством ООН для снижения остроты и разрешения конфликтов между странами» [3, с. 122].

Названные понятия имеют определенные сходства, но между ними имеются и существенные различия, что при их практической реализации может повлиять на эффективность взаимодействия государств. Кроме того, на сегодняшний день нет единых подходов к вопросу об использовании возможностей контртеррористических мероприятий в определенных ситуациях, особенно в случаях их экстерриториального применения. Острую дискуссию вызывают концепции упреждающей (*anticipatory*) либо предупредительной (*pre-emptive*) самообороны [4, с. 54].

В этой связи возникает необходимость выработки на международном уровне понятия специальной операции экстерриториального характера и определения условий ее осуществления. Представляется целесообразным принятие международно-правового акта регионального уровня, что позволит более оперативно выработать наиболее приемлемые условия осуществления специальных контртеррористических мероприятий, и затем применить накопленный опыт для подготовки соответствующего международно-правового акта универсального характера.

Список цитированных источников

1. Умнова (Конюхова), И. А. Анализ правовых мер противодействия терроризму, предлагаемых юридической наукой: аналитический обзор / И. А. Умнова (Конюхова) // Международный терроризм и право: Современные зарубежные исследования : сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения ; отв. ред. Е. В. Алферова. – М., 2017. – С. 12–22.

2. Кочубей, М. А. Совместная военно-полицейская операция в системе контртеррористической деятельности стран СНГ: теоретический аспект / М. А. Кочубей, П. Л. Мареев // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2020. – № 4. – С. 56–71.

3. Вербицкая, Т. В. Соотношение понятий международной контртеррористической операции и миротворческой операции / Т. В. Вербицкая // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 120–124.

4. Захаров, Т. В. Исключительные средства борьбы с современным терроризмом: аналитический обзор / Т. В. Захаров // Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования : сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения ; отв. ред. Е. В. Алферова. – М., 2017. – С. 49–68.

*В. А. Тупикин,
Республика Беларусь*

ОПЕРАТИВНЫЙ ПОИСК КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Террористическая деятельность является одним из наиболее опасных проявлений, потому что характеризуется повышенной общественной опасностью, вызывает большой резонанс, создает опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений и наступления иных тяжких последствий. Данный вид преступной деятельности ставит своими целями дестабилизацию общественного порядка, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений государственными органами и воспрепятствование политической или иной общественной деятельности.

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» под террористической деятельностью понимается деятельность, включающая организацию, планирование, подготовку и совершение акта терроризма, подстрекательство к терроризму, пропаганду идей терроризма, распространение и (или) предоставление материалов и информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, информационное либо иное пособничество в планировании, подготовке или совершении акта терроризма, создание вооруженного формирования, организации или организованной группы для совершения акта терроризма, руководство ими или участие в их деятельности, вербовку, вооружение, обучение и использование террористов, финансирование террористической деятельности, изготовление и (или) распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также угроза совершения акта терроризма и иные деяния, определяемые как террористические в соответствии с международными договорами Республики Беларусь [1].

Субъектами, которые непосредственно осуществляют борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения актов терроризма, международной и иной террористической деятельности, деятельности незаконных вооруженных формирований, в

соответствии с их компетенцией, являются органы государственной безопасности (далее – ОГБ), органы внутренних дел, органы пограничной службы, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, Вооруженные Силы Республики Беларусь и внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – субъекты противодействия терроризму) [1].

Кроме того, в Законе Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности» в ст. 2 закреплено положение, что одной из основных задач ОГБ является предупреждение, выявление и пресечение террористической и иной экстремистской деятельности [2].

Ведущим средством борьбы с таким видом противоправной деятельности в ОГБ является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) [3]. В. С. Гайдельцов справедливо отмечает, что в большинстве случаев без нее практически невозможно успешное выполнение задач по борьбе с преступностью [4, с. 33–36].

На сегодняшний день одним из важнейших компонентов выявления является оперативный поиск. Как показывает практика деятельности ОГБ, при выявлении признаков террористической деятельности ОРД осуществляется, как правило, в условиях отсутствия или неопределенности информации относительно конкретных объектов преступной деятельности и ее проявлений. Каждая из противостоящих сторон, особенно на первоначальном этапе, скрывает свои планы, цели, устремления, руководителей, исполнителей, методы, способы, средства и время осуществления своей деятельности. В связи с этим оперативный поиск с целью обнаружения их преступной деятельности и первичной проверки полученной информации, как правило, осуществляется в условиях отсутствия конкретных сведений о личности, местонахождении и действиях лиц из числа тех, кто осуществляет террористическую деятельность.

На основе опыта противодействия терроризму, накопленной ранее оперативной информации, оперативные подразделения субъектов противодействия терроризму непрерывно отслеживают изменения в направленности и тактике осуществления конкретных преступлений террористического характера, совершаемых отдельными лицами или их группами. Однако конкретные преступные действия в силу их конспиративного характера не всегда попадают в поле зрения субъектов противодействия террористической деятельности. Поэтому в условиях объективно существующей неопределенности сведений о противоправной деятельности отдельных лиц либо их групп сотрудники оперативных подразделений субъектов противодействия террористической деятельности вынуждены постоянно добывать дополнительную информацию, то есть выявлять признаки указанной деятельности.

Таким образом, оперативный поиск, осуществляемый оперативными подразделениями субъектов противодействия террористической деятельности, представляет собой обнаружение неизвестных объектов ОРД по их демаскирующим признакам.

В современный период, применительно к деятельности оперативных подразделений субъектов противодействия террористической деятельности, перечень объектов оперативного поиска в области борьбы с терроризмом, а также перечень демаскирующих признаков такой деятельности, к сожалению, не конкретизирован.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. С целью эффективного выявления лиц, намеревающихся, либо осуществляющих террористическую деятельность, целесообразно определение перечня объектов оперативного поиска в области борьбы с терроризмом.

2. Для повышения эффективности функционирования оперативных подразделений субъектов противодействия террористической деятельности также требуется разработка перечня демаскирующих признаков террористической деятельности.

Список цитированных источников

1. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2007 г., № 77-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.05.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Гайдельцов, В. С. Оперативно-розыскная деятельность как одно из действенных средств борьбы с коррупцией / В. С. Гайдельцов // Совершенствование деятельности органов государственной безопасности по выявлению, предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений : материалы ведомств. науч.-практ. конф., Минск, 29 мая 2009 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: О. А. Чернышев [и др.]. – Минск, 2010. – С. 33–36.

*М. А. Хромушин,
кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопросы повышения качества подготовки оперативных сотрудников, формирования у них навыков профессионального и научного мышления, развития умений использовать теоретические знания в практической деятельности всегда были в центре внимания в государственном учреждении образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь» (далее – Институт) на всех этапах его развития. Поиск путей интенсификации процесса обучения, повышения уровня познавательной активности слушателей привел к осознанию необходимости и возможности перехода от традиционного обучения к проблемному. Внедрению проблемного обучения уделял пристальное внимание талантливый ученый и педагог Юрий Абрамович Юхневич, посвятивший службе, а затем работе в Институте более 30 лет. В основу данных тезисов положены неопубликованные мысли и идеи Ю. А. Юхневича о роли и месте проблемного обучения в подготовке оперативных сотрудников.

Стремление повысить эффективность оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), внедрение в оперативную практику проблемно-целевого подхода, осознание конфликтного, противоречивого характера взаимодействия органов государственной безопасности (далее – ОГБ) с противником потребовали от оперативных сотрудников другого образа мышления и поставили перед образованием задачу формирования личности, способной к созидательной деятельности в постоянно изменяющихся условиях оперативной обстановки. В связи с этим проблемное обучение стало ответом педагогической науки на вызов общественной практики.

Чем отличается проблемное обучение от «непроблемного», традиционного? Традиционная дидактика основную цель обучения видит в накоплении обучающимися определенного объема знаний и ориентирует преподавателя на объяснение сущности новых понятий,

законов, принципов, правил, примеров практических действий и т. п. В этих условиях деятельность преподавателя носит объяснительно-иллюстративный характер, а деятельность слушателей – репродуктивный.

Отмечено, что при усвоении социального опыта в нем есть такие элементы, которые репродуктивным путем не усваиваются. Речь идет прежде всего о способности обучающихся генерировать новое знание, решать творческие задачи. Психологической наукой установлено, что творческий опыт приобретается лишь в процессе продуктивной деятельности. Чтобы научиться решать творческие задачи, их надо решать.

В основе проблемного обучения лежит особый тип взаимодействия преподавателя и слушателей. Проблемное обучение – это не непрерывная цепь самостоятельных открытий слушателями, курсантами законов, правил, а оптимальное сочетание их репродуктивной и творческой деятельности по усвоению научных понятий и приемов, способов логического мышления. Название «проблемное обучение» связано не столько с этимологией слова, сколько с сущностью рассматриваемого понятия, явления. Дело в том, что новые знания (т. е. их содержание) для слушателей всегда проблемны, а вот методы, способы их усвоения могут быть проблемными и непроблемными (репродуктивными).

Для того, чтобы проблема стимулировала активность обучающихся, в ней должен отражаться противоречивый характер изучаемого явления, а не просто противоречие «между знанием и незнанием». Проблемная ситуация в качестве основного методического компонента должна содержать, «обнаруживать» такое противоречие, значимость которого была бы понята слушателями, с точки зрения их будущей практической деятельности.

На занятиях подобного рода возникают и в определенной степени решаются проблемные вопросы, позволяющие осознать противоречивый характер ОРД, раскрыть такое понятие, как оперативный риск, глубже понять природу, механизм рефлексивного управления противником в условиях конфликтного противоборства и т. п.

Показательным в этом отношении может быть подход к изучению такой сложной тематики, как «Выявление противоправной и иной деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности». Проблемная ситуация возникает в результате постановки вопроса: «Можно ли считать, что преступная деятельность объективно выявляема?» Проблема в таком вопросе выражена имплицитно (неявно, скрытно) и в первый момент вызывает удивление

слушателей, т. к. найти подход к ее решению они сразу не могут. Правомерность постановки такого вопроса преподаватель обосновывает с помощью бесспорных утверждений, не вызывающих у слушателей возражений. Так, бесспорным является тот факт, что противник, стремясь избежать разоблачения, тщательно скрывает следы своей противоправной деятельности и, на основе анализа причин своих неудач, изучения методов работы ОГБ, стремится максимально разнообразить формы ее проявления. В результате этих рассуждений у слушателей формируется вывод, что накопленный ОГБ опыт выявления противоправной деятельности теряет свою актуальность, вследствие чего спрогнозировать (предугадать) действия противника и на этой основе организовать целенаправленный процесс выявления вряд ли возможно. В то же время оперативная практика свидетельствует, что противник, вопреки естественному стремлению обезопасить себя, допускает повторение способов, приемов достижения преступных целей, демонстрирует устойчивые признаки противоправного поведения.

Таким образом имплицитно сформулированная проблема приобретает форму эксплицитного (открытого) вопроса: «Какие факторы ограничивают разнообразие действий противника, формируют стереотипы поведения, устойчивую, логически непротиворечивую структуру его деятельности?» Последующее рассмотрение таких факторов, как наличие цели (устремлений), устойчивые навыки, сформировавшиеся в результате обучения и самообучения, риск расшифровки и т. п., убеждает обучающихся, что поведение объекта в основных своих параметрах не является совершенно произвольным. Это позволяет создать (смоделировать) относительно устойчивую систему признаков, и на ее основе прогнозировать действия противника, организовывать целенаправленный процесс их выявления.

Не отрицая того, что ведущая роль в активизации познавательной деятельности слушателей принадлежит противоречиям, необходимо подчеркнуть, что побуждает к деятельности только осознанное противоречие. Дидактический смысл этого состоит в том, что при подготовке учебных материалов, при создании на их основе проблемных ситуаций преподаватель заранее предусматривает противоречия, которые могут возникнуть в сознании обучающихся в процессе занятия. Противоречие, обнаруженное самими слушателями, пробуждает у них интерес, приводит в движение прежние знания, направляет на поиск неизвестного и тем самым стимулирует познавательную активность, давая преподавателю возможность управлять ею в интересах решения учебной задачи.

При традиционном подходе к обучению ведущая роль на занятиях принадлежит дедуктивному методу, когда решение принимается по заранее отработанной методике, на основе имеющихся теоретических знаний. При проблемном обучении такая возможность предоставляется слушателям не сразу. В зависимости от того, достаточно или недостаточно у слушателей информации для получения ответов на заданные вопросы, последние можно условно подразделить на задачи и проблемы. Решить вопрос, выступающий перед слушателями как задача, значит, используя имеющиеся информацию, опыт решения аналогичных ситуаций логическим (или практическим) путем, получить желаемый ответ. Чтобы решить вопрос, выступающий как проблема, необходимо, прежде всего, дополнить знания (в широком смысле) необходимыми сведениями, сведя вопрос к задаче, а затем решить эту задачу.

Если решение задачи всегда представляет собой дедуктивный процесс, при котором ответ логически следует из условий задачи, а знание, полученное в ответе, не может быть более общим, чем знание, заложенное в условиях, то в свою очередь решение проблемы достигается как дедуктивными, так и индуктивными средствами. Вначале решающее слово принадлежит индуктивным умозаключениям (а также редукции, аналогии), которые еще не снимают проблематического характера намечающегося ответа. Дедукция начинает преобладать на заключительном этапе разрешения проблемы, после того как найдены все недостающие данные, позволяющие обосновать ответ, как достоверное знание. Проблема, образно говоря, является возникающей или «созревающей» задачей, в то время как задача, если она правильно сформулирована, есть «вырожденная» проблема.

В этих рассуждениях, возможно, заложен ключ к разрешению противоречия между тем, что творческий подход не приемлет стереотипов, заученных схем, заведомо отработанных методик, алгоритмов, в то время как практическая работа требует, чтобы оперативный сотрудник владел ими в полной мере, т. к. они составляют основу его профессионального мастерства. Это диалектическое противоречие в деятельности оперативного сотрудника может найти (и надо полагать находит) свое разрешение в том, чтобы, столкнувшись с проблемной ситуацией, определить ее тип, осознать природу заложенного в ней противоречия и свести ее до уровня задачи, алгоритм решения которой ему известен.

*С. А. Челядинский,
Республика Беларусь*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В современный период руководством белорусского государства, органов безопасности и правоохранительных органов значительное внимание уделяется повышению эффективности противодействия экстремизму и терроризму. В частности, в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, важнейшими направлениями нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности выступают сохранение роли государства как гаранта безопасности личности, комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь, наряду с другими преступными проявлениями, с терроризмом и экстремизмом во всех их проявлениях (абз. 3 п. 49) [1]. Реализуя данные нормативные положения, органы государственной безопасности Республики Беларусь (далее – ОГБ) осуществляют противодействие экстремистской деятельности, в том числе и в политической сфере.

Исследование данного противодействия имеет немаловажное значение не только для развития теории контрразведывательной деятельности и теории оперативно-розыскной деятельности, но и для совершенствования оперативной практики ОГБ. Вместе с тем до недавнего времени проблемы противодействия экстремистской деятельности, в том числе ОГБ, в специальной литературе практически не исследовались. При этом, например, анализировались вопросы оперативно-розыскного противодействия по отдельным линиям борьбы с преступностью (корыстно-насильственным преступления, совершаемые в сфере экономики, преступления, совершаемые этническими организованными преступными группами, политический терроризм, преступления, совершаемые с использованием теневого киберпространства и информационно-телекоммуникационных технологий, преступлениям, совершаемым на почве национальной

и религиозной вражды и др.) [2, с. 3–18; 3, с. 3–19; 4, с. 3–26; 5, с. 139; 6, с. 13–16; 7, с. 298–300]. Указанное противодействие рассматривалось, как правило, применительно к системе правоохранительных органов. В системе ОГБ рассматривалось, например, противодействие транснациональной организованной преступности, противодействие технической разведке противника, отдельные проблемы противодействия спецслужб угрозам национальной безопасности, противодействие ОГБ разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств, противодействия терроризму.

За пределами научных исследований фактически остались вопросы формирования и функционирования системы противодействия ОГБ экстремистской деятельности в политической сфере, и выработки общих подходов правового регулирования в данной области. В связи с этим представляется актуальным и обоснованным дать содержательную характеристику рассматриваемого противодействия.

Основываясь на сложившихся научных подходах в области противодействия спецслужбам иностранных государств [8, с. 101–108; 9, с. 26–30] и отдельным видам преступлений экстремистской направленности (например, ст. 130, 357, 361, 361¹⁻⁵ Уголовного кодекса Республики Беларусь и др.), а также учитывая практику деятельности оперативных подразделений ОГБ, целесообразно выделять следующие характерные признаки противодействия ОГБ экстремистской деятельности в политической сфере:

1) данное противодействие осуществляется в отношении экстремистских угроз конституционному строю, территориальной целостности и независимости Республики Беларусь;

2) рассматриваемое противодействие осуществляется оперативными сотрудниками подразделений ОГБ;

3) такое противодействие реализуется посредством системы профилактических, агентурно-оперативных, контрразведывательных, оперативно-розыскных и иных мер;

4) целью такого противодействия является обеспечение национальной безопасности.

С учетом указанных признаков, **противодействие ОГБ экстремистской деятельности в политической сфере** целесообразно рассматривать как *систему профилактических, агентурно-оперативных, контрразведывательных, оперативно-розыскных и иных мер, реализуемых оперативными сотрудниками подразделений ОГБ в целях обеспечения состояния защищенности политической сферы от экстремистских угроз конституционному строю, территориальной целостности и независимости Республики Беларусь.*

Данное противодействие необходимо рассматривать и как системный объект, так как это обусловлено методологией теоретического познания явлений правовой действительности. В соответствии с существующими подходами в теории систем [10, с. 268–272] содержание противодействия ОГБ экстремистской деятельности в политической сфере как системы будет включать следующие элементы.

1. Цель рассматриваемого противодействия. Цель представляет собой итог, который должны достичь субъекты противодействия экстремизму и терроризму при осуществлении такой деятельности. В данном случае целью является обеспечение национальной безопасности, которое выражается в защите от экстремистских угроз конституционного строя, территориальной целостности и независимости Республики Беларусь.

2. Задачи противодействия экстремистской деятельности в политической сфере. Данными задачами являются отдельные положения, которые в силу особой значимости требуют безусловного исполнения в процессе осуществления данного оперативно-розыскного противодействия для достижения цели. Решение задач обеспечивает своевременное и действенное противодействие экстремистским угрозам конституционному строю, территориальной целостности и независимости Республики Беларусь.

3. Нормативная основа противодействия экстремистской деятельности в политической сфере. Нормативную основу рассматриваемого противодействия составляют нормы права, закрепленные в нормативных правовых актах, которые определяют цель, задачи, субъектов и систему мер противодействия экстремизму.

4. Функции противодействия экстремистской деятельности в политической сфере. Функции данного противодействия представляют собой пути достижения цели, основанные на целесообразных свойствах той системы, которую оно собой представляет (например, предупредительная, поисковая, правоохранительная, функция обеспечения безопасности).

5. Объект, субъекты, предмет, меры, способы и результаты противодействия экстремистской деятельности.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Экстремизм является одной из актуальных угроз национальной безопасности Республики Беларусь. В связи с этим противодействие экстремистской деятельности в политической сфере является одной из основных линий деятельности ОГБ в современных условиях.

Одним из ключевых элементов состава противодействия ОГБ экстремистской деятельности в политической сфере являются меры, которые целесообразно рассматривать как совокупность установленных законодательством и выработанных практикой взаимосвязанных

мероприятий и решений, осуществляемых оперативными сотрудниками ОГБ и направленных на обеспечение национальной безопасности от экстремистских угроз конституционному строю, территориальной целостности и независимости Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Коварин, Д. А. Оперативно-розыскное противодействие корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в сфере экономики: по материалам Сибирского региона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. А. Коварин ; С.-Петербур. ун-т МВД РФ. – СПб., 2005. – 21 с.

3. Самсонов, В. А. Оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым этническими организованными преступными группам: по материалам Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. А. Самсонов ; С.-Петербур. ун-т МВД РФ. – СПб., 2005. – 24 с.

4. Янгол, В. Н. Оперативно-розыскное противодействие политическому терроризму : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Янгол ; С.-Петербур. ун-т МВД РФ. – СПб., 2006. – 30 с.

5. Балюк, И. С. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, которые совершаются с использованием теневого киберпространства: криминалистический аспект / И. С. Балюк // Новые информационные технологии в науке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 20 дек. 2018 г. – Пермь : ООО «Аэтерна», 2018. – С. 139–141.

6. Афонькин, Г. П. Основы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Г. П. Афонькин, Е. В. Смирнов, Д. В. Чемерчев // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 1 (4). – С. 10–17.

7. Веренич, И. В. Формирование механизма преступлений на почве национальной и религиозной вражды: противодействие расследованию преступлений и способы их преодоления / И. В. Веренич // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (193). – С. 297–301.

8. Синько, О. В. Правовое и организационно-тактическое обеспечение противодействия транснациональной организованной преступности: по материалам органов государственной безопасности Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 20.03.02 / О. В. Синько ; Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь – Минск, 2009. – 108 с.

9. Князев, С. Н. Теоретико-прикладные проблемы противодействия спецслужб угрозам национальной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.03.02 / С. Н. Князев ; Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – С. 34.

10. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности : монография / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 392 с.

*В. И. Шамёнов,
Республика Беларусь*

МЕЖРАЙОННЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОГБ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Многоаспектный и динамичный характер функционирования современной Беларуси обуславливает сложное переплетение, взаимопроникновение и взаимодополнение реализуемых государственными органами и организациями функций и видов деятельности, которые в своей совокупности призваны обеспечить баланс интересов личности, общества, государства и их защиту от внутренних и внешних угроз [1].

Из числа органов государственной власти и управления одна из ключевых ролей в осуществлении указанной деятельности, без сомнения, принадлежит органам государственной безопасности (далее – ОГБ).

В соответствии со статьей 13 Закона Республики Беларусь от 10.07.2012 № 380-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» (далее – Закон об ОГБ) систему ОГБ образуют: Комитет государственной безопасности Республики Беларусь и территориальные органы государственной безопасности, включающие управление Комитета государственной безопасности по городу Минску и Минской области, управления Комитета государственной безопасности по областям (далее – УКГБ), а также управление военной контрразведки Комитета государственной безопасности [2].

В состав областных УКГБ, в свою очередь, входят межрайонные отделы (далее – МРП), которые реализуют основные задачи, функции и направления деятельности ОГБ на территории административно-территориальных единиц базового и первичного уровней (районные центры, районы).

Межрайонные отделы вносят весомый вклад в результативность деятельности ОГБ и, по сути, являются единственными представителями из числа государственных органов, осуществляющих целенаправленный сбор сведений о вызовах, рисках и угрозах национальной безопасности на региональном уровне.

Изучению вопросов, касающихся деятельности МРП, посвящены работы отдельных авторов, вместе с тем рассматриваемые в них положения требуют дополнительного осмысления и проработки на фоне постоянно изменяющейся оперативной обстановки и повышающихся требований к деятельности ОГБ.

К числу таких положений следует отнести и определение места МРП в системе ОГБ.

Место МРП в системе ОГБ определяется путем анализа нормативных и локальных правовых актов, а также подходов, используемых в науке. Для определения МРП в системе ОГБ необходимо рассматривать их в качестве структурного элемента государственного органа (УКГБ), имеющего характерные признаки.

К числу признаков, характеризующих МРП, с учетом современных подходов к определению признаков структурных подразделений государственных органов, учреждений и юридических лиц целесообразно относить территориальную, функциональную обособленность и организационную оформленность; наличие должностей; осуществление деятельности на началах самоуправления; наличие установленного объема полномочий и руководителя; назначение МРП; правовое основание образования, функционирования и прекращения деятельности.

Территориальная обособленность характеризуется расположением МРП вне места нахождения юридического лица (УКГБ). В отдельных случаях удаленность МРП от УКГБ составляет несколько сотен километров.

Организационная оформленность указывает на выделение МРП из УКГБ в качестве самостоятельного структурного подразделения для решения задач, стоящих перед ОГБ, на территории отдельных административно-территориальных единиц.

Функциональная обособленность характеризуется наличием у МРП конкретного перечня полномочий, определенного на уровне как законодательных, так и локальных правовых актов, непосредственно регламентирующих деятельность межрайподразделений.

Реализация полномочий МРП осуществляется личным составом, представленным оперативными сотрудниками и начальником межрайподразделения (далее – оперативный состав), назначенными на соответствующие должности. Для функций обеспечения (уборка территории, обслуживание зданий и сооружений, транспортное обеспечение и др.) в штате МРП имеются соответствующие категории сотрудников.

МРП функционирует на началах самоуправления, о чем свидетельствует достаточный для этой деятельности уровень самостоятельности принятия решений руководителем МРП при осуществлении как оперативной, так и хозяйственной деятельности.

Полномочия МРП в целом идентичны полномочиям ОГБ и осуществляются с учетом особенностей их реализации в рамках отдельных административно-территориальных единиц. Отдельно следует отметить наличие у МРП полномочий представительства, в соответствии с которыми руководитель межрайподразделения, как правило, входит в состав исполкома первичного уровня.

Создание, реорганизация и ликвидация МРП осуществляется по решению Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ст. 13 Закона об ОГБ).

Основным назначением МРП в соответствии с нормативными и локальными правовыми актами является обеспечение национальной безопасности в административно-территориальных единицах базового и первичного уровней (районы, города, районы в городах).

Анализ полученных сведений и имеющихся в науке подходов [3; 4] позволяет сделать вывод о том, что МРП обладает признаками обособленного структурного подразделения и представляет собой созданное и функционирующее в установленном порядке, возглавляемое руководителем (начальником), территориально и функционально обособленное, организационно оформленное структурное подразделение территориального органа государственной безопасности Республики Беларусь, состоящее из должностей и действующее на началах самоуправления, основным назначением которого является обеспечение национальной безопасности в административно-территориальной единице (район, город, район в городе).

Список цитированных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2011 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Хузин, Р. З. Обособленные подразделения юридических лиц [Электронный ресурс] / Р. З. Хузин. – Режим доступа: [https:// www.dissercat.com/content/obosoblennye-podrazdeleniya-yuridicheskikh-lits](https://www.dissercat.com/content/obosoblennye-podrazdeleniya-yuridicheskikh-lits). – Дата доступа: 16.10.2022.

4. Жамбиева, Е. М. Структурные подразделения государственных предприятий и учреждений как субъекты административного права [Электронный ресурс] / Е. М. Жамбиева. – Режим доступа: [https:// www.dissercat.com/content/strukturnye-podrazdeleniya-gosudarstvennykh-predpriyatii-i-uchrezhdenii-kak-subekty-administ](https://www.dissercat.com/content/strukturnye-podrazdeleniya-gosudarstvennykh-predpriyatii-i-uchrezhdenii-kak-subekty-administ). – Дата доступа: 18.10.2022.

Е. А. Шаркова,
кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь

ПОИСК И АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Аналитическая работа в органах государственной безопасности Республики Беларусь связана с оценкой имеющейся информации и подготовкой на ее анализе оптимальных решений. Основное содержание такой работы заключается в приведении разрозненных оперативно-розыскных и иных сведений, представляющих оперативный интерес, в логически стройную и обоснованную систему, позволяющую дать правильную оценку как совокупности фактов, так и каждому из них в отдельности.

Одна из задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) представляет собой сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь [1, ст. 3]. Рассматриваемая тема является ее решением, направленным на поиск и обнаружение фактических данных, отражающих и воссоздающих событие, имевшее место в прошлом, во всех его юридически значимых чертах. Следовательно, такая деятельность представляет собой процесс познания.

Познание, осуществляемое в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), позволяющих получить необходимые сведения для осуществления борьбы с преступными посягательствами и обеспечения безопасности общества и государства, сложный процесс. Он требует высокого профессионального мастерства, интеллектуальных, психических и физических усилий для преодоления трудностей, возникающих при восстановлении эпизода или картины совершенного или совершаемого противоправного деяния. Такую аналитическую работу можно рассматривать именно в качестве своеобразного метода познания присущих предмету ОРД закономерностей.

Признаки тех или иных противоправных деяний отражаются во внешней среде в различных формах. Все виды отражения, обуславливая закономерности возникновения фактических данных как источников доказательств, являются основой информации об

обстоятельствах преступной деятельности лиц. Эти фактические данные служат исходным материалом для раскрытия природы каждого факта, эпизода в отдельности и познания в совокупности обстоятельств, характеризующих в целом событие преступления. Систематизированная, осмысленная и подготовленная к использованию оперативно-розыскная информация обеспечивает качественное выполнение частных оперативно-тактических задач в процессе предупреждения и раскрытия преступлений.

Познание должностного лица органа (далее – оперативный сотрудник), осуществляющего ОРД, именно фактических обстоятельств совершения преступления – это, по существу, процесс установления истины, критерием которой, как известно, является практика. Процесс познания состоит из двух элементов – чувственного и рационального, которые не существуют раздельно.

Чувственное познание в ОРД, как и в других видах познавательной деятельности, находит выражение в таких формах, как ощущение, восприятие и представление. Активную роль в ходе чувственного познания оперативного сотрудника играет мышление. Чувственное восприятие оперативных сотрудников при производстве ОРМ по сбору сведений и проверке оперативно-розыскной информации всегда осмысленно. Мышление органически вплетено в практическую деятельность по собиранию и проверке оперативной информации. С его помощью определяется направленность восприятия, происходит отбор сведений, имеющих значение для ОРД, первичная проверка их содержания.

Информация в ОРД является сведениями о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях независимо от формы и источников их представления и предназначена для использования в целях ОРД [2, с. 48].

В ОРД оценке подвергается информация, под которой традиционно понимается некий «сгусток» сведений, фактических данных об изучаемом объекте. Оценка информации может выступать в виде процесса определения качества информации и ее значимости для принятия управленческого или оперативного решения. Отношение оперативного сотрудника к человеческому деянию, установление его соответствия выбранным критериям, прежде всего правовым нормам – это мыслительный процесс. Вывод об оперативной значимости информации, как правило, материализованный в соответствующем оперативно-служебном документе – это результат мыслительного процесса.

Особую важность при осуществлении аналитического поиска представляет выявление и анализ признаков, характеризующих объекты ОРД.

В человеке информативно все: внешность, душевное состояние, сопутствующие вещи, особенности проявления его активности. При этом не менее значима информация другого типа – невербальная. Криминологическое наблюдение за невербальными коммуникациями партнера по информационному взаимодействию дает богатую пищу для размышления. Психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7 % информации передается непосредственно словами. В то же время звуками и интонацией передается до 38 %, а жестами, позой, телодвижением, перемещением в пространстве – до 55 % полезной информации [3].

По мнению российского исследователя Е. Н. Яковец, важнейшей задачей аналитического поиска как раз и является установление скрытых, не заметных на первый взгляд процессов, связанных с латентным изображением и изменением тех или иных свойств анализируемого объекта [4, с. 134].

Изучение сущности обстоятельств и фактов, входящих в предмет доказывания, после оценки всей совокупности собранных и проверенных источников доказательств анализируется оперативным сотрудником посредством рациональной формы познания на логическом уровне. При этом обстоятельства и факты, входящие в предмет доказывания, отражаются не со стороны явлений, доступных чувственному восприятию, а со стороны их сущности – внутренних связей, зависимостей и закономерностей, недоступных чувственному познанию. Только посредством рационального познания оперативный сотрудник может воссоздать в мышлении не фрагментарную, не застывшую картину фактов, подлежащих установлению в процессе ОРД, а их целостную картину в развитии.

Исходя из изложенного можно утверждать, что процесс познания, происходящий в ходе проведения ОРМ, является чувственно-рациональным. Оперативный сотрудник приобретает в ходе учебы и работы необходимые знания и, руководствуясь своим мировоззрением, профессиональным и жизненным опытом, проверяет правильность своих умозаключений, создавая мысленные модели. ОРМ позволяют оперативному сотруднику наряду с фактической информацией накопить определенный запас чувственных впечатлений от восприятия выявленных и обнаруженных им фактических данных как источников доказательственной информации. В основе таких знаний

лежат результаты личных наблюдений, анализа, оценки профессионально воспринимаемых событий, производимых действий, а также данные, почерпнутые при изучении опыта других органов, осуществляющих ОРД.

Список цитированных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 № 88-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Оперативно-розыскной словарь / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. – 175 с. – (Библиотечка студента, курсанта и слушателя).

3. Невербальное общение: что это такое, примеры, виды, значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnevnik-znaniy.ru/psixologiya/neverbalnoe-obshhenie-cto-eto-takoe-primery-vidy-znachenie.html>. – Дата доступа: 19.10.2022.

4. Яковец, Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография / Е. Н. Яковец. – М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2005. – 219 с. – (Библиотека оперативника (открытый фонд)).

*М. В. Швецов,
Республика Беларусь*

О ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ИСТОЧНИКАХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Исследование сути и происхождения угроз национальной безопасности Республики Беларусь в политической сфере необходимо в первую очередь с точки зрения выработки и обоснования соответствующих защитных мер. Как следует из Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), государством и обществом осуществляются нейтрализация внутренних источников угроз и защита от внешних угроз. Поэтому при разработке новой редакции Концепции следует привести перечень этих источников в соответствие с характерными чертами нынешнего периода развития Беларуси как суверенного, независимого государства и полноправного субъекта международных отношений.

Так, в число источников угроз следует добавить **использование против Республики Беларусь инструментов «мягкой силы»**. Это обусловлено трансформацией мирового геополитического пространства, переходом от монополярного к полицентричному мироустройству, что формирует новые опасные факторы в различных сферах общественной жизни. К таким факторам может быть отнесена и «мягкая сила» как феномен области политических отношений. «Мягкая сила» может выступать как инструмент национальной политики, инструмент эффективного функционирования государственных и негосударственных институтов белорусского общества и как орудие враждебного, деструктивного воздействия. В крайнем случае, даже если «мягкая сила» не направлена непосредственно на дестабилизацию общественно-политической обстановки, она применяется для подготовки условий проведения таких действий. При этом осуществляется весомая дискредитация государства, внутренней и внешней политики, что может нанести существенный вред национальным интересам всей страны [1].

В качестве источника угроз также необходимо рассматривать **посягательства на государственные символы** Беларуси. Это обусловлено наметившейся тенденцией открытого, демонстративного

неуважения к национальным символам нашей страны в рамках политического противостояния с западными странами, включая соседние государства – члены ЕС, а также Украину. Наиболее резонансные случаи – снятие белорусского государственного флага в Риге (Латвия), Днепре (Украина), мемориальном комплексе «Бухенвальд» (Германия).

Ненадлежащее функционирование интеграционных структур и международных организаций, как источник угроз, необходимо подразделить на два самостоятельных посыла – с учетом нынешних реалий на интеграционном направлении, а также в отношении деятельности международных организаций, требующих отдельного внимания и реагирования на государственном уровне.

В качестве внешнего источника угроз в политической сфере следует предусмотреть возможное ослабление **национально-культурной идентичности белорусской диаспоры** (в нынешней редакции этот источник указывается в социальной сфере). Это вопрос особенно важен в контексте отдаленных и близких исторических периодов, когда национальные диаспоры нередко использовались внешними субъектами для ослабления позиций того или иного государства, его дискредитации, формирования альтернативной идентичности в макрорегиональном и мировом дискурсах («правильные» и «неправильные» представители нации).

В контексте совершенствования гражданского общества в Республике Беларусь, в том числе на законодательном уровне, особо выделяется взаимодействие гражданского общества с государством. Именно разобщенность государства и гражданского общества формирует предпосылки дестабилизации общественно-политической обстановки, формирования альтернативных центров политического воздействия, в том числе подконтрольных зарубежным правительствам и негосударственным институтам.

В этой связи, на наш взгляд, внутренний источник угрозы, связанный с недостаточным уровнем развития **гражданского общества**, целесообразно дополнить новым содержанием, учитывающим национально-государственные интересы и необходимость взаимодействия гражданского общества с государственными институтами.

Как показали события 2020 года, понятие недостаточности развития институтов гражданского общества само по себе не является источником угроз. Таковым, на наш взгляд, являются политические и идеологические позиции, которых придерживаются те или иные структуры гражданского общества. Исходя из этого, увеличение численности общественных объединений, не отвечающих национально-государственным интересам, будет выступать не показателем

устранения источника угроз, а напротив – показателем его усиления. В этой связи предлагается конкретизировать, что источником угрозы является недостаточное развитие именно того сегмента гражданского общества, структуры которого взаимодействуют с государством и на благо белорусского народа.

Проблема экстремизма и экстремистской деятельности в последнее время существенно обострилась [2]. Всплеск экстремистской активности ряда организаций и лиц стал причиной дестабилизации общественно-политической обстановки в августе – сентябре 2020 года. Несмотря на то, что скорректированы правовые аспекты определения экстремизма и применения соответствующих норм уголовной и административной ответственности, республиканский список экстремистских материалов продолжает регулярно обновляться. Это подтверждает обоснованность отнесения массовых проявлений экстремизма к числу реальных либо потенциальных угроз национальной безопасности.

Особый вред для национальной безопасности государства имеет вовлечение в экстремистскую деятельность молодежи – лиц в возрасте от 14 лет до 31 года. Как свидетельствует мировой исторический опыт, нередко именно молодежь выступает выразителем, а в ряде случаев и носителем деструктивных политических идей, основным инструментом структурных революционных преобразований и главным реципиентом влияния как внутренних, так и внешних общественно-политических сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки в конкретном государстве или регионе [3].

Беларусь в этом смысле не является исключением, подтверждением чему служит наблюдавшаяся в течение 2000–2020 годов переориентация подходов в деятельности иностранных некоммерческих организаций и фондов, специализирующихся на «демократизации» Беларуси, в направлении поддержки альтернативного молодежного движения с целью изменения его общественно-политических ориентиров и общественно-политической радикализации. В этом контексте тезис о **распространении идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости** целесообразно дополнить посылом об опасности вовлечения молодых граждан в экстремистскую деятельность, приведя его в соответствие с названием статьи 130 УК Республики Беларусь.

Источники внутренних угроз в политической сфере также необходимо дополнить **неуважительным отношением к государственным символам, использованием экстремистской символики и атрибутики**. Это обусловлено тем, что Государственный герб Республики Беларусь и Государственный флаг Республики Беларусь

являются символами исторической памяти, связывающими воедино героическое прошлое, современную жизнь страны и ее будущее. Государственные символы олицетворяют суверенитет и национальное единство, являются нашей отличительной чертой для всего мира, отражают многовековые традиции белорусского народа, созидательные цели, миролюбивые идеалы и принципы. Уважать символы государства – значит уважать свою страну, народ, историю. Надругательство над ними – это оскорбление нации и государства в целом. Как показали события 2020 года, попытки дестабилизации общественного порядка, причинения вреда национальной безопасности, активизация протестных настроений со стороны деструктивных сил могут проявляться в том числе путем надругательства над Государственным флагом (срыв полотнищ с флагштоков, публичное сжигание и иные неподобающие действия), популяризации разнообразной протестной символики, демонстрирующей несогласие с легитимной действующей властью.

Возможно выделить и иные источники угроз, например, **упущения в работе с общественным мнением в процессе выработки и принятия управленческих решений**. Так, анализ причин и факторов деструктивных общественно-политических процессов, проявившихся в современной истории Беларуси, свидетельствует, что определенные опасности могут вызревать в самом обществе, его социальных, возрастных, профессиональных и иных группах. Во многом это связано с нереализованными запросами на вектор и динамику развития государства, скорость принятия решений и реагирования на пожелания граждан, субъективным восприятием причин снижения уровня благосостояния и принятия отдельных непопулярных, но необходимых решений, недостаточным уровнем коммуникации с населением.

Кроме того, современные тенденции показывают, что ослабление идеологических аспектов жизнедеятельности общества способно привести к расколу общества, манипулированию массовым сознанием со стороны зарубежных политтехнологов, эрозии и вытеснению основополагающих ценностей белорусского народа.

В свою очередь, духовно-нравственные основания, выработанные историей, обретение собственной национальной идеи, которая лежит в основе идеологии белорусского государства, не смогут консолидировать общество без **согласованных, общепринятых современных смыслов** [4].

Особенно недопустимо **размывание понятия «белорусский народ»**, поскольку национальная идентичность включает общественный, субтерриториальный, этнорелигиозный, культурный уровни,

интегрируемые на общегражданском плане. Гражданская идентичность служит основанием общенациональной общности белорусского народа, включающей в себя представителей различных этносов и религиозных учений. Чрезмерное усиление или ослабление определенного элемента может повлечь деструкцию гражданской и дестабилизацию национальной идентичности.

Существенное беспокойство вызывают также попытки **формирования негативного образа государства и его институтов**. Так, дискредитация государства со входящими в него правительством, персоналиями, системой государственных органов, преподнесение его как «коррупцированного, антинародного» осуществляется в целях противопоставления государственного аппарата и гражданского общества и является одним из элементов подрыва конституционного строя.

Таким образом, отмеченное выше свидетельствует о значимости углубленной проработки проблем политической безопасности в новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Вишневская, В. П. Целенаправленное манипулирование в различных сферах информационного пространства – доминирующая составляющая феномена «мягкой силы» / В. П. Вишневская // Безопасность в условиях трансформации угроз: актуальные проблемы и решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 ноября 2021 г. : в 3 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 2. – С. 144–147.

2. Дементьевский, А. Тень свастики над могилами жертв: о нацистских организациях в Республике. Беларусь / А. Дементьевский // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 22 ноября. – С. 6, 7.

3. Пунченко, В. Н. Критерии и проявления деструктивной политической активности молодежи: политико-правовой аспект / В. Н. Пунченко // Безопасность в условиях трансформации угроз: актуальные проблемы и решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 ноября 2021 г. : в 3 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 1. – С. 131–136.

4. Богомаз, О. В. Ценности белорусского общества как основа построения образа будущего / О. В. Богомаз // Безопасность: новые грани и резервы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10–11 декабря 2020 г. : в 5 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 1. – С. 50–56.

*М. В. Швецов,
Республика Беларусь*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Начиная с середины XX века, научные взгляды социологов и обществоведов на молодежь стали все больше склоняться к выводу о том, что в качестве отдельного субъекта данная социальная группа оказывает значительное влияние на деятельность государственных и общественных институтов. Белорусский исследователь Н. Ю. Токова в одном из своих трудов подчеркивает, что «вплоть до XX в. семья, школа, государственные организации и общество в целом воспринимали молодежь преимущественно с позиций объекта культурного воздействия... Переосмысление роли и места молодого поколения в обществе связано с тем, что произошла актуализация молодежной проблематики с появлением молодежных субкультур» [1].

Именно появление молодежных субкультур способствовало значительной трансформации мировоззренческих взглядов молодежи, изменению ее культурных, духовных и идеологических основ. Сегодня нередко можно услышать мнение о том, что молодые люди все дальше и дальше удаляются от традиционных ценностей, основанных, в первую очередь, на постулатах ведущих мировых религий, и при этом довольно спокойно воспринимают ценности совершенно противоположенного характера.

В наше время редко у кого вызывает удивление распространение среди молодежи субкультуры панков и хиппи, скинхедов и антифашистов, различных криминальных («гопники») или религиозных («сатанисты») идеологий. Несмотря на то, что каждая из данных субкультур несет в себе тот или иной негативный потенциал, общество в целом смирилось с их существованием и, как правило, начинает активное противодействие только в том случае, если деятельность представителей указанных субкультур принимает для него формы реальной угрозы. Чаще всего данные угрозы связаны с криминализацией субкультурных движений на основе экстремистских или иных террористических проявлений.

Вместе с тем негативные тенденции среди молодежи имеют гораздо более широкий спектр и не ограничиваются только угрозой дальнейшей криминализации субкультурных течений.

Так, по мнению автора, значительного внимания заслуживают негативные тенденции поведения молодых людей, затрагивающие сферу обеспечения демографической безопасности.

Даже если оставить за скобками такую субкультуру, как «чайлд фри», приходится констатировать, что все больший процент молодежи не спешит связывать себя семейными узами, воспринимая безбрачие в довольно зрелом возрасте как вполне допустимое явление. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, средний возраст вступления в брак в 2021 году для женщин составлял 27 лет, а для мужчин – 29 лет. Снижается и количество официально заключаемых браков. За последние семь лет их стало меньше практически на треть [2]. Кроме того, статистика показывает, что из общего числа женщин, воспитывающих детей, в браке состоит только 56,8 %. По мнению автора, это связано и с тем, что среди молодежи наблюдается тенденция увеличения так называемых гражданских браков, которые позволяют молодым людям не брать на себя юридическую ответственность ни в отношении лица противоположного пола, ни в отношении возникающих между ними процедур взаимодействия.

Такое поведение молодых людей приводит к значительному снижению уровня рождаемости, так как, наряду с нежеланием иметь ребенка, отсутствие надежной семейной опоры вызывает прежде всего у девушек и женщин обоснованное опасение за свое будущее и будущее своих детей. С 2016 по 2019 год количество новорожденных упало практически на четверть [2]. В настоящее время такая статистика не публикуется.

На развитие указанных тенденций влияют различные факторы психологического и социального поведения молодежи. Среди них, по мнению автора, основными являются повышенная инфантильность молодого поколения, все большее стирание традиционных различий в поведении мальчиков и девочек, снижение роли родителей в передаче своим детям важности и неоспоримости семейного уклада жизни. Значимым также является фактор развития в молодежной среде завышенных потребностей, удовлетворение которых для многих молодых людей является критерием возможности или невозможности создания семьи.

Дальнейшее развитие подобных тенденций в молодежной среде несет прямую угрозу национальной безопасности Республики Беларусь, так как уже в ближайшие десятилетия может привести к непоправимым последствиям, причем не только в демографической сфере. Снижение рождаемости титульной нации будет способствовать изменению этноконфессионального состава белорусского общества, влекущего за собой всплеск экстремистских проявлений и этнической преступности, значительно ослабит экономический потенциал, ввиду нехватки рабочей силы и интеллектуальных кадров, существенно снизит возможность социальных гарантий государства в связи с возникновением дисбаланса между молодым и пожилым поколениями. Более того, есть вероятность наступления таких показателей рождаемости, при которых физическое воспроизводство белорусской нации станет просто невозможным.

К проблемным аспектам в среде молодежи, влияющим на общую демографическую обстановку, также можно отнести ухудшение здоровья девушек и юношей, приводящее к невозможности зачать ребенка естественным путем. В 2021 году более 700 новорожденных появились на свет путем искусственного оплодотворения [2]. Основной причиной данного положения является, конечно, общее ухудшение экологической обстановки на планете, однако не стоит забывать и о том, что такая проблема может создаваться искусственно, путем внедрения генномодифицированных продуктов, различных биодобавок и лекарственных препаратов. В качестве примера можно привести давно ведущиеся споры о влиянии на подростковый организм продукции известной мировой компании «Кока-Кола», которая в настоящее время, без преувеличения, пользуется огромной популярностью у нашей молодежи.

Таким образом, сегодня перед государством и общественными институтами возникла значительная проблема, требующая принятия кардинальных решений, направленных на изменение психоэмоционального отношения молодежи к институту семьи, как основе существования и развития традиционного общества. Принимаемых в настоящее время мер по решению указанного вопроса, явно недостаточно.

Как считает автор, следует значительно расширить масштабы социальной рекламы, направленной на пропаганду семейных ценностей, увеличить долю телевизионного, театрального контента и контента СМИ, затрагивающих данную тематику. В дошкольных и школьных учебных заведениях следует продумать расширение использования темы семьи и детей в учебно-методической литературе. В детских

садах и начальной школе такое возможно не только на гуманитарных уроках, но и на уроках математики, например, как фабулы учебных задач. В старшей школе и учреждениях высшего образования целесообразно продумать размещение социальных роликов на билбордах и мониторах в местах массового скопления учащихся и студентов. Возможно, следует восстановить практику проведения совместных вечеров между учебными факультетами или заведениями, в которых преобладающее число студентов относится либо к мужскому, либо к женскому полу. В частности, можно организовывать проведение совместных вечеров отдыха между слушателями военных факультетов УВО и студентками гуманитарных факультетов (филологов, педагогов, психологов и т. д.). Еще одной формой пропаганды семейных ценностей может стать вовлечение учащихся и студентов в создание различных материалов о своей семье, семьях своих дедушек и бабушек. Это могут быть эссе, видеоролики, оцифрованные фотографии, раскрывающие семейные отношения и динамику их развития (свадьбы, рождения детей, юбилеи и т. д.). Их можно размещать на билбордах и мониторах в учебных корпусах и общежитиях, либо использовать путем проведения соответствующих тематических выставок, конкурсов и т. д.

Могут рассматриваться и такие решения, как запрет на продажу и использование определенной пищевой продукции и фармацевтических средств, а также использование частичного или полного запрета преждевременного прерывания беременности, если для этого нет соответствующих медицинских показаний.

Перечень описанных мер – это только незначительная часть того, что общество и государство может предложить для обеспечения своего динамичного и устойчивого развития. То, что эти меры должны начать реализовываться в самой ближайшей перспективе, не вызывает у автора никаких сомнений.

Список цитированных источников

1. Токова, Н. Ю. Молодежная субкультура : курс лекций / Н. Ю. Токова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014.

2. Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gender.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 18.10.2022.

*А. Л. Шингель,
Республика Беларусь*

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Современная обстановка вокруг Республики Беларусь свидетельствует о значительном нарастании и трансформации угроз информационной безопасности. Борьба за сознание в настоящее время стала масштабной, напряженной и острой, сопровождающейся борьбой за территории и рынки. Ряд западных стран давно работает над новыми способами воздействия на противника, среди которых особая роль возложена на мероприятия в рамках концепции, получившей название «Информационное противоборство». В кругах специалистов этот термин трактуется как открытое или скрытое целенаправленное информационное воздействие систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в экономической, политической, военной сфере. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что «...для Республики Беларусь основными источниками угроз информационно-психологического характера в информационной сфере являются информационное противоборство между ведущими мировыми центрами силы, целенаправленное формирование внутри и за пределами страны информационных поводов для дискредитации государственной внешней и внутренней политики» [4].

В связи с этим возникает необходимость в формировании эффективной системы противодействия деструктивному информационному воздействию. Необходимо понимание и знание психологических механизмов и технологий как информационно-психологического воздействия, так и психологической защиты от него, умелое применение имеющихся в распоряжении сил и средств, взаимодействие органов государственной власти [2].

Одним из важнейших направлений в данной работе является подготовка специалистов в области информационного противоборства. В нашем государстве уделяется особое внимание кадровому потенциалу в обеспечении информационной безопасности. На современном образовательном и технологичном уровне осуществляется специальная подготовка, переподготовка и повышение профессиональной квалификации лиц, обеспечивающих информационную

безопасность, сотрудничество между государственными органами, учреждениями образования и отраслевыми предприятиями в подборе, подготовке и трудоустройстве таких кадров, интегрирование тематики информационной безопасности в образовательные программы всех уровней обучения [4]. Вместе с тем продолжается исследование путей использования современных образовательных технологий в целях повышения эффективности распространения знаний в области обеспечения информационной безопасности, формирование научного и учебно-методического обеспечения, непрерывной подготовки соответствующих кадров.

Одним из путей повышения эффективности подготовки специалистов в области информационного противоборства является применение в обучении интегративного подхода. Самые разнообразные способы и методы реализации интеграционных процессов основываются на обобщенной идее единства общенаучной, профессионально-специальной (военно-профессиональной), психолого-педагогической и методической подготовки, вытекающей из стремления дать будущим специалистам целостное, единое представление о сущности их профессиональной деятельности и ее включенности в общегосударственные процессы обеспечения информационной безопасности. Реализация данного подхода предполагает осуществление интегративных процессов на четырех основных *уровнях*: межпредметном, внутрипредметном, межличностном, внутриличностном. Интегративный подход содействует решению следующих задач: раскрывает интеллектуальный потенциал личности обучающихся; формирует профессиональную мотивацию и компетенции; создает психолого-педагогические условия для самообразования, самовоспитания и саморазвития [3].

Курсы по вопросам информационно-психологического противоборства, организуемые в ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», являются интегративными, предусматривающими связь с психологией, социологией, историей и другими дисциплинами. Например, психология – источник научного обоснования психических процессов в различных информационно-коммуникативных ситуациях, оценки степени воздействия информации на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферу человека. Социология выявляет основные тенденции развития человека, процессы его взаимодействия в социуме, воспроизведения культурных норм и ценностей. История обладает огромным идеологическим потенциалом. Так, в ходе занятий с участием психологов специалист приобретает знания об организации, способах и приемах информационно-психологического воздействия, а также способах защиты от него с

учетом развития информационных технологий; обучается своевременно обнаруживать факт манипулятивного воздействия, его направленность, а также делать прогноз вероятной цели и последствий негативного влияния с учетом специфики выполняемых задач. У специалиста формируется собственное эмоционально-оценочное отношение к существующим приемам и технологиям информационно-психологического воздействия на сознание людей в контексте выполнения задач по обеспечению информационной безопасности. Формируется мотивация к собственной защите от деструктивного информационно-психологического воздействия, предполагающая настроенность, установку на активный анализ различных ситуаций с целью выявления актов манипулирования по отношению к себе и своему ближайшему окружению (рефлексивный анализ). Формируются навыки эмоционально-волевой саморегуляции, обеспечивающие необходимое психическое состояние, адекватную реакцию в ходе взаимодействия с негативной информационной средой. Здесь важен анализ собственных побуждений, психических переживаний, личностных качеств (уровень тревожности, радикальность суждений, степень подверженности общественному влиянию и т. д.), а также анализ собственного поведения в различных информационно-коммуникативных ситуациях.

Представляет интерес и технология проведения интегрированных занятий, способствующая активизации познавательной деятельности, быстрому усвоению учебного материала, умению работать в команде. Например, в ходе занятия по теме «Информационное противоборство: сущность и основные понятия» актуализируются ранее усвоенные знания, рассматривается связь с общетеоретическими и специальными дисциплинами; обсуждаются существующие в научной литературе понятия информационного противоборства; рассматривается классификация информационного оружия: наступательное и оборонительное, информационно-психологическое и информационно-техническое. Используются лингвистические и психотропные средства (*связь с историей*). Рассматривается массовое и индивидуальное сознание: его уровни, прямые и косвенные методы воздействия, техники создания мифов, образа врага и продвижения идей, применения принципов психологического влияния (*связь с психологией*); СМИ и Интернет, как информационное оружие; средства поражения техники, программного обеспечения, каналов связи (*связь с техническими дисциплинами*). Изложение основных вопросов изучаемой темы осуществляется с применением интернет-ресурсов, видеосюжетов, проблемных ситуаций, познавательных задач. На этапе закрепления – эффективное сотрудничество педагогов и обучающихся, рефлексивно-

оценочная деятельность. Для этого преподавателями используются инновационные методы и приемы. Проводятся бинарные занятия. Тематический материал подбирается таким образом, чтобы придать им идеологическое значение. Специалисты обучаются работать в составе рабочих групп с распределением учебных ролей и задач.

Как показывает практика проведения подобного рода занятий, преподаватели открывают новые возможности для реализации межпредметных связей, интеграции в сознании обучающихся знаний одновременно по разным дисциплинам [5]. При подготовке информационных материалов применяют знания, полученные в ходе изучения других дисциплин, включенных в учебную программу.

В групповой работе, для оценки степени влияния информационных материалов, распространяемых в средствах массовой коммуникации на массовое и индивидуальное сознание, используется формат «фокус-групп» (*связь с социологией*). Сама атмосфера фокус-групповой дискуссии располагает открыто и в свободной форме обсуждать свои привычки, ассоциации, убеждения. Это позволяет услышать и понять совершенно неожиданные инсайты, предпочтения, глубинные методы выбора [1]. Специалисты изучают и сам метод, первоначально использовавшийся в 1941 году (Р. Мертон, П. Лазерфельд) для оценки эффективности работы радио, а в последующем – для анализа эффективности пропаганды и фильмов для обучения военнослужащих.

Таким образом, результатом применения интегративного подхода при изучении учебной программы курса являются: оптимизация учебно-воспитательного процесса; систематизация учебно-познавательной деятельности, формирования ключевых компетенций. Обращение к интегративному подходу ведет к воспитанию определенных качеств личности специалиста, укреплению его убежденности в правильности государственной политики в области информационной безопасности.

Список цитированных источников

1. Белановский, С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский. – М. : Магистр, 1996. – 272 с.
2. Грачев, Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защиты / Г. В. Грачев. – Волгоград : Издатель, 2004. – 336 с.
3. Иванов, В. Г. Теория интеграции образования / В. Г. Иванов. – Уфа, 2005. – 128 с.

4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1.

5. Мартынова, М. В. Интегрированное обучение. Педагогические технологии. Типы и формы интегрированных уроков / М. В. Мартынова. – Томск, 2003. – 153 с.

*А. В. Шитиков,
Республика Беларусь*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЕМНИКА

Данные последних десятилетий свидетельствуют о росте числа наемников во всем мире и противоправном характере их деятельности на территории различных континентов мира, в частности, в Центральной Америке, африканских государствах, Украине, государствах Ближнего Востока и других странах.

Предметом внимания научных исследований наемничество стало во второй половине XX века, когда человечество осознало преступный характер этого феномена.

В Толковом словаре С. И. Ожегова слово «наемник» толкуется как тот, кто продался кому-нибудь, кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы [1, с. 573].

Научные исследования данного явления проводились: В. В. Алешиним, И. П. Блищенко, А. Г. Кибальником, А. А. Осиповым, К. Л. Потаповым и др.

Вместе с тем общепризнанные определения «наемник» и «наемничество» в научной литературе отсутствуют.

Для определения правового статуса наемника следует прежде всего определить понятие «наемник», выявить признаки, которым должно соответствовать такое лицо, и рассмотреть содержание этого статуса.

В связи с этим следует установить и проанализировать основные источники правового регулирования наемничества, обратившись к нормам международного права.

На международном уровне содержание понятия «наемник» впервые было раскрыто в дополнительном Протоколе I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее – Протокол I) [3].

Так, согласно ст. 47 Протокола I наемник – это любое лицо, которое:

специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;

принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Кроме того, согласно ст. 47 дополнительного Протокола I наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного [3].

Вместе с тем, по мнению отдельных исследователей, несмотря на положения Протокола I, государство имеет право присвоить статус военнопленного наемнику. Аргументируется данная позиция тем, что Протокол I лишает наемников права на статус военнопленных, но не содержит запрета на предоставление соответствующего статуса государством по своей воле. Кроме того, хотя наемники и не имеют права на статус комбатантов и военнопленных, на них распространяются гарантии, закрепленные в ст. 75 Протокола I, которые включают право на гуманное обращение, защиту от убийства, пыток, телесных наказаний [4].

В 1976 году была принята Конвенция по предупреждению и борьбе с наемничеством в Анголе, Луанде 1976 года (далее – Конвенция 1976 года). Указанная Конвенция ввела понятие «преступления наемничества», которые состоят: в организации, финансировании, вооружении, тренировке группы военнослужащих, состоящей из лиц или включающей лиц, не являющихся гражданами государства, где должны быть применены эти вооруженные силы, с личной корыстной целью; во вступлении или в попытке вступления в вышеуказанные силы; в дозволении указанным выше силам пребывать на своей территории, предоставлении транспорта или иной помощи.

Конвенция Организации африканского единства об уничтожении наемничества в Африке, принятая в 1977 году, закрепила аналогично с Протоколом I положения, касающиеся понятия «наемник», с рядом уточнений. Например, для квалификации лица в качестве наемника

указание на чрезмерно высокое материальное вознаграждение за его услуги необязательно, достаточно лишь факта их оплаты (независимо от суммы) [4].

Далее в 1989 году была принята Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (далее – Конвенция 1989 года), принятая ООН, которой введены новые квалифицирующие признаки наемника. Так, термин «наемник» означает любое лицо, которое: специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства, или иной подрыв конституционного порядка государства, или подрыв территориальной целостности государства; принимает участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную личную выгоду и побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения; не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия; не направлено государством для выполнения официальных обязанностей; не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия. Кроме того, термин «наемничество» закрепляется как преступление [2].

Таким образом, была подведена юридическая база для предотвращения использования наемничества в вооруженных столкновениях внутригосударственного характера, а также участия наемников в насильственных действиях, направленных на свержение правительства, подрыв конституционного строя государства, его территориальной целостности.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует единое понимание наемничества на международном уровне. Например, нет единого мнения по вопросу того, подпадают ли под определение «наемник» сотрудники частных военных компаний.

Это объясняется тем, что основные страны – поставщики наемников – не являются участниками указанных конвенций.

Сложившаяся ситуация влечет необходимость разработки норм международного права, которые были бы направлены на всеобщий запрет использования наемников, а также формирование единообразного порядка применения этих норм всеми государствами.

Список цитированных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2011. – 1360 с.
2. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 44/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1989] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Женеве 08.06.1977] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Саврыга, К. П. Международный правовой статус наемников и проблема принадлежности сотрудников частных военных и охранных компаний к наемникам [Электронный ресурс] / К. П. Саврыга. – Режим доступа: <https://www.naukarus.com/mezhdunarodnyy-pravovoy-status-naemnikov-i-problema-prinadlezhnosti-sotrudnikov-chastnyh-voennyh-i-ohrannyh-kompaniy-k-n>. – Дата доступа: 10.10.2022.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОПЫТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Минск, 12–13 октября 2022 г.)

Редактор *Е. А. Перухина*
Корректор *Е. В. Руденко*
Технический редактор *Е. А. Перухина*
Компьютерная верстка *К. А. Кременевской*
Дизайн обложки *А. А. Буяновой*

План РИД ИНБ Республики Беларусь, 2022. Поз. 4.2.
Подписано в печать 19.12.2022. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 8,17. Тираж 99 экз. Заказ 82.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Институт национальной безопасности Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/411 от 14.08.2014.
Ул. Зм. Бядули, 2, 220034, г. Минск.